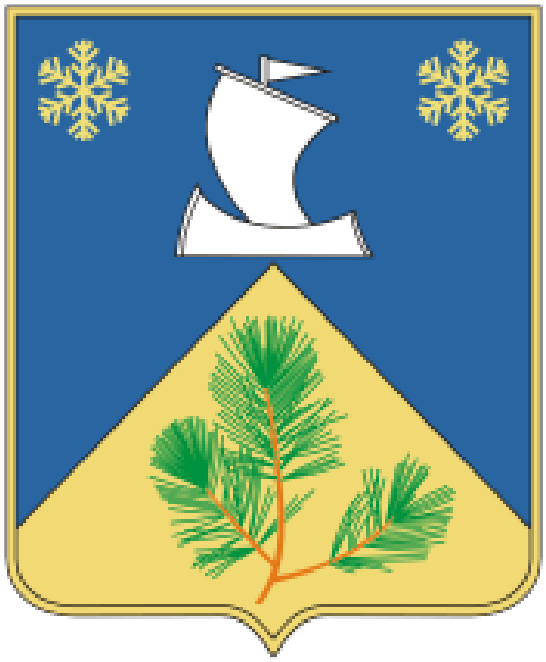
Власова (Плотникова) Екатерина Николаевна

Кузоменская летопись



2012 год

Посвящается моему папе, Николаю Федоровичу Плотникову (1911-1971)

Плотников Николай Федорович с сестрой Ксенией

Выражаю искреннюю благодарность Татьяне Викторовне Тарабуевой, Валентине Александровне Лопихиной и Людмиле Владимировне Смирновой. Без их неоценимой помощи и всемерной поддержки эта книга никогда не увидела бы свет.

Содержание

1 Кольская земля. Терский берег 5

1.1 Историческая справка 5
1.1.1 Экскурс в геологию Кольской земли 5

1.2 Заселение Кольского полуострова 6
1.2.1 Мезолит (10-6 тыс. лет до н.э.) 6
1.2.2 Неолит (4- начало 2 тыс. лет до н.э.) 8
1.2.3 Эпоха бронзы. Средневековье. Славянские стоянки 9

1.3 Лапландия 13

2 Село Кузомень 20

2.1 Кузомень 20
2.1.1 Расположение села 20
2.1.2 История основания 24
2.1.3 Население 25
2.1.4 Кузоменская волость 30
2.1.5 Крымская война 37
2.1.6 Ссылка в Кузомень 39
2.1.7 Первая мировая война (1914-1918 гг.) 44
2.1.8 Октябрьская революция (25 октября [7 ноября] 1917 г.) 47
2.1.9 Великая Отечественная война (22.06.1941-09.05.1945 гг.) 52
2.1.10 Послевоенное время 58

2.2 Учреждения 59
2.2.1 Метеостанция 59
2.2.2 Фельдшерский пункт. Больница 60
2.2.3 Школа 62
2.2.4 Библиотека 68
2.2.5 Пекарня 68
2.2.6 Почта. Авиация 69
2.2.7 Лесничество и земледелие 72

2.3 Кузоменский приход 78
2.3.1 Колокольня 80
2.3.2 Притч Кузоменского прихода 80
2.3.3 Богоугодное дело 81
2.3.4 Обетники 81
2.3.5 Христианские праздники на Терском берегу 81

2.4 Устье и Усть Кош 84

3 Народная культура Беломорья 88

3.1 Быт помора 89
3.1.1 Одежда 93
3.1.2 Питание 94

3.2 Фольклор 116
3.2.1 Поморская присказка 118
3.2.2 Поморская речь 118
3.2.3 Кицка женка 119

3.3 Традиции 120
3.3.1 День рыбака 120
3.3.2 Родники 121
3.3.3 Ледоход 121
3.3.4 Поморская козуля 121
3.3.5 Полено 122
3.3.6 Крест 123

3.4 Поэзия 124

4 Достопримечательности 130
4.1 Белое море 130
4.2 Мыс Корабль 131
4.3 Морошка 133
4.4 Жемчуг 134
5 Поморы 136
5.1 Богданова (Скворцова) Анна Александровна (13.08.1925-23.04.1978) 136
5.2 Богданов Павел Дмитриевич (01.02.1953-17.08.1990) 137
5.3 Богданова (Хуснутдинова) Ольга Дмитриевна 137
5.4 Богданов Валентин Владимирович (24.11.1929-20.04.2009) 138
5.5 Богданов Федор Васильевич (01.05.1904-07.04.1963) 139
5.6 Двинин Евгений Александрович (1906-1965) 139
5.7 Двинин Осип Дмитриевич (1876-1924) 140
5.8 Двинина Нина Тихоновна (1921-2000) 141
5.9 Двинин Семен Степанович (1909 - ?) 141
5.10 Заборщикова (Абросимова) Анфиса Николаевна 141
5.11 Заборщикова Мария Петровна (1914-2000) 142
5.12 Заборщиков Петр Степанович 143
5.13 Заборщиков Эммануил Степанович (29.06.1902-26.11.1981) 143
5.14 Ивакины 143
5.15 Коневы 144
5.16 Кривошеин Филипп Михайлович (1888-1931) 145
5.17 Панкратов Николай Антонович (1910 - ?) 146
5.18 Пирогов Петр Иванович (24.05.1903-1973) 146
5.19 Плотников Николай Федорович (07.05.1911-20.05.1971) 147
5.20 Пономарев Михаил Михайлович (1912-1970) 147
5.21 Сидорова (Пирогова) Елизавета Ивановна 148
5.22 Тарабуевы 149
5.23 Тюттерин Николай Филиппович 150
6 Документы, приговоры и акты 152
7 Словарь поморских и специальных слов 168

1 Кольская земля. Терский берег

Храни огонь родного очага,
Но не позарься на костры чужие.
Таким законом наши предки жили
И завещали нам через века:
Храни огонь родного очага!
(О. Фокина)

1.1 Историческая справка

1.1.1 Экскурс в геологию Кольской земли

Кольская земля – это древняя суша, созданная в докембрийское время, то есть три с половиной миллиарда лет назад. Если посмотреть на раннедокембрийскую историю с позиций тектоники литосферных плит, то выявляется ярко выраженная «непоседливость» будущего Балтийского щита, частью которого является и Кольский полуостров.

Зародившись около 3,5 миллиардов лет назад как микроконтинент Балтика, он в юные годы, примерно с 2,9 миллиардов лет, находился в районе экватора. Затем в результате дрейфа микроконтинент оказался в полярных широтах южного полушария. Там, долго не «засиживаясь», он двинулся к экватору, а оттуда опять на север. Затем – снова путешествие к южному полюсу, где он оказался примерно 900 миллионов лет назад. Вернулся континент в северные приполярные широты около 600 миллионов лет назад.

Около 400 миллионов лет назад Балтика в составе материка Гондваны в зоне экватора столкнулась с Гренландией материка Лауренции. Наступил «преклонный возраст» жизни Балтики как Фенноскандинавского щита, который в составе крупных литосферных плит продолжал «путешествовать». Каждый раз, несмотря на бурные процессы, пытающиеся разрушить этот фрагмент земной коры, Балтика «обрастала» все новыми породами, пока не приобрела современные очертания Фенноскандинавского щита.

На первый взгляд, раннедокембрийские сценарии кажутся фантастическими. Но они опираются на палеомагнитные данные, на основании которых можно говорить не только о миграции магнитных полюсов во времени и пространстве и об изменении магнитного поля земли на 180 градусов, но и о миграции литосферных плит.

Сорок-пятьдесят миллионов лет назад в северной части Европы – на территории нынешней Швеции, Финляндии, Карелии и Кольского полуострова – произрастали пышные субтропические леса, состоящие из сосен, туи, секвойи, платанов, кленов, пальм и диких бананов[1].

За историю своего существования Кольская земля подвергалась разрушениям, разломам и подвижкам. Самыми последними из этих процессов были оледенения и движение ледников.

Начало оледенения произошло приблизительно 80 тысяч лет назад. Максимальная мощность (высота) ледника достигала 3,5 км. В течение геологического времени ледники, двигаясь с севера и северо-запада, в основном из Скандинавии, многократно прокатывались по Кольскому полуострову. Они оставили после себя следы в виде цирков, бараньих лбов, котловин выпахивания, долин прорыва талых вод, озов, камов, ледниковых и водно-ледниковых гряд, холмов и др.

В ледниковые эпохи накапливавшиеся на суше огромные массы льда (намерзшие из-за океанической воды) своей тяжестью продавливали поверхность земли. В теплые межледниковые периоды, когда вес таявших ледников уменьшался, продавленная поверхность поднималась. В соответствии с этими движениями, происходили регрессии (отступ-

[1] В. Песков. Комсомольская правда 25 августа – 1 сентября 2011 . кр.ру 1496 архив на сайте.

ления) и трансгрессии (наступления) морей, создававшие современный рельеф побережья в виде морских террас.

Спустя некоторое время после исчезновения ледников, море стало отступать (этот процесс называется «регрессия»), а суша подниматься. Вот уже тысячи лет идет вертикальное поднятие суши на территории Мурманской области. Правда, этот рост невелик – всего 1-2 миллиметра в год. Море отступает не сразу. Отступит на шаг – и остановится. Ждет, не оставит ли его земля в покое. Отступит еще на шаг – и снова ждет.

А земля все теснит его, все выжимает из своих владений – и уходит море все дальше, оставляя позади себя широкие ступени. Эти ступени – их называют террасами – подлинная лестница исполинов. По ним могут шагать только такие великаны, как море.

Приблизительно 15 тыс. лет назад началось быстрое глобальное потепление. Если обратиться к историческим событиям, можно отметить, что период потепления наблюдался и в более поздние времена, например, в раннем средневековье (1500-500 лет назад). Тогда Атлантический океан был круглогодично судоходным в самых высоких широтах («эпоха викингов»). Позднее, в «малую ледниковую эпоху» (500-100 лет назад) такая благоприятная для судоходства обстановка отсутствовала.

По данным В.В. Кольки и других исследователей, между 12,5 тыс. лет назад и 11,5 тыс. лет назад между Кольским полуостровом и материком в районе горла Белого моря существовала сухопутная перемычка шириной в 50 км. Так, Белое море на тысячу лет превратилось в «приледниковое озеро». Позднее, в результате трансгрессии (наступления моря на сушу), перемычка оказалась ниже уровня моря, и в бассейне установился нормальный морской режим. Вот так «приледниковое» Белое озеро опять превратилось в Белое море[2].

1.2 Заселение Кольского полуострова

1.2.1 Мезолит (10-6 тыс. лет до н.э.)

Первое достоверное свидетельство о пребывании древнего человека на Кольском полуострове относится к эпохе мезолита. Принято считать, что начало мезолита совпало с началом новой геологической эпохи – с голоценом, то есть с тем временем, когда ледник здесь стаял почти полностью, закончилась предшествующая эпоха – плейстоцен, период оледенений и межледниковый.

В работе палеоклиматологов Е.П. Борисенкова и В.М. Пасецкого «Тысячелетняя летопись необычных явлений природы» содержатся свидетельства о том, что быстрое глобальное потепление климата началось примерно 13 тысяч лет до новой эры. Субарктические леса «сместились примерно на 300 км севернее до нынешней полярной границы», а в 7-5 тысячелетии до новой эры среднегодовая температура на севере не опускалась ниже нуля градусов по Цельсию. На указанный период на Крайнем Севере приходятся «абсолютный максимум» березы, сосновые и еловые леса, а также в изобилии деревья широколиственных пород в сочетании со злаково-разнотравным покро-

[2] Из монографии «Терский район» Жиров Д.В., Пожиленко В.И., Белкина О.А.

вом почвы. Тундра начала сменять леса лишь к 3 тысячелетию до новой эры, то есть после окончания теплового периода.

Отступление ледника и потепление климата вызвали продвижение лесной и степной зон в более северные широты, что повлекло, в свою очередь, изменение в составе животных – ряд видов (мамонт, северный олень) отошли в северные зоны, вплоть до арктической тундры, послужившей для мамонтов последним пристанищем. Древние люди, привыкшие к охоте на определенных животных (мамонта, северного оленя и более мелких представителей холодной зоны) и выработавшие для нее соответствующие рациональные орудия, были вынуждены передвигаться вслед за животными на север, осваивая новые, необитаемые ранее пространства.

Однако солнечные лучи хотя и медленно, но неуклонно вызывали таяние льда и на Крайнем севере, вплоть до самого сердца оледенения – Скандинавского щита. Появившаяся вначале узкая приледниковая полоска вдоль побережья Швеции, Норвегии и западной части Кольского полуострова постепенно расширялась, открывая пространства, свободные для жизни, и уже около 7 тысячелетия до нашей эры они стали доступны человеку. Очевидно, к этому времени и относится проникновение первых жителей на Кольский полуостров.

Наибольшее количество известных мезолитических стоянок сосредоточено в северо-западной части Кольского полуострова, однако обнаружены они и на северо-восточном, и южном побережьях – на реке Харловке, в бухте Ивановской, на реках Стрельне, Ниве, Варзуге, по обоим берегам рек Лумбовки и Каменки.

На основании геологических данных (высоты расположения Кольских стоянок над уровнем моря) и сопоставления орудий с орудиями мезолитических памятников других районов следует считать, что наиболее ранние из мезолитических стоянок Кольского полуострова относятся к 7-6 тысячелетиям до нашей эры, то есть 9-8 тысяч лет тому назад.

Для изучения истории края исключительный интерес представляют открытия, сделанные Кольской археологической экспедицией АН СССР под руководством доктора исторических наук Н.Н. Гуриной. На левом берегу реки Варзуги недалеко от села Кузомень экспедиция зафиксировала 21 местонахождение стоянок каменного века (мезолит) и раннего металла (неолит).

В районе Кузомени значительная группа мезолитических стоянок находилась в устье реки Кицы (приток Варзуги), в урочище Голые Горы. Здесь древние дюны сохранили следы более 10 древних стоянок. В этом месте были найдены только каменные орудия труда: проколки, ручные рубила, пластинки, остроконечники, наконечники стрел. Обнаружены кварцевые скребки очень мелкого размера, тщательно ретушированные; в других случаях – аморфные, лишь с частичной обработкой. Кварцевые наконечники стрел небольшие, неправильных очертаний. Мезолитический возраст памятников подтверждается значительной высотой расположения над уровнем моря и удаленностью от него, так как уровень воды в море в то время был на 15 метров выше нынешнего. Постепенно уровень воды в море спал.

Следы жизни человека в эпоху мезолита фиксируются и выше по течению реки Варзуги, у села Варзуга, на высокой песчаной террасе, протянувшейся вдоль современного берега реки, на котором расположено село. Здесь были обнаружены кварцевые скребки, в большинстве случаев не превышающие полутора сантиметров, и такие же мелкие резцы, сходные с найденными на дюнах Голых Гор. На ранний возраст стоянки указывает и ее значительная высота над уровнем реки. Во время существования стоянки река текла по террасе, на которой лежит теперь современное село Варзуга и остатки средневекового селища.

Таким образом, мезолитические памятники известны сегодня в самых различных частях Кольского полуострова, хотя количество их, по сравнению с неолитическими, относительно невелико. Учитывая, в основном, небольшую площадь стоянок и относительно слабую насыщенность культурного слоя находками, можно сделать вывод, что на этих

мелких стоянках жили небольшие человеческие коллективы, которые вели подвижный образ жизни. Основным источником их существования, очевидно, являлись охота и рыболовство в его начальной форме.

Рыболовство мезолитических племен, обитавших на морском побережье Кольского полуострова, было своеобразным. В большей мере оно сводилось к собиранию рыбы и морского зверя, оставшихся в небольшом количестве на полосе осушки во время отлива. Поэтому не случайно стоянки того времени были неразрывно связаны с морем и располагались преимущественно по кромке берега мелководных тогда бухт, вблизи рек и маленьких речек или горных потоков – источников пресной воды. Жители же речных долин, по всей вероятности, были больше охотниками, хотя, несомненно, и ловили рыбу на реках и озерах простейшими ловушками.

1.2.2 Неолит (4- начало 2 тыс. лет до н.э.)

Время, следующее за мезолитом, археологи называют неолит (новокаменный век или век раннего металла). Неолит представлен на Кольском полуострове сотнями памятников: кратковременными стоянками, длительными поселениями и наскальными рисунками.

При изучении неолитических памятников отчетливо видны произошедшие изменения. Так же, как и в мезолитическое время, люди выбирали для своих поселков наиболее удобные участки побережья. Главным образом, это были песчаные бухты вблизи источников пресной воды – крупных или мелких речек. Но, в отличие от эпохи мезолита, вслед за отступающим морем люди заселяли более низкие террасы.

Ко времени неолита появляются целые цепи стоянок в устьях рек, впадающих в Белое море. Поселения и культурный инвентарь всех неолитических стоянок Севера весьма сходны, их различали две археологические культуры под названиями «каргопольская культура» и «беломорская культура» (стоянки Кузомень, Ненокса, Красная гора, Яренга, Зимняя Золотица, Кузнечиха на побережье Белого моря)[3].

Удобным для жизни древнего человека было побережье реки Варзуги в нижнем ее течении и прилегающие к нему районы. В районе села Кузомень движение песков отразилось на древних памятниках. Часть их, очевидно, была полностью уничтожена.

Впервые на стоянки древнего человека этого периода наткнулся местный рыбак Пономарев Михаил Павлович в начале 20-х годов XX века. Полевые археологические исследования в районе реки Варзуга были проведены в 1928 году палеонтологической партией антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции МАЭ АН СССР под руководством А.В. Шмидта.

В результате работ около села Кузомень были найдены одиннадцать стоянок эпохи неолита и два славянских поселения. Все памятники располагаются в двух местах – на левом берегу реки на группе дюн около Гагарьего озерка и на склоне высокой дюны Голые горы. Здесь было найдено более 2500 предметов. Эта многочисленная коллекция сборов 1928 года сейчас хранится в фонде археологии музея антропологии и этнографии РАН.

Позднее археологами было обнаружено около 20 стоянок на береговой линии между устьями речек Кицы и Кимеши. Общее число неолитических стоянок достигает свыше 30. Много стоянок зафиксировано на побережье Гагарьего озерка. Южный и западный берег его представляют собой высокие дюны, поросшими некрупными соснами, а между ними – значительные по площади пониженные участки, следы древних выдувов, которые использовались в те времена как места поселений. Хотя часть материала оказалась развеянной и переотложенной ветром, но сохранившиеся очаги, сложенные из камней, бесспорно, свидетельствуют о том, что древние люди жили именно на этих удобных, закрытых ранее от ветра участках.

[3] Наш край в истории СССР. Издание 2-е. Архангельск, 1974 г.

С поверхности дюнных выдувов собрали «некрупный листовидный наконечник, стрелы, нож, кресало. Хорошо сохранилась железная округлая пряжка, литая бронзовая поясная лировидная пряжка, точило, кремень для высекания огня и не совсем ясного назначения свинцовые полушаровидные с грибовидной ножкой предметы». Особенно велико количество грузил из песчаника, с желобками для привязывания, в отдельных местах они лежат по несколько штук вместе, очевидно, там, где находились сети.

В эпоху неолита на смену необтесанным каменным орудиям приходят более совершенные, тоже каменные, но уже сравнительно хорошо обработанные. Усовершенствовались орудия труда, появилась глиняная посуда, во многом облегчившая бытовые условия. Люди прочно освоили изготовление лыж, в большей мере способствовавших успеху охоты, и лодок, сделавших более доступным рыболовство. На смену бродячей охоте и собиранию даров моря в эпоху мезолита пришла более активная форма промысла – охота с собакой и рыболовство.

Рыболовство вошло в экономику неолитического общества прочно. Появились зачатки морского промысла. Рыбу ловили не только удочкой, но и с помощью рыболовных сетей и ловушек. До нас не дошли сами сети, но, судя по грузилу, встреченному в одной из могил, они были крупными. Поплавки к сетям делали из сосновой коры или закрученной бересты, а для грузил использовали окатанные гальки, которые привязывались жилами, лыком или оплетались берестой.

1.2.3 Эпоха бронзы. Средневековье. Славянские стоянки

Не менее двух тысячелетий продолжалась эпоха новокаменного века на Кольском полуострове, прежде чем люди познали полезные свойства металла – вначале меди и бронзы, а затем и железа. Древние обитатели Кольского полуострова, как и везде, прошли через все стадии развития культуры – мезолит, неолит и ранний металл. Существенным является то, что эти стадии наступали у обитателей Кольского полуострова примерно в те же времена, что и в более южной лесной зоне. Помимо своеобразия материальной культуры, формы хозяйства и различия в орудиях труда, продиктованных ярко выраженной особенностью природных условий, для древнего населения Кольского полуострова характерно самобытное, достаточно развитое искусство, отражающее мировоззрение обитавших в тех местах охотников-рыболовов.

На смену неолиту пришла эпоха бронзы – время, когда люди научились плавить медные руды, изготавливать металлические изделия из бронзы – сплава меди и олова. Две древние славянские стоянки обнаружены на Терском берегу вблизи села Кузомень, в том же районе, где находились неолитические стоянки первобытного человека. Здесь обнаружены предметы и остатки очага, сложенного из сильно обожженных камней, и обломки толстостенного лепного сосуда, с прикипевшими к его стенкам каплями бронзы. А так же железная ручка и массивная цепь для подвешивания котла длиной более полуметра. Очевидно, бронзу плавили прямо в сосудах, так же как и на стоянках более южных районов, например, на Урале.

В 3-4 тысячелетиях до нашей эры на Кольский полуостров с северного Урала пришли финно-угры, которые смешались с прежним населением края. Они образовали новую народность – протосаамов (предков современных саамов), что подтверждается археологическими находками эпохи бронзы, открытыми на территории Норвегии, Финляндии и Северной Карелии. Русские охотники добрались до берегов Белого моря в IX веке и остались здесь, так как нашли крайне привлекательный объект охоты – моржей. Моржовые бивни (или «рыбий зуб») в то время очень ценились в Европе. Позже объектов промысла стало значительно больше.

Стоянки, найденные вблизи села Кузомень, являются единственными древними славянскими стоянками на Терском берегу. Одна древняя стоянка обнаружена на окраине древних дюн на берегу речки Кимеши. Здесь же были найдены остатки двух разрушенных средневековых погребений, от которых остались только часть черепов и длинные кости (могильник Кузомень-1), где кроме костных останков были найдены вещи: разложившиеся железные предметы, среди которых наконечники стрел, свинцовые предметы для укрепления щита, деформированные остатки конской сбруи.

Так же были обнаружены и бытовые предметы – сильно расслоившиеся железные сковороды и котлы, остатки очага, где плавили бронзу. Все предметы датированы XI-XII веками. Среди находок особенно изящно выполнена «уховертка» – костное резное украшение для ношения на поясе. Так же были найдены бронзовые украшения: поясные пряжки лировидной формы, полая подвеска – «уточка» с загнутым в кольцо хвостом и с двумя петлями для крепления дополнительных подвесок, «шумящие» подвески, бронзовые амулеты – миниатюрные фигурки: «Конь на змее», четвероногий прорезной конек.

Точно такие же предметы были встречены при раскопках слоя XI-XII веков в Новгороде. Это время проникновения новгородцев в Юргу (Северное Зауралье) и на берега Белого моря. В те времена Новгород еще являлся частью Киевской Руси (до 1136 года). Лишь столетие спустя в летописи появится упоминание о «терском даннике».

Еще была сделана важная находка западноевропейской монеты – серебряного денария Альберта второго (1018-1064 годов), отчеканенная в Англии. Здесь же обнаружены сосуды, изготовленные на гончарном круге. Их датируют XIV-XVI веками нашей эры.

Другая славянская стоянка обнаружена на устье реки Варзуги. На правом ее берегу в нескольких десятках метров от впадения ее в море имеются остатки древнего поселка, насчитывающего не одно столетие – это Кош (так называется дюна, на которой сохранились остатки славянского поселения). В 1892 году местные жители в осыпи обрыва «в обвалившемся кургане» возле устья реки Варзуги нашли завернутые в бересту 7 массивных «скандинавских» серебряных гривен IX-XII веков различных типов.

В настоящее время клад хранится в Государственном Эрмитаже. Здесь же была найдена медная детская фигурка «амулет с изображением человека монгольского типа: в сидячем положении с протянутыми вперед руками». В начале XX века этот амулет находился в экспозиции Архангельского городского музея. Аналогов к этой находке еще не разыскано, и время его создания неизвестно.

Освоение Терского берега новгородцами началось в XII-XIII веках. Позднее Север заселялся теми, кто бежал от ордынского ига, княжеского произвола, крепостной неволи и преследований церкви. Терский берег не знал крепостного права. Поморы платили дань сначала Новгороду, а затем Москве.

Сборщики дани

В XI-XII веках Господин Великий Новгород в споре с воинственными «мурманами» (так на Руси называли норвежцев) захватил Терскую землю – этот богатый пушниной, морским зверем, ценными породами рыб, ловчими соколами и речным жемчугом дикий край.

Поездки на Терское побережье Беломорья сталкивались с большими трудностями, дорог в этом крае не существовало. Приходилось пользоваться большими и малыми реками, зачастую на себе перетаскивать суда по суше через водоразделы (волоки), пробираться через лесные дебри и болота. Немало людей гибло при этом, но, невзирая на трудности, знатные новгородцы и ладожане снова и снова снаряжали «холопов-сбоев» на Беломорье – «в полуношную сторону».

С древней старины таскали люди свои суда через волоки. Сообщались друг с другом через волоки славянские и финские племена, завязывали дружбу и вражду. Волоками проникали саами на Поной, а позднее из Варзуги на Поной пробирались враги саамов и те же терчане, то есть русские с Терского берега. Ходили таким же путем и сборщики дани из Варзуги, вооруженные секирами и луками. Новгородское правительство, включив область Тре с состав своих владений, стало регулярно посылать сюда сборщиков дани, которые выясняли места саамских поселений, стойбищ, устанавливали численность взрослых саамов – охотников, способных платить дань мехами. В знаменитом Уставе Святослава Олеговича за 1137 год Варзуга не значится в списке 27 пунктах сбора дани на беломорском побережье.

В середине XII века двиняне во время плавания по Белому морю стали регулярно посещать «Терскую сторону» для промысла и меновой торговли с саамами (лопарями). Терским берегом русские промышленники называли не все побережье Кольского полуострова, а только его юго-восточную, беломорскую часть, от мыса Святой Нос до Турьего мыса, общей протяженностью приблизительно 500 километров. Бóльшая часть Терского берега находится за Полярным кругом. Часто поморы оставались зимовать здесь. Близ устьев рек они ставили промысловые избы. Там, где оседали русские промышленники, вскоре появлялись новгородские власти, проводили учет населения и заставляли нести различные повинности.

Первое свидетельство об установлении новгородской власти на Кольской земле содержится в летописи, его записал Пимен на телячьей коже: «в 1216 году близ Суздаля убит Семьюн Петриловиц – терский данник», то есть сборщик дани с Терской земли. До сих пор его считают первым местным правителем нашего края.

В 1251 году Александр Невский заключил договор с Норвегией, позволяющий обеим сторонам собирать фиксированную дань с лопарей (не более 5 беличьих шкурок с охотника) на территории Финмарка и Кольского края, ставший до 1326 года общим норвего-новгородским округом. Так, согласно этому договору, лопари волости Тре платили дань одновременно Новгороду и Норвегии. Отсутствие четкой границы между Россией и Финмарком, а так же существование двоеданства лопарей, все это привело к лапландскому спору и столкновениям. Эти столкновения иногда заканчивались настоящими войнами.

В 1982 году Северодвинская экспедиция ЛОПА АН СССР под руководством ленинградского археолога О.В. Овсянникова провела дополнительные археологические изыскания в устье реки Варзуги. Археологам удалось найти, в некотором отдалении от песчаных дюн, участок с тремя неповрежденными погребениями (могильник Кузомень-2).

Завернутые или накрытые лубом костяки лежали в деревянных гробовинах без крышек, на глубине 0,7 метра от поверхности, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой к северо-востоку. По сопутствующему инвентарю (стеклянные бусы, металлические части ремней, подвески, застежки) и с помощью антропологов удалось установить, что двое погребенных были женщины, а один мужчина 30-40 лет. В одном женском захороне-

нии сохранились фрагменты пояса с ножом, мехового головного убора и тканей одежды, украшенные бронзовыми подвесками и нашивками. У второй женщины было ожерелье из стеклянных бус, круглых бронзовых подвесок, часть из которых имела орнамент в виде процветшего креста. У левого колена мужчины был положен железный рабочий топор рукояткой вверх. Все три погребения датировались по вещам концом XII- началом XIII века, то есть приблизительно 1200-1210 годами.

Также О.В. Овсянников на этом участке берега нашел несколько литых подвесок – амулетов из бронзы: ключик, двуглавый пластинчатый конек, поясные кольца, фрагменты цепочки.

Судя по украшениям, найденным Н.Н. Гуриной и О.В. Овсянниковым, они являются типично финно-угорскими, некоторые из них имели культовое значение и изготовлялись новгородцами для торговли с народами Севера в обмен на пушнину. Поскольку присутствуют женские украшения, следует полагать, что население было оседлым.

Два могильника и клад серебряных монет в устье Варзуги – пока единственные на сегодня достоверные находки XI-XII веков на территории Кольского полуострова. Можно предположить, что в Кошу находилась постоянная резиденция финского князя Кузо.

Корельский погост

Корельский погост, по данным историка И.Ф. Ушакова, находился в Кошу. Это было самое первое славянское поселение на Терском берегу. Поскольку Корельский погост был сожжен мурманами (норвежцами), люди вынуждены были уйти за пороги, вверх по реке Варзуге, чтобы обезопасить себя от неприятеля. Но и в дальнейшем скандинавы не переставали разорять поселения. Близ Варзуги сохранились остатки древних укреплений – Прямого и Косого городищ. Одно из урочищ носит название «Немецкая пядь». По преданию, здесь были убиты и похоронены 40 чужеземцев – скандинавов, приходивших грабить крестьян, но получили достойный отпор. «Немцами» русские называли всех иноземцев – не славян.

В 1470 году «корельские дети», заселявшие побережье Белого моря, собрав свои родовые отряды и получив помощь от новгородцев, ходили ратью в Каянскую землю (Финляндию). По окончании похода пожертвовали колокол Соловкам.

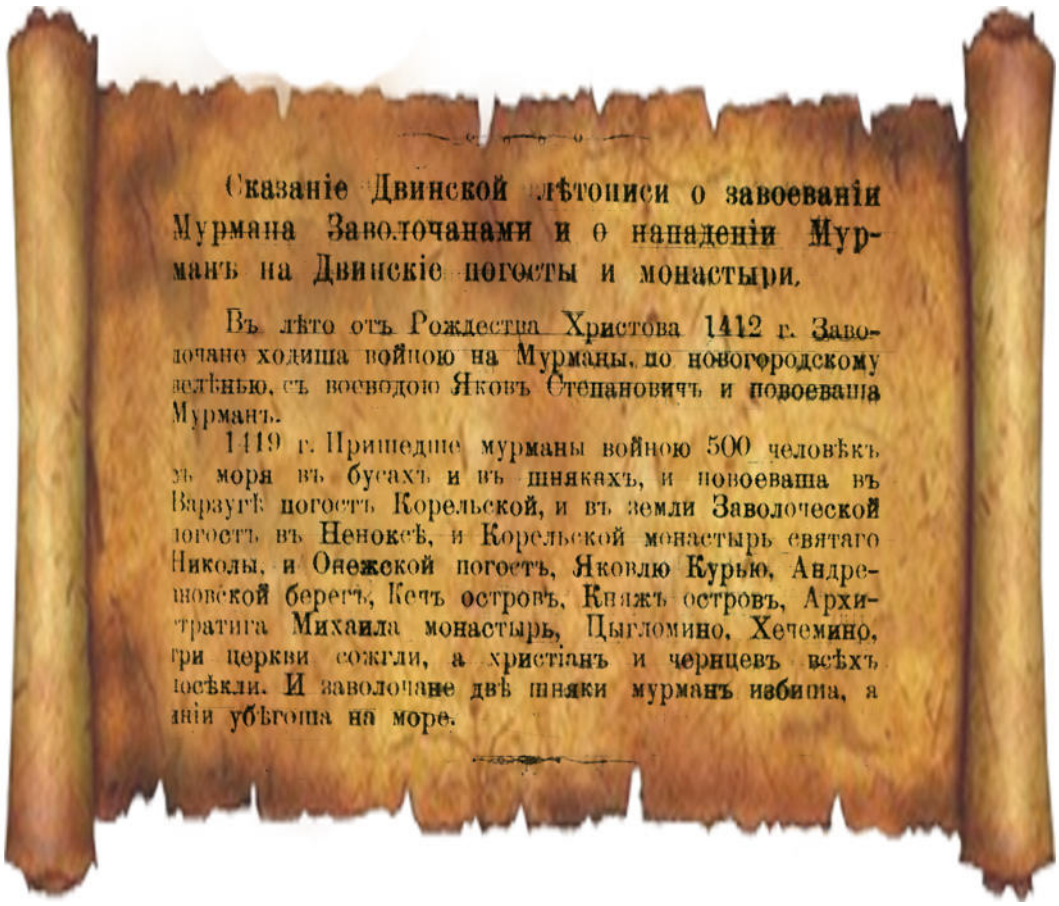
В 1497 году великий князь Иван третий Васильевич «повоевал» шведов на 8 реках Ботнического залива.(Ключевский В.О. стр. 210).

В течение 300 лет, с середины XII и до середины XV веков Новгород воевал 26 раз со Швецией, 11 раз с Ливонским рыцарским орденом, 14 раз с Литвой и 5 раз с Норвегией[4].

С 1478 года Кольский полуостров оказался под властью Москвы. При Иване Грозном были уничтожены остатки новгородской вольницы. Тем не менее, русские северяне, закаленные в постоянной борьбе с природой, сохранили независимый нрав, чувство собственного достоинства, вольнолюбие – черты, свойственные русской нации.

Развитие сельского хозяйства, ремесла, судоходства и торговли в Двинском Поморье подготовило условия для возникновения постоянных селений русских крестьян на Терском берегу, его активно начали заселять двиняне. Увеличению села Варзуги способствовала отдаленность края от административных центров. Здесь не было помещиков как в России и не было крепостного права. Сюда от боярского засилья шли боярские холопы; промысловые люди – охотники, рыболовы, солевары; беглые лопари, монахи и стрельцы. На Терском берегу селились люди предприимчивые, свободолюбивые.

[4] *«За Русский Север» К.Д.Егоров стр.10*



Сказаніе Двинской лѣтописи о завоеваніи Мурмана Заволочанами и о нападеніи Мурманъ на Двинскіе погосты и монастыри.

Въ лѣто отъ Рождества Христова 1412 г. Заволочане ходиша войною на Мурманы, по новогородскому велѣнью, съ воеводою Яковъ Степановичъ и повоеваша Мурманъ.

1419 г. Пришедше мурманы войною 500 человѣкъ съ моря въ бусахъ и въ шнякахъ, и повоеваша въ Варзугѣ погостъ Корельской, и въ земли Заволоческой погостъ въ Ненокѣ, и Корельской монастырь святаго Николы, и Онежской погостъ, Яковлю Курью, Андреновской берегъ, Кетъ островъ, Княжъ островъ, Архистратига Михаила монастырь, Цыгломино, Хечемино, три церкви сожгли, а христіанъ и черницевъ всѣхъ посѣкли. И заволочане двѣ шняки мурманъ избиша, а иніи убѣгоша на море.

1.3 Лапландия

Юго-восточное побережье Кольского полуострова именуется Терским берегом, от волости Тре, которая в XIII веке входила в состав владений Великого Новгорода. Скандинавское «Тре» означает землю, покрытую лесом. Когда-то весь Кольский полуостров назывался Тренесом. Может быть, и треска стала «треской» оттого, что начали ее ловить новгородцы именно в этих местах.

Карелы же именовали Кольский полуостров «Турья». С названием «Турья» следует связывать наименование мыса Турьего на юге Кольского полуострова, служившего хорошим ориентиром древним мореплавателям через Белое море.

Первыми о Терском береге узнали жители Северной Норвегии. Норвежский мореход Отар (Отер), совершивший во второй половине IX века плавание в Белое море, рассказал о пустынности Кольского полуострова, где «только в немногих местах живут терфинны, которые занимаются охотой, рыболовством и ловлей птиц».

Отер, первым из викингов посетивший Беломорье, назвал жителей прибрежной полосы terfinni, то есть «лесными финнами». Соседнее с ними население, сходное с терфиннами по языку, но отличающееся по образу жизни он поименовал beormas, а местность, которую оно заселяло Bereme (береговая полоса). Поскольку германцы и скандинавы еще с I века нашей эры называли саамов финнами, а приставка ter – переводится как «дерево», то название терфинны являются эквивалентом славянского этнонима «лопь лешая», которым обозначались в то время отдельные группы саамов. Слово «Тер» задержалось в местной топонимии и стало названием южной части Кольского полуострова – Терский берег.

Волость Тре упоминается во всех договорных грамотах периода 1264-1471 годов в числе новгородских волостей. Но в различных грамотах она писалась по-разному: Тре, Терь (древнесаамский язык, родственный ненецкому означает «жизнь»), Терье-нярг (у саамов и сейчас еще бытует это название Кольского полуострова), Тирь, Турья.

В XV веке поморы хорошо знали, что Терская земля представляет большой полуостров и официально называли ее Терский наволок, Терский Нос. «Наволок» у поморов означает полуостров. Долгое время полуостров именовался Лапландским, и только в середине XIX века окончательно закрепилось название Кольский, а Терским стал именоваться лишь юго-восточный берег Беломорья на полуострове.

Кольский полуостров в старину именовали Терским наволоком, Землей Лопии, Лапландией. «Земля лопарей» (Лапландия) долгое время оставалась неизвестной европейцам.

Первые сведения о природе населения Северной Европы стали известны еще в античное время. Римский историк Тацит писал, что обитатели Крайнего Севера «не имеют ни орудия, ни лошадей, ни домов; трава им пища, шкура – одежда и земля – постель... Они считают себя счастливее тех, которые вздыхают над плугом, устают при постройке домов, мучаются страхом за свое имущество и жаждою чужого добра. Не боясь ни несправедливости людей, ни гнева богов, они достигли того, что более всего трудно: им ничего не нужно желать».

Это область вечного холода, покрыта глубокими снегами, не знакомая с летним зноем, изобилующая лесами, дикими плодами и животными, не виданными в других странах. Самсон Грамматик впервые указал наименование этой загадочной области – Лаппия.

К середине XVII столетия число опубликованных в Европе сочинений, касающихся самой северной страны – Лапландии, возросло пропорционально тому интересу, какой вызывали слухи о ее загадочном населении. Самый замечательный труд о Лапландии и ее народе, который «затерялся среди болот и лесов своих, и даже ближайшие соседи не знают и не берутся сказать, кто они и что из себя представляют эти лопари или лапландцы, хотя имя их широко стало известно по всему свету», принадлежит упсальскому профессору Иоганну Шефферу. Написанное на латинском языке, его сочинение увидело свет во Франкфурте в 1674 году. По обычаям того времени, оно имело пространное название: «Лаппония, или новое и вернейшее описание страны лопарей и самого лопарского народа, в котором излагается многое еще никому не ведомое о его происхождении, суевериях, колдовстве, образе жизни, обычаях, а также о природе животных и металлов, встречающихся в Лапландии с приложением подробных к тому рисунков».

Изучая картографические и письменные источники средневековых авторов, Шеффер заметил, что земля лопарей именуется в них по-разному: то Биармией, то Скрикфиннией, то Лаппонией или Лапландией. Сравнивая их положение, он пришел к выводу, что никакой страны, отделенной от Биармии и Скрикфиннии, не существовало. Это была одна и та же страна, в старину называвшаяся скандинавскими авторами Биармией, а иностранцами – Скрикфиннией, и лишь на грани XVI-XVII столетий получившая наименование Лапландии.

В числе немногих первых отечественных исследователей, сообщавших сведения о Русской Лапландии и ее населении, с полным основанием можно назвать М.В. Ломоносова, который в юности каждое лето отправлялся с отцом на тресковый промысел к берегам Мурмана и систематически встречался там с коренными обитателями края.

В 1761 году, опровергая неверные сведения о северных народах, опубликованные Вольтером в «Истории Петра Великого», Ломоносов отмечал малый рост и небольшую физическую силу лопарей «за тем, что мясо и хлеб едят редко, питаясь одною почти рыбою». И тут же вспоминал: «Я, будучи лет 14, побарывал и перетягивал тридцатилетних сильных лопарей».

Ломоносов сообщал и другие этнографические наблюдения: «Лопари отнюдь не черны и с финнами одного поколения, ровно как и с корелами и со многими сибирскими народами... Лопари хотя летом, когда солнце не заходит, весьма загорают, ни белил, ни румян не знают: однако мне их видеть нагих случалось и белизне их дивиться, которую они самую свежую треску превосходят – свою главную повседневную пищу».

В 1835 году деревенский врач Элиас Ленрот, путешествуя по Карелии, записал большое количество народных эпических рун и составил их них книгу, которую назвал

«Калевала, или старые руны о древних временах финского народа». Эта книга раскрывает нам картины древней Лапландии – страны полусказочной, полной чародейства, вечно мрачной Похъелы, где распоряжается хозяйка севера – злая и властная колдунья Лоухи, которая похитила солнце и месяц, чтобы обречь народ на тьму, голод и отчаяние.

«В этой стране – говорится в Калевале – нет ни солнца, ни луны, нет совсем дневного света. Здесь, сверкая огненными глазами во тьме, блуждает волк, по вершинам снежным ходят ледяные медведи, в обледенелых избах живут угрюмые колдуны в пестрых вышитых одеждах, громко, громко поют и поглаживают черные бороды»[5].

Загадочная Полярная империя

Себастьян Кабот, картограф и мореплаватель. Навестив воды Ньюфаундленда, кишащие жирной треской, он дал европейцам вкусную и дешевую рыбу, которую охотно поедали короли и нищие.

Кабот преподавал космографию юному королю Эдуарду VI.

– Вашему величеству, – утверждал он, – следует искать новые пути на Восток. Если мы поплывем на север, то, стоит нам пробиться через льды, и мы сразу попадем в царство вечной весны, которое освещено незакатным солнцем.

Англия верила в существование загадочной Полярной империи. Наслушавшись пламенных речей Кабота, купцы организовали компанию, для которой купили три корабля. В начальники экспедиции был выбран Хуго Уиллоуби – за его высокий рост, а штурманом эскадры назначили Ричарда Ченслера – за его большой ум и длинную бороду. В мае 1553 года Лондон прощался с кораблями сэра Уиллоуби, матросы были обряжены в голубые костюмы, народ кричал хвалу смельчакам, возле Гринвича корабли салютовали дворцу короля, придворные дамы махали им платками из окон...

Прошел только один год, и русские поморы, ловившие рыбу у берегов Мурмана, случайно зашли в устье речки Варзины; здесь они увидели два корабля, стоявшие на якорях. Но никто не вылез из люков на палубы, из печей камбузов не курился дым, не пролаяли корабельные спаниели. Поморы спустились внутрь кораблей, где хранились товары. Среди свертков сукна и бочек с мылом лежали закостеневшие в стуже мертвецы, а в салоне сидел рослый Хуго Уиллоуби – тоже мертвый; перед ним лежал раскрытый журнал, из которого стало ясно – в январе 1554 года все они были еще живы и надеялись на лучшее... Их истребила тоска, морозы, безлюдье, отчаяние...

Поморы поступили очень благородно.

– Робяты! – велел старик-кормщик. – Ни единого месточка не шевельни, никоего покойничка не колыхни. И на товары чужие не зарься: от краденого добра добра не бывает...

В объятиях стужи законсервировались лишь два корабля. Но среди них не было третьего – «Бонавентуре», на котором плыл умный и энергичный сэр Ричард Ченслер (пилот эскадры). «Бонавентуре» в переводе русский означает «Добрая удача». Сильный шторм возле Лафонтенов разлучил «Бонавентуре» с кораблями Уиллоуби; в норвежской крепости Вардегауз, что принадлежала короне датского короля, была заранее предусмотрена встреча кораблей после бури.

Огибая Скандинавию, Ченслер приметил конечный мыс Европы, которому и дал название – Нордкап! Ветер трепал длиннющую бороду Ченслера, и он спрятал ее за воротник рубашки. Справа по борту открылся узкий пролив, через который англичане вошли в Белое море (ничего не ведая о нем, ибо на картах Себастьяна Кабота здесь была показана пустота). Плыли дальше, пока матрос из мачтовой «бочки» не прогорланил:

– Люди! Я вижу людей, эти люди похожи на нас...[6]

В XII веке один из новгородских князей договорился с Господином Великим Новгородом о том, чтобы ему, князю, лично владеть областью Терского берега. Затем краем владели бояре новгородские Исаак Борецкий, Нестор Иванович, Тимофей Ермолинич, ко-

[5] Б.И. Кошечкин. «Открытие Лапландии».

[6] В. Пикуль «Псы господни» стр.33

торые захватили крупные участки морского побережья, лучшие промысловые угодья – рыбные тони и звериные ловища.

Крестьяне Терского берега жили общинами. Основные угодья: реки, озера, морские тони, леса – находились в совместном владении всей волости. Общинные угодья делились не уравнительно: каждому домохозяину выделялось столько участков, сколько ему полагалось по «луковому владению». Луком называлась определенная доля общинных угодий и доходов. С течением времени земли и угодья с их насельниками обращаются в вотчины новгородских бояр, а позже их московские монастыри и, наконец, сами святейшие патриархи «Московские и всея Руси» – имели свои вотчины. В короткий срок владения монастырей в Терских волостях достигли огромных размеров.

Сохранилось несколько грамот Соловецкого монастыря XV-XVII веков, вкладных и купчих на земли и угодья. Земли, которые приобретал монастырь, рассеяны были по Беломорскому побережью среди обширных владений «корельских детей», принадлежавших к пяти родам, и их местонахождение обозначается в грамотах выражениями «промежу пяти родов корельских детей».

Развитие двинской торговли и центров солеварения на Летнем берегу (Ненокса и Уна) способствовало активизации заселения другой части Двинской земли – Терского берега. Здесь во 2-й половине XV века (с 1466 года) вместо Корельского погоста уже известны две богатые промысловые волости – Варзуга и Умба, в свою очередь, сыгравшие заметную роль в заселении Терского берега[7].

В середине XV века волость Тре разделилась на две части: Варзужскую и Умбскую. Земли и угодья с их владельцами обращаются в вотчины новгородских бояр. Варзужская волость была подчинена Марфе Борецкой, правившей в 1450-1471 годах. Во втором браке – жена посадника Исаака Борецкого (Борецкие – одни из богатейших землевладельцев, знатных господ Новгородской земли). За овдовевшей Марфой Борецкой в 1460 годы закрепилось прозвище «Посадница». Несколько лет она фактически управляла Новгородом. В 1471 году с сыном Дмитрием возглавила враждебную Москве партию бояр. В 1479 году была арестована и отправлена в ссылку в Нижний Новгород, пострижена в монахини, а имущество ее было конфисковано. Два сына Борецкой в XV веке погибли в Белом море. «Се яз раба божия Марфа... поставила есми церковь, храм святого Николы в Корельском[8] на гробах детей своих Онтона да Феликса»[9].

Незадолго до падения Новгорода, некоторые новгородские феодалы, свои вотчины на Терском берегу пожаловали Соловецкому монастырю.

В 1470 году, как свидетельствуют документы, Марфа Борецкая отписала отцу основателю обители преподобному Зосиму Соловецкому на вечные времена «вотчину свою по морскому берегу, рыбные ловища, землю и воды и пожни[10] и леший лес от Умбской межи[11], от Кашкаранского ручья[12] и до Красные Щелейки[13], Точильный ручей и Кашка-

[7] Поморы. Бернштам.
[8] Северодвинск
[9] грамоты Великого Новгорода и Пскова
[10] сенокосы
[11] граница владений между Умбой и Варзугой, проходила по реке Оленица
[12] речка не доезжая трех километров до Кашкаранцев
[13] граница между владениями Варзуги и терскими лопарями на востоке

ранский наволок. А в 1450 году она подарила Соловецкому монастырю Кемскую и Сумскую области, ей принадлежавшие.

В 1471 году Великий Новгород потерпел поражение в битве на реке Шелоне и потерял свою самостоятельность, включая и «Лопскую землю», вошел в состав единого Российского государства. Так, в 1478 году весь Кольский полуостров был под властью Москвы и принадлежал Ивану III.

После включения Терской земли в состав Московского государства был проведен учет податного населения края. Варзужская и Умбская волости были обложены податями и пошлинами и были подчинены власти двинского посадника, который осуществлял суд и расправу над жителями, а также сбор дани.

15 июня 1563 года. «Сотная» грамота с книг описи двинян Якима Романова и Никиты Пятутина на волость Варзугу:

Варзуга река от Двинской земли за морем за океаном, за большою пучиною, по смете тысяча верст и больше, а земли у них нет, хлеба они не пашут и соли не варят, потому что к ним ценных угодий не прилегло нигде; а та у них река и промысел, ловят в них красную рыбу семгу.

Волость Варзуга. Над рекою над Варзугою на Двинской стороне погост; на погосте церковь с трапезою Успенье Пречистые стоит без пения. На другой стороне Варзуги реки погост, на погосте церковь Николы чудотворца, другая церковь с трапезою Петр и Павел. И всего вживе по обе стороны Варзуги реки и на острову 124 двора, а людей 167 человек.

По морскому берегу от Умбской межи Варзугские тони живущие:… тоня Толстой наволок, тоня Кабатов ручей, три тони Бельковы, т. Мелкая, т. Глубокая, т. Великая изба, т. две тони Огородные, т. Шибалкина, т. Ручьевая, т. Воротиха, т. Рекшуева, т. Столбиха, т. Шангина, т. на Кошевском наволоке на устье р. Варзуги.

В реке в Варзуге тони, а ловят на них красную рыбу семгу неводами; на устье р. Варзуги тоня Рендокота, ловят 8-ю неводами; тоня Гверстище, ловят 4-мя неводами; тоня на Великом острову, ловят 8-ю неводами; тоня на Сиговце, ловят 4-мя неводами.

В реке ж Варзуге ловля гаровная, а ловят красную ж рыбу семгу; на устье той же реки Варзуги на другой стороне тоня в Кошу на наволоке, а ловят 12-ю карбасами, а в карбасе по 2 человека; да по той же по реке Варзуге вверх тоня в Кузонемы, ловят 20-ю карбасами; тоня в Верхней Кузонемы, ловят 8-ю карбасами; на нижнем конце Вичанного острова ловят 5-ю карбасами, на Быкове острову тоня, ловят 4-мя карбасами, на Великом острову на перевозе тоня, ловят 9 – ю карбасами и за курьей под неводом тоня, ловят 13-ю карбасами; на устье р. Кица тоня, ловят 9-ю карбасами; речка Кица, а в ней забор; в Кимеши тоня, ловят 5-ю карбасами. И всего в живее на морском берегу и в реке Варзуге неводных и гаровных 80 тонь.

Да в той же реке Варзуге ловля красной рыбы семги, а ловят и на порогах 78-ю поездами, а на поезду по 2 карбаса, а в карбасе по 2 человека.

Да на той же реке Варзуге тутошние жильцы и приезжие промышляют жемчуг, а государю с того идет десятое зерно.

В Варзугской волости жильцов луки, кто чем владеет:

Попов Васюк Леонтьевич – 3 лука, дочь Поладвица – поллука.

Сидоров Пахом – 4 лука.

Сидоров Перха – 3 лука с четвертью…

И всего 866 луков с третью. А по тем луком ведают они меж себя тони рыбные ловли по морскому берегу, и в реке Варзуге неводные и гаровные и поезные ловли, и в речных заборах. А ловят на тех на всех тонях и в реках красную рыбу семгу, и на леших озерах белые рыбы добычу, и сенные покосы, и звериные и птичьи ловища. А давали они преж сего царю в казну за те угодья, за рыбные ловли, и за звериные и птичьи ловища, и за лешие угодья, и за сенные покосы – 35 рублев и 20 алтын и 8 денег на год. Да они ж дают сверх луковые дани с рыбные ловли с морских и с речных тонь и с заборов с речных с улова десятую рыбу семгу.

В то время Варзуга соперничала с Холмогорами, и Грозный, всюду стремившийся уничтожить остатки новгородского демократического влияния и новгородской самостоятельности, послал карательный опричный отряд во главе с Басаргой Федоровичем Леонтьевым для усмирения и сбора внеочередной дани с варзужан, которые отказались платить двинским рыбопромышленникам 450 рублей долга. Опричники разрушали дома, изъяли все ценное имущество, которое на судах было вывезено на Двину и распродано. «И запустела от голоду и от мору, от Басаргина правежу и от двинского иску Варзужская волость». Событие это произошло в 1568 году. Оно вошло в историю под названием «Басаргин правеж», и до середины XX века в поморских селах детей пугали «Басаргой». Едва треть дворов осталось в Варзуге через 7 лет после этой расправы. По переписи 1575 года, «стоят 79 пустых дворов и 33 поросших бурьяном места бывших изб, пустует 11тонь». Так же пострадали Кандалакша, Умба, Порья губа.

В 1581 году в борьбу за захват крестьянских угодий в Варзугской волости включился богатый Троице-Сергиев монастырь. Он добился у правительства отдачи ему «на оброк» то есть в пользование за особую плату, вносимую в царскую казну, 29 тонь и 4 реки, в том числе Стрельны и Чапомы на Терском берегу, которые до этого арендовали у варзужан двиняне. Имущие люди нередко сами отдавали свои угодья, промысловые заведения, дворы, суда и так далее «вкладам» в монастырь на определенных условиях, которые фиксировались в грамотах.

В 1586 году Соловецкий монастырь в Варзуге владел четвертой частью (224 луками), 7 жилыми крестьянскими дворами и 8 дворовыми участками; 30,5 лука владел Николо-Корельский монастырь; 1/20 доля в рыбных ловлях принадлежала Антониево-Сийскому монастырю.

Вот что повествуют клирские ведомости от 1895 года: «Наглядными памятниками бывших монастырских владений могут служить луга (пожни), до сего времени называемые «Соловецким», «Спасским», «Троицким», «Сийским» и так далее. Позднее образуется патриаршая. Поэтому, по духовным росписям второй половины XVIII века, прихожанами Варзугских приходов (в состав коих входили Чапома, Тетрино, Кузомень) были крестьяне бывших вотчин: патриаршей, Соловецкой, Сийской и Спасской».

1622 год. «Сотная» грамота Мирона Вельяминова да подьячих Бажена Степанова и Антона Подольского:

В Варзуге на Пречистенской стороне церковь Успения Пречистой Богородицы деревянная вверх с трапезою, предел преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев; другая церковь Афанасия Великого, Александрийского чудотворца деревянная, третью церковь Успения Пресвятые Богородицы деревянную воздвизают вново.

На Пречистенской стороне находятся дворы Рогозина Федота Федоровича, у него 3 сына: Гаврил, Лука и Ефим – 4 лука.

Сурядовы Иван Андреевич, Федор и Андрей Михайловичи имели 11 луков.

Кондратьев Артем Никифорович , сын Лев – 7 луков...

На Никольской стороне:

Когачевы Петр и Давид Ермоловичи – 3 лука с полулуком;

Пирогов Степан Иванович – 4 лука;

Козаков Степан Петрович – 3 лука...

1646 год. Из переписных книг переписи Ивана Философа и Кузьмы Патракеева:

Во дворе Федька и Митька Осиповы дети Гундаловы, у Федьки сын Миронко 3 года. Во дворе вдова Меланья Степанова, у нее ж живут на подворье 2 брата Коноваловы: Андрюшка да Лев Ивановичи...

В XVII веке, когда территориальные споры с Норвегией были решены, а село Варзуга быстро разрасталось, начался процесс расселения. Варзужане спускались к морю и создавали новые селения на берегу поближе к рыбным ловищам. В переписной книге 1678 года написано: «да у моря на Терской стороне слободка Тетрино, а в ней патриаршие крестьяне: во дв. Корела Семен Степанович, у него внук Парфенка; во дв. Никанов Тимофей; во дв. Онаньин Федор, у него зять Карпов Яков; во дв. Абросимов Семен; во дворе Семенов Нестерко, у него сын Яков 6 лет; поселились из Варзужской волости со 1660 года». В 1667 году варзужанами было основано село Кузомень.

Карта Российской Лапландии от 1745 года

2 Село Кузомень

Вдоль побережья Белого моря
Есть много разных сел и деревень,
Но всех дороже Кузомень родная,
Дом с русской печкой над Варзугой рекой...
(отрывок из песни)

Кузоменские пески не отпустят без тоски.
(народная поговорка)

2.1 Кузомень

2.1.1 Расположение села

Село Кузомень (66°17′15″ с.ш., 36°52′12″ в.д.) расположено приблизительно в четырех километрах от устья реки Варзуги на правом ее берегу. Место это находится на узком участке суши, образованном рекой Варзугой и берегом Белого моря, недалеко от Полярного круга. Ширина получившегося «мыса» не превышает двух километров при длине около десяти.

Река Варзуга – одна из красивейших на Кольском полуострове, вторая по величине после Поноя. Кипящие, растянувшиеся на один-два километра пороги, стиснутые отвесными скалами, сменяются спокойными, широкими и глубокими плесами в оправе бесконечных сосновых боров, которые надежно защищают реку, и только последние десять километров русла перед устьем открыты всем ветрам. Варзугу справедливо называют «красавицей Кольского полуострова». На карте 1613 года она показана под названием «Варсига».

20 января 1896 года. Кузомень. Из дневниковых записей члена экспедиции по Терскому берегу Колпакова Сергея Павловича:

Я взглянул перед собой и увидел снежнохвойные дали и пустынную недвижную реку Варзугу, уходившую между двумя стенами леса в полусказочную Лапландию, страну тундр и озер, о которой в столицах знали только приблизительно. На сто верст отсюда к северу не было ни одного русского селения, а через сто верст уже бродили лопари, перегоняя своих оленей по тундре, в которой брала свое начало пустынная извилистая Варзуга. Большой крест с голубцом, покосившийся – словно под тяжестью навалившегося на него снега – был единственным напоминанием о том, что здесь, на краю света, все же живут люди.

– Нонь, уж близко. Через полчаса доедем, – проговорил мой ямщик, бросая в снег докуренную сигару.

Олени осторожно спустились с горы к гладкой, как стекло, реке Варзуге, после получаса быстрой, легкой езды мы, действительно, увидели вдали перед собой очертания Кузомени. Обширное село раскинулось широко и плоско на ровном и пустынном берегу, не оживленном ни единым деревцом или кустарником.

– Тут, старики сказывали, прежь непроходимые леса были, – отвечал на мой вопрос воз-

ница, – да народ перевел его на дрова. Нонь Кузомень в песках, как на ладони стоит. Идут пески с моря, заносят ее, а защиты уж нет боле, нового леса тут нонь не вырастишь.

Кузомень названа так по имени легендарного финского князя Кузо, который оставил свое имя целому ряду уголков в этом краю. На месте нынешней Кузомени много столетий назад была, говорят, постоянная резиденция этого поморского владыки.

Деревня, занявшая большой треугольник берега, ограниченный с трех сторон морем, рекой и голой песчаной равниной, показалась мне очень неприветливой и унылой. К тому же ветры, гуляющие вокруг нее на просторе, встретили нас внезапно закрутившейся метелью. К счастью, ехать было недалеко.

Через десять минут, отряхивая с плеч и шапок мелкий мокрый снег, мы поднимались по ступеням высокого, обшитого досками крыльца дома купца Комарова Пантелея Фомича. Дом был меблирован совершенно по-городскому. Мягкие ситцевые диваны, кресла, широкие постели, граммофон на столике в углу. В зале с потолка спускается старинная стеклянная люстра с голубыми подвесками, а на стенах висят зеркала в рамках красного дерева, овальных, разукрашенных завитушками. Тут я узнал, что Олена, работающая прислугой, появилась у Комаровых романтическим образом. Она родилась в Шенкурске и, оставшись круглой сиротой, восьми лет от роду перешла на воспитание к дяде. Он хотел ее выдать за тридцатилетнего вдовца с двумя детьми. Странствующая монахиня, направляющая на Терский берег для сбора подаяний на монастырь, согласилась взять ее с собой. В одну прекрасную ночь Олена бежала из Шенкурска. Позже Олена была выдана замуж за кузомлянина Пирогова Дмитрия.

Село построено культурно: рядами в четыре улицы. Пять двухэтажных домов (с лавками – магазинами). Восемь домов построены по-новгородски: полутораэтажные. Двадцать один дом обшит и покрашен. Имеется школа, медпункт, дом священника, дом псаломщика. Две церкви, одна из них пятиглавый храм с тремя престолами, колокольней. Одна церковь на Устье. Две магазеи – хлебная и соляная.

Кузомень – село большое, 180 дворов. С крупным волостным правлением: служащими, приставом, урядником, старшиной, чиновником по крестьянским делам, писарем, сельским старостой. Кузоменская интеллигенция: учитель, фельдшер, отец благочестивый, врач (один на весь Терский берег), псаломщик (дьячок), начальник метеостанции.

Ниже по реке, в четырех километрах от села Кузомень по левому берегу, располагается место впадения ее в Белое море, получившее название Устьем. По правому берегу Варгузи у самого устья находится мыс Наволок[14] и тоня Кошевская. Название тони происходит от древнего промыслового становища Соловецкого монастыря под названием Кош. В описи 1575 года она упоминается как тоня в «Кошу на наволоке». В нескольких десятках метров от впадения реки в Белое море предположительно располагался Корельский погост.

[14] Слово «наволок» у поморов означает «полуостров»

Примерно в километре от Кузомени, вверх по течению реки, находится мыс Свидания. С него открывается прекрасный вид на реку и легко заметить появление любой лодки. Еще выше по течению реки находится Лудка, здесь заканчивает свои владения песок и начинаются хвойные леса. Песчаная пустыня, вольготно раскинувшаяся на десятикилометровую длину, расположилась на правом берегу реки от тони Кошевской до Лудки.

Лудка

По левому берегу реки Варзуги, примерно в трех километрах от ее устья, в нее впадает речка Кимеша (или «Кимокша»).

Напротив села в реку Варзугу с левого берега впадает река Кица. В XV веке в описях эта река обозначалась как Кича. Не исключено, что звук в слове изменили первые русские поселенцы – выходцы из новгородской земли. В их говоре была особенность, вместо звука «ч» употреблять звук «ц» – «целовек», «ноцка», «цто», «цорный» и т. д.

В средние века река Кица была глубока, порожиста и очень семужья, но сейчас она сильно обмелела. У устья этой реки расположен остров Ловецкий.

Выше по левому берегу реки находится остров Великий. Это самый большой в низовье реки. Проток между островом и левым берегом реки называется Подневодская курья[15].

Небольшой проток между Великим островом и маленьким островком возле него, заросший кустарником ивняка, называется Глушица. Во время малой воды верхний конец протока высыхает[16].

Выше Великого острова, ближе к правому берегу, находится остров Вичанный, или остров Вичанной курьи. Название острова происходит от слова «вица»[17]. В старину лодки сшивали не гвоздями, а вицами, вичьем. Поэтому в архангельских говорах такие лодки называются вичанками, вичевками. Вичье также рубили для поплавков (кубас – так называли поплавок скрученный прутиком вицы). Молодые деревца ивы рубили на хлысты, ко-

[15] Курьями поморы называли заводь, речной залив, часто отгороженный от основного русла островом или отмелью

[16] Глушица – застойная заводь, залив, рукав глухой реки

[17] Вица – это хворостинка, прут, розга, лоза, хлыст

торые распаривали и употребляли для якорей у сеток вместо веревок, по нескольку сот на один рыболовный участок. На острове Вичанный и теперь растет много ивняка. Лудка находится как раз рядом с Вичанным островом (через реку).

Из отчета Риппаса. Кольская экспедиция 1898 года:

В Кузомень мы прибыли 28 мая на пароходе «Чижов». Нам удалось беспрепятственно высадиться на берег, что в этой местности не всегда возможно. Берег здесь низкий и плоский, так что пароход должен останавливаться далеко от него в открытом море и при сколько-нибудь значительном волнении доставка пассажиров в лодках становится невозможной.

Само село расположено на правом берегу реки Варзуги, приблизительно в 4-х верстах от ее устья. Против села в Варзугу впадает довольно значительная река Киця. Село образует одну улицу, около версты длиною; по обеим сторонам стоят просторные избы, нередко двухэтажные. Несколько в стороне находятся две церкви, окруженные невысокими, песчаными дюнами, которые покрывают всю окрестность и придают местности унылый вид. Растительности никакой.

Лет 40-50 тому назад, невдалеке от села рос лесок, но крестьяне его вырубили и на его месте теперь тоже тянутся дюны. Жители (более 650 чел.) занимаются морским промыслом, главным образом ловлей семги осенью и весенним боем тюленей; некоторые владеют судами и торгуют.

Дальше мы отправились в Варзугу по реке на карбасе. От Кузомени до Варзуги 18 верст пути по реке. Глубина реки незначительна, что для проезда по ней в обычных морских лодках, нужно ждать прилива, влияние которого простирается на 18 верст от Устья. Берега реки образуют крутые откосы, на них встречается несколько террас, свидетельствующих о том, что некогда река текла на более высоких уровнях.

Известный фольклорист А.В. Марков, побывавший в Кузомени летом 1901 года, таким увидел село. «*Кузомень – промышленное село, расположившееся на низком ровном морском берегу при устье реки Варзуга. Когда-то в его окрестностях шумел сосновый лес, но его так безжалостно жгли в холодные зимние ночи, что теперь на три версты кругом нет ни одного кустика. Ветер пересыпает громадные кучи песку, которые окружают все постройки, оставляя около них воронкообразные углубления. По улицам трудно ходить, нет ни одной травинки, и овцы жуют рыбу, щепу и мочалу. Здесь живут «главные капиталисты» Терского берега, скупающие семгу, звериное сало и оленьи шкуры и ведущие торговлю преимущественно в обмен на товары, привозимые из Архангельска на собственных судах*».

Из воспоминаний ученого – фольклориста Д.М. Балашова, побывавшего в Кузомени в 1961 году: «*От пристани до села и дойти было трудно. Ноги вязли в сыпучем песке. Впечатление диковатое. Добротное русское село, рубленной с достатком, с избытком – то тут, то там двухэтажные хоромы, сараи на речной стороне на таких подпорах, при-*

лива ради, что залюбуешься, – все это село утонуло в азиатских барханах. Песок сухой и зыбучий тяжелыми волнами перекатывался через село, засыпая устье реки Варзуги, и избы будто плывут в песчаном море».

2.1.2 История основания

В 1667 году было основано село Кузомень. Оно возникло как выселок из села Варзуги в середине XVII века, когда начался процесс расселения варзужан на постоянное жительство. До этого здесь были «живущие» промысловые угодья (тони). Большинство северных древних названий «обкатано» несколькими языками. «Живущие» тони – это рыбные ловища, где имелась промысловая изба, в которой жили только во время сезонного лова семги, а зимой ее владельцы уезжали в Варзугу или на Двину.

В 1469 году упоминается тоня Кузонима на реке Кича (Кица). В «сотной грамоте 1563 года» на реке Варзуге указаны «живущие» рыболовные тони Нижняя Кузонима и Верхняя Кузонима – это не что иное, как нынешнее русифицированное название Кузомени.

В названии села, особенно в древней форме, просматриваются две карельские основы Кууси – ель, Ниеми – мыс, то есть название Кузомень восходит к карельскому – Еловый мыс. А может, название села относится к более раннему периоду, изначальному, так как саамское Кусс так же означает «ель». По другой версии, как следует из дневника Колпакова Сергея Павловича, Кузомень получила свое название в честь легендарного финского владыки – Кузо, у которого здесь много столетий тому назад была постоянная резиденция этого поморского владыки. И он оставил целому ряду уголков свое имя (Кузомень, Кузрека, остров Кузов в Белом море)[18].

[18] Данные из книги «Терский берег» Н. Колпаковой

19 декабря 1684 года. «Выпись» из Двинских переписных книг 7186 г. (1678 года) стольника Афанасия Фанвисина и подъячего Федора Замятнина на владения Соловецкого монастыря Двинском уезде.

Да у моря ж на Терской стороне в деревне Кузомине вновь поселились из Варзугской волости патриарши же крестьяне со 175-году (1667 г.): во дв. Титко Иванов, у него Микитка 3 лет; во дв. Сенка Иванов, у него сын Трофимка, у него ж племянник Гераска 6 лет, него ж подсоседники: Ларка Степанов, да Ондрюшка Иванов, да Корнилко Мартынов, у него сын Анисимко, у Андрюшки сын Мишка.

На реке Варзуге деревня Куземино, а в ней: во дв. Рогозин Давид Ефимович, у него Афонька 3 лет; у него ж соседи той же волости крестьяне Рогозин Евтюшка Гаврилович; во дв. Митька Федоров сын, плотник, у него сын Филатко 4 года; а по ревизской сказке они поселились вновь со 182-го году (1674 г.).

По описи 1785 года[19], в Варзуге было 64 дома, а в Кузомени – 37. Если на 1684 год кузомлянами были Ивановы, Мартыновы, Рогозины, Федоровы и Степановы, то по описи 1785 года в Кузомени проживали Богдановы, Кореховы, Катарины, Коневы, Плотниковы, Панкратовы, Пономаревы, Пироговы, Сидоровы, Тарабуевы[20].

2.1.3 Население

В начале XX века, во времена своего расцвета, село раскидывалось четырьмя стройными рядами на километровую длину. Ниже приводятся статистические данные по населению и имуществу села.

[19] Данные метрических книг Успенской церкви

[20] Данные только по Успенской церкви – по прихожанам Петропавловской церкви информации найти не удалось

Количество дворов и жителей села Кузомень

Год	Дворов	Жителей (М+Ж)	Грамотных
1785	37		
1835	40		
1846	42	310	
1854	82		
1890	115		
1895	123	679	
1900	145	691	255
1903	145		
1905		663	
1906	142 + 5 обществ. домов	737	
1908	153		
1909	146		
1910	143	780	
1913	141 (149?)	758	
1915	150		
1916	147	752	
1917	148	636	
1926		481	
1938		580	
2002		78	

Сведения о рождаемости в селе Кузомень

Год	Новорожденных
1892	28
1902	24
1905	26
1907	20
1908	27
1915	6
1917	3

1900 год[21].

Убито: 36 лис, 75 куниц, 4 медведя.
Оленей – 563 голов, крупного рогатого скота – 89 шт.; овец – 380 шт.
Карбасов – 419 шт.; 518 человек занимались вырубкой леса.
Вылов семги: весенняя – 405 пудов на сумму 1286 рублей.
осенняя – 3632 пудов на сумму 48178 рублей.

1905-1906 годы.

Дворян – нет;
Духовенство православное – 2 м, 2 ж, детей 1;
Почетных граждан – 11 м, 11 ж;
Мещан – 3 м, 4 ж;
Крестьян –298 м, 353 ж.

[21] Фонд Ф-1А

На 1906 год в селе – 3 церкви, 1 часовня, 1 колокольня; душ обоего пола – 757; частных домов – 142, общественных домов – 5 (всего 147 дворов); общественная баня – 1; общественных амбаров – 2; частных бань – 64; амбаров частных – 104; тонских изб – 72.

По другим источникам, в 1906 году в селе проживали 363 мужчины и 374 женщины (итого 737 человек). Детей школьного возраста с 8 до 12 лет: мальчиков – 36, девочек – 35 = 71.

Ведомость по скотоводству в селе Кузомень:

Скот	Годы	
	1905	1906
Лошади	2	3
Рогатый скот	91	106
Овцы	370	437
Олени	430	380

Список домовладельцев на конец 20-х - начало 30-х годов, составленный Заборщиковой Марией Петровной и Заборщиковым Мануилом Степановичем.

ул. Набережная, 1-й ряд (с реки, с верхнего конца)		чел.
1.	Абросимов Матвей Павлович	6
2.	Пономарева Глафира (проскурница)	3
3.	Абросимов Григорий Павлович	6
	Абросимов Поликарп Григорьевич	7
4.	Рогозин Арсений Ефимович (купец)	6
5.	Заборщиков Иван Иванович (купцы, сельский совет)	6
	Заборщиков Михаил Иванович	7
	Заборщиков Алексей Иванович	6
6.	Абросимов Артемий Павлович	7
7.	Абросимов Яков Семенович (купцы, ясли)	2
	Абросимов Федор Семенович	5
8.	Андронов Алексей (Самохвалова А.В.)	3
9.	Двинин Осип Дмитриевич	3
10.	Двинин Федор Иванович	10
11.	Когачев Иван Евдокимович	8
12.	Заборщиков Александр Алексеевич (купцы)	3
	Заборщиков Николай Алексеевич	9
13.	Панкратов Илья Прохорович	6
14.	Панкратов Антон Федорович	4
15.	Пономарев Василий (Семен)	5
16.	Корехов Михаил Никитич (купцы)	9
	Корехов Петр Никитич	4
17.	Дряхлов Кирилл Иовлевич	8
18.	Кириллов Сиверьян (приезжий)	4
19.	Двинин Василий Галактионович	8
	Двинин Яков Васильевич	7
	Двинин Григорий Васильевич	6
20.	Пономарев Василий Федорович	3
21.	Абакумов Нефед (Пирогов Дм. Ив.)	?
22.	Тарабуев Ефим – Епимаха	3

23.	Абакумов Василий Дмитриевич	10
24.	Двинин Степан Александрович	?
25.	Богданов Семен Васильевич	5
26.	Абросимов Кирилл	6
27.	Пономарев Михаил Павлович	7
28.	Рогозин Александр Алексеевич	7
29.	Пирогов Иван Александрович	7
30.	Двинин Федор	7
31.	Дряхлов Петр Семенович	8
	ул. Октябрьская, 2-й ряд	
1.	Пирогов Никифор Александрович	?
2.	Тюттерин Илья Захарович	?
3.	Богданов Федор Иванович	6
4.	Тюттерин Филипп Иванович	10
5.	Богданов Степан Терентьевич	10
6.	Тюттерин Евгений Филиппович	6
7.	Богданов Василий Ефимович	6
8.	Богданов Иван Сергеевич	6
9.	Заборщиков Емельян Иванович	5
10.	Заборщиков Евдоким Николаевич	8
11.	Богданов Василий Сергеевич	6
12.	Тюттерин Константин Филиппович	4
13.	Богданов Андрей Федорович	5
14.	Мошникова Анна Ивановна	1
15.	Плотников Константин Николаевич	8
16.	Плотников Федор Андреевич	8
17.	Школа + почта	-
18.	Корехов Василий Никитич	2
19.	Катарин Степан Александрович	6
20.	Тарабуев Сергей Иванович	8
21.	Дом псаломщика (клуб)	6
22.	Дом священника (больница)	8
23.	Заборщиков Яков Семенович	2
24.	Тюттерин Павел Филиппович (библиотека)	2
25.	Тарабуев Петр Васильевич	7
26.	Абросимов Арсений Васильевич	8
27.	Приданникова Ненила Антоновна	?
28.	Абакумов Петр Ефимович и сын Николай	6
	Абакумов Федор	3
29.	Двинин Александр Константинович	7
30.	Медпункт	-
31.	Дряхлова Мария	4
32.	Кирилловский Алексей Ефимович	6
33.	Корехов Петр Павлович	10
34.	Заборщиков Анисим Алексеевич	3
35.	Тарабуев Илларион Мефодьевич	3
36.	Сидоров Варнава Васильевич	3
	Сидоров Петр Варнавович	7
37.	Абакумов Петр Егорович и сын Александр	9

	Абакумов Герман	3
38.	Сидоров Архип Васильевич	8
39.	Двинин Александр Павлович	6
40.	Двинин Матвей Алексеевич	6
41.	Абакумов Иов Дмитриевич	?
42.	Двинин Самсон Федорович	3
43.	Пирогов Петр Иванович	?
44.	Рогозин Михаил Алексеевич	6
	ул. Октябрьская, 3-й ряд	
1.	Тарабуев Елизар Петрович	?
2.	Тюттерин Семен Ильич	?
3.	Абросимов Алексей Павлович	?
4.	Тюттерин Егор Филиппович	6
5.	Корехов Павел Иванович	8
6.	Богданов Петр Гаврилович	?
7.	Катарина Серафима Трофимовна	3
8.	Богданов Владимир Степанович	3
9.	Богданов Владимир Андреевич	10
10.	Заборщиков Василий Николаевич	8
11.	Богданов Яков	3
12.	Воронин Елисей	?
13.	Марина Алешиха	2
14.	Волостное правление (правление колхоза, потом клуб)	-
15.	Михайлушка	2
16.	Конев Матвей Евдокимович	6
17.	Плотников Яков Федорович	4
18.	Богданов Сергей Филиппович	6
19.	Панкратов Петр Степанович	2
20.	Рогозин Ефим	9
21.	Заборщиков Тимофей Николаевич	?
22.	Заборщиков Степан Николаевич	7
23.	Двинин Павел Кузьмич	3
24.	Тарабуев Селиверст (Богданов Петр Гаврилович)	6
25.	Богданов Тихон Иванович	8
26.	Двинин Петр Кузьмич	8
27.	Кирилловский Варфаломей	?
28.	Пономарева Мария Галактионовна	3
29.	Пирогов Филипп Николаевич	2
30.	Панкратов Андрон Трифонович	6
31.	Пирогов Артем	7
32.	Сидоров Егор Архипович	6
33.	Абросимов Иван Васильевич	6
34.	Панкратов Михаил Александрович	8
35.	Корехов Иван Иванович	12
36.	Абакумов Григорий Филиппович	?
37.	Сидоров Семен Архипович	6
38.	Пирогова Евдокия	6
39.	Андронов Иван Мелентьевич	5
40.	Абакумов Марк Филиппович	?

	ул. Поморская, 4-й ряд	
1.	Заборщиков Степан	?
2.	Кожин Семен Ильич	?
3.	Анисья Кузьмовна	2
4.	Демьянчик	4
5.	Богданов Артем Иванович	8
6.	Плотников Петр Николаевич	?
7.	Катарина Руфима	2
8.	Заборщиков Павел Клементьевич	3
9.	Корехова Агафья	5
10.	Абросимов Александр	?
11.	Тюттерин Иван	?
12.	Богданов Иван Васильевич	4
13.	Плотников Геннадий Иванович	2
14.	Тюттерин Егор Захарович	10
15.	Богданов Александр Васильевич	?
16.	Тюттерин Филипп Иванович	12
17.	Тарабуев Павел Иванович	8
	Тарабуев Захар Иванович	4
18.	Пирогов Семен Федорович	8
19.	Конев Ефим Евдокимович	5
20.	Двинин Николай	5
21.	Двинин Матвей Семенович	?
22.	Пирогов Сергей	8
23.	Пирогов Тимофей	4
24.	Панкратов Никита	?
25.	Давид (дом Богомоловых)	?
26.	Авдотья	?
27.	Андронов Матвей	?
28.	Абакумов Филипп	4
29.	Двинин Георгий Федорович	?
30.	Воронин Александр	?
31.	Северьяниха	?
32.	Двинин Василий Галактионович	?
33.	Плотников Егор Николаевич	?
34.	Рогозин Григорий	?
35.	Абакумов Филипп	?

2.1.4 Кузоменская волость

Первые административно-территориальные единицы на Кольском полуострове – это новгородские волости Тре и Коло. В 1582 году из большей части Кольского полуострова и северной части Карелии был образован Кольский уезд под управлением Кольского воеводы. К концу XV века волость Тре была разделена на Варзугскую и Умбскую, подчинявшаяся двинскому посаднику. С 1775 года Северная Карелия отошла к Кемскому уезду, а Варзугская и Умбская волости целиком включены в состав Кольского уезда. С 12 декабря 1796 года Кольский уезд находится в составе Архангельской губернии.

К началу XIX века заполярные владения России, Дании и Швеции все еще не были разграничены. В результате русско-шведской войны 1808-1809 годов Финляндия вошла в

состав России. Современная российско-норвежская граница проходит по той линии, которая была установлена в 1826 году.

В 1828 году Тетринская, Пялицкая слободки и село Поной были присоединены к Варзугской волости. В этом же году в уезде ликвидированы Княжегубская и Порьегубская волости, а с 1841 года в его составе только две волости – Ковдская и Кузоменская. Указом от 2 декабря 1858 года Кольский уезд упразднен, его территория передана Кемскому уезду, а город Кола получила статус «заштатного», так как в Крымскую войну была почти полностью сожжена.

В 1861 году в России пало крепостное право. Все жители Кольского края не были крепостными, они относились к категории государственных крестьян, поэтому правительство упорядочило лишь административное деление Кольского края и более детально определило функции местной власти.

25 февраля 1861 года селения Кольского края распределились на 8 сельских обществ. Одно из них было названо Кузоменским. В него входили Кузомень, Варзуга, Сальница, Кашкаранцы. Расположение села в середине Терского берега позволяло ему быть центром, и поэтому вся эта округа административно называлась Кузоменской волостью с численностью населения более двух тысяч. Здесь ежегодно проводились большие ярмарки, на которые съезжались сотни поморов из других сел побережья и лопари из центра полуострова.

Расцвету села Кузомень в немалой степени способствовало удобное географическое расположение. Это не только рыба, зверь и птица, которых здесь водилось несравненно больше, чем в других местах по северному берегу Белого моря, но и удобство гавани. Русло реки было глубоким, и по глубоководному фарватеру суда проходили не только к устьевым причалам, но и непосредственно к Кузомени, где находились купеческие склады. Другие села на побережье не имели столь удобных, защищенных со стороны моря гаваней.

В Кузомень заходили суда купцов-скупщиков из Архангельска, Кеми, Сороки, Шуи. Забирали семгу, сало, звериные шкуры. Оставляли купцам взамен свои товары, а те в своих лавках продавали населению.

Когда приезжали заезжие купцы, тогда целыми неделями со столов местных купцов не сходили кипящие самовары и четвертные с брагой. За столом обсуждались и совершались торговые сделки. Во время этого приезжие приказчики в вышитых рубашках и галстуках с помпонами, заломив картузы набекрень, гуляли по улице деревни, растягивая гармошки и горланя песни. Шумно, пьяно, весело бывало в Кузомени во время таких наездов.

При солидных выручках кузомляне изрядно тратились на хмельное. Сельский сход 19 мая 1908 года постановил ходатайствовать перед правительством о закрытии в Кузоме-

ни казенной пивной лавки и пресечении незаконной торговли вином. Но казна не хотела лишиться дохода – все осталось по-старому. По заключению эксперта, благо кузомлян поднялось бы на 50% при закрытии винной лавки.

В июле 1876 года поручили обследовать население «страны полуночного солнца» начинающему естествоиспытателю А.И. Кельсиеву. До Архангельска он добрался без труда, а вот попасть к берегам Кольского полуострова было делом не простым. Счастливой случайностью оказалось предложение кузоменского крестьянина Федора Пономарева, который, направляясь в родное село, согласился доставить путешественника в самый южный из числа расположенных на Терском побережье саамских погостов – в Сосновку. 29 июля подул попутный ветер, и шняка Пономарева – парусная лодка пяти сажен в длину – оставила Зимний берег и, сильно раскачиваясь на крутой волне, поплыла по Белому морю «в вожделенную Лапландию».

В предварительном отчете Кельсиев сообщает: «*На лодке я переехал на Лапландский берег к острову Сосновцу. Трудно находить лопарей. Они живут в одиночку по берегам и ловят рыбу. Лопари эти так похожи наружностью и бытом на русских, что приходится по два раза расспрашивать кто лопарь, а кто нет*».

«*...Меряю людей, режу волосы, составляю словарь элементарных слов, собрал богатый и драгоценный этнографический материал. От одного до другого становища добираюсь на шняках и карбасах*».

«*...Я не каждый день умываюсь. Ночью сплю не раздеваясь, редко на земле, чаще в лодке; землянки душны, вонючи и кишат паразитами. Мука с примесью вшей, пота, грязи рук и толченой сосновой коры, из нее пекут лепешки, пригоревшие снаружи и внутри сырые. Это называется хлеб – рески. Питаюсь также сушеной рыбой, ягодами, вяленым оленьим мясом (вроде подошвы, намазанной сырым мылом). Черный хлеб, покупаемый или вымениваемый у русских промышленников составляет лакомство*».

Надзор за жизнью крестьян поручался мировым посредникам – чиновникам, назначавшимися по большей части из числа становых (служителей полиции). Им давалось право налагать на сельских должностных лиц штраф до 5 рублей и подвергать аресту до 7 суток. С 1881 года мировые посредники стали называться чиновниками по крестьянским делам. Ответственность за исправное несение государственных повинностей возлагалось на выборных должностных лиц – сельского старосту, писаря и сборщиков податей. В помощь им выбирались сотские и десятские, которые исполняли полицейские функции.

Расписание ночных караулов по 1 участку села Кузомень в 1887 году[22].

Имя и фамилии крестьян, которые должны исполнять ночные караулы: Тюттерин Егор Ильич, Тюттерин Степан, Тюттерин Иван, Богданов Иван Демьянович, Богданов Степан Демьянович, Богданов Ефим Терентьевич, Богданов Сергей Терентьевич, Заборщиков Емельян, Заборщиков Тимофей, Тюттерин Филипп, Корехов Павел, Пономарев Алексей и Максим, Плотников Константин, Плотников Федор Андреевич, Богданов Яков, Богданов Федор, Катарины Александр и Демьян, Тарабуев Иван Николаевич, Двинин Павел, Тарабуев Селиверст, Заборщиков Алексей Сидорович, Митрофанов Виктор, Панкратов Степан, Приданников Александр, Конев Матвей Евдокимович, Панкратов Михаил, Богданов Яков Семенович, Тюттерин Трофим, Богданов Гаврил, Богданов Андрей, Резин Константин, Рогозин Семен, Рогозин Иван Степанович, Абросимов Павел, Двинин Ефим, Плотникова Авдотья, Двинина Агафья... всего 55 человек.

Сие расписание свидетельствую Кузоменский староста кандидат –

Лука Тарабуев.

[22] Фонд Ф – 4И, дело 4

Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера №5 от 1910 года. Статья «Терский берег» титулярного советника Таратина П.А.:

Прослужив в административной должности на Терском берегу беспрерывно четверть века, не могу не вспомнить этот забытый край, чтобы при содействии Архангельского Общества изучения Русского Севера, обратить внимание на необходимость улучшения быта обитателей этого края.

Как известно, успех культурного развития местности в высокой степени зависит от путей сообщения. Вот на это-то, главным образом, я и хочу обратить внимание сочувствующих делу развития забытого уголка нашей родины.

Прибыв в зимнее время к месту моего служения в село Кузомень, торгово- административный центр всего Терского берега и восточной части Лапландии, я застал зимние дороги крайне неблагоустроенными и не обставленными никакими знаками. Неблагоустройство дорог влекло при подъемах на горы и спусках с них частые поломки неприспособленных к местности экипажей и саней, с искалечением как проводников, так и случайно проезжающих должностных и других лиц, а также и оленей, на которых до сих производится гоньба. Этим неприятностям подвергался и я неоднократно, и один раз два месяца носил на лямке вывихнутую правую руку.

Со времени моей службы стали приниматься энергичные меры к тщательному обвешению и исправлению зимних дорог, при обязательстве ямщиков иметь постоянно при себе карманный компас, это требование было внесено в кондиции по содержанию земских станций. Дороги, поддерживаемые на средства и натурой местных крестьян, были отнесены от берега моря на некоторое расстояние и, по возможности, устроены обходы или объезды опасных подъемов и спусков, а при невозможности этого устроены береговые ряжи; при переездах речек и ручьев устроены мосты и т.д. В лопарских поселениях (погостах) открыты земские станции. Жаль было только, что нельзя было добиться открытия Каменской и соседней с нею Варзугской станции, несмотря на настояние губернатора Платона Александровича Энгельгардта.

Нисколько не лучше, если не хуже, сообщения на Терском берегу в навигационное время. Летом, по совершенному отсутствию трактовых и других дорог, сообщение между поселениями Терского берега производится на карбасах около берега моря. Не говоря уже о крайней опасности этого способа передвижения, он очень неудобен своей медлительностью, так как путь этот зависит от состояния погоды и моря: при попутных ветрах и спокойном состоянии моря, передвижение быстро и безопасно, но не дай Бог попасть в противоположные условия!...

В течение моей долголетней службы, я неоднократно был на волоске от смерти.

В бытность мою на Терском берегу введены архангельские лоцманские карбаса с удобными деревянными рубками для проезжающих должностных лиц, в которых удобно можно сидеть и лежать в полной защите от дождя, ветра и волны.

Торговое и почтовое сообщения Терского берега с Архангельском в летнее время производится на парусных судах и на пароходах Товарищества Беломорско-Мурманской кампании. Срочные рейсы кампании до П.А. Энгельгардта производились через каждые две недели, а затем при нем еженедельно и то только в села Кузомень, Кашкаранцы и Умбу; остальные же поселения Терского берега такими удобствами не пользуются, сообщаясь по-первобытному, на карбасах.

Заканчивая краткий мой очерк, я прихожу к заключению о необходимости улучшения путей сообщения на Терском берегу, для него необходимо устроить грунтовую дорогу вдоль всего берега с разгоном на лошадях, так как олени, уменьшаясь ежегодно в количестве, безусловно, не в далеком будущем не будут в состоянии обслуживать эту задачу.

Вход в устья рек необходимо расчистить и осветить маяками для свободного доступа в них торговых и мимо проходящих мореходных судов при отстаивании бурь, за совершенным отсутствием других удобных здесь гаваней для стоянок, с обязательным заходом срочного парохода во все поселения берега. Все затраты на это со временем окупятся, так как край этот богат разными промыслами: семги из одной только Кузомени вывозится более чем на 200 тысяч рублей ежегодно осенью, не говоря уже о быстром экономическом подъеме края, при введении означенных улучшений.

8 февраля 1883 года образовался Кольский уезд с центром в городе Кола. Из Кемского уезда в Кольский вошли волости Кузоменская, Понойская, Тетринская, Умбская, Кольско-Лопарская, Мурманско-Колонистская. В составе Кемского уезда остались Кандалакша, Княжая Губа, Ковда и Кереть.

Кузоменское волостное правление[23]

Кузоменское волостное правление – крестьянское сословное учреждение, являвшееся административно-полицейским звеном, облегчавшим правительству сбор налогов и платежей, осуществление повинностей, комплектование армии и решение различных хозяйственных вопросов. Кузоменская волость образовалась в 1841 году из Варзугской и Умбской волостей, а так же Терской лопи, и входила в состав Кольского уезда. Центр Кузоменской волости – село Кузомень.

Деятельность волостного правления была обширной. Волостное правление следило за исполнением циркуляров и предисловий губернских и уездных органов, посылало в уезд статсведения, осуществляло подворные и посемейные описи и в зависимости от этого облагало налогами, определяло лиц, подлежащих рекрутскому набору, и следило за исполнением воинской повинности. Волостное правление осуществляло надзор за плаванием мореходных судов, их страхованием, вело учет лесного фонда и распределение площадей на вырубку для нужд населения. Волостное правление осуществляло контроль за выделение крестьянам сенокосных и рыболовных угодий, за выделение средств для ремонта и поддержания дорог, проверяло торговые заведения, контролировало строительство на местах фельдшерских пунктов, сельских училищ и церковно-приходских школ. Оно осуществляло запись актов гражданского состояния населения.

Волостное правление имело торговый магазин, волостную денежную и хлебную кассу и по приговору сельского схода могло выдавать нуждающемуся населению ссуду деньгами и хлебом под проценты или безвозмездно.

Волостное правление формировалось на сельских и волостных сходах.

В Кузоменскую волость в разные периоды входило 6 сельских обществ – Понойское, Тетринское, Умбское, Кузоменское, Варзугское, Кашкаранское. Каждое сельское общество имело сельский сход, выбиравший сельских должностных лиц и кандидатов в волостные должностные лица – сельского старосту, кандидатов на должность в старшины, полицейских нижних чинов – сотских и десятских, вахтеров в торговый магазин, оспопрививателей и др. Гораздо большее значение имел волостной сход. В состав волостного схода входили сельские и волостные должностные лица во главе со старшиной, а так же «десятидворники» – выборные от каждого 10-го дворов.

Волостной сход выбирал должностных лиц и разрешал хозяйственные нужды волости. Избираемый волостным сходом на 3 года старшина, сельские старосты и писарь – составляли волостное правление. Волостному старшине подчинялись сельские старосты и другие должностные лица волости. Писарь назначался мировым посредником (позднее чиновником по крестьянским делам) и играл немаловажную роль. На волостном сходе избирались учетчики, которые производили ревизию денежных средств волостного правления.

Волостными старшинами в разные времена были: Двинин Андрей (1855 г.), Корехов Петр (1862 г.), Абросимов (1867 г.), Корехов (1870 г.), Тарабуев Лука (1887 г.), Кирилловский Варфоломей Екимович (1894 г.), Двинин Петр Кузьмич (1904 г.), Пономарев (1906 г.), Тарабуев Петр Николаевич (1904 г.), Заборщиков (1905 г.), Абросимов (январь 1912 г.), Когачев Иван (март 1912 г.), Абакумов Г. (1914 г.), Пирогов (1916 г.), Заборщиков М. (1917 г.).

[23] Фонд Ф-1И

Сельские старосты: Абросимов Василий (1866 г.), Богданов Ефим Семенович (1894 г.) Двинин Павел Кузьмич (1901 г.), Корехов Павел Иванович (1904 г.), Двинин Галактион (1905 г.), Горбунцов (1905 г.), Тюттерин (1907 г.), Абакумов Василий (1910 г.), Абросимов Григорий (1911 г.), Абросимов Арсений (1913 г.), Двинин Матвей (1916 г.).

Чиновники по крестьянским делам: Макшеев Н.Н. (1890 г.), Мухин Александр Николаевич (1897 г.), Раевский Николай Фердинандович (1904 г.), Шейхерт (1912 г.).

Урядники: Иовлев Александр Филаретович, Головяшкин Георгий Андреевич, Неклядов Александр Григорьевич, Сантреев Гаврил Иванович, Синцов Гаврил Иванович.

Надсмотрщик: Зевзеев Петр Николаевич.

Приставы: Хомяков Иван Яковлевич, Таратин Петр Андреевич, Титов, Удалов, Каняев.

Полицейский стражник: Геренков Николай Анатольевич (1914 г.), Андронов А.

Сельские писари: Плотников Андрей Дмитриевич (1855 г.), Нестеров Герасим (1866 г.), Плотников Федор Андреевич (1872-1975 гг.), Гагарин Савва (1876-1881 гг.), Пономаревский Иван Феофанович (1883 г.), Богданов Степан (1902 г.), Давидович И.О. (1905 г.), Тарабуев (1905 г.), Бриский Никандр (1905 г.), Кирилловский Александр (1907 г.), Двинин Петр Кузьмич (1911 г.), Богданов Андрей Федорович (1912 г.), Климцов (1912 г.) Дряхлов Иван (1913 г.), Рогозин Григорий (1915 г.), Воюшин Григорий (1916 г.).

Церковные сторожи к Дмитриевской церкви: Сидоров Иван Васильевич (1907 г.), Пирогов Сергей (1908 г.), Богданов Андрей Федорович (1909 г.), Двинин Федор Ефимович (1911 г.), Абакумов Василий Дмитриевич (1913 г.).

Церковные сторожи к Покровской церкви: Рогозин Ефим Ал. (1907 г.), Абросимов Кирилл Лаврентьевич (1909 г.), Катарин Степан Александрович (1911 г.), Панкратов Андроник Трифонович (1913 г.).

Церковный староста: Тюттерин Иван Ильич (1912-1913 гг.).

Начальники Кузоменского почтово-телеграфного отделения Архангельской губернии Александровского уезда: Иванов Александр Иванович, Малявкин Николай Николаевич, Бебенин Иван.

Кузоменского Дистанционного подвала Поверенный: Абаляев Александр Никифорович.

Вахтеры соляного магазина: Абакумов Егор Степанович (1903-1905 гг.), Пирогов Иван.

Вахтеры торгового магазина: Андронов (1862 г.), Резин Леонтий Иванович (1866 г.), Богданов (1869 г.), Тюттерин (1870 г.), Коварнин (1871 г.), Попов Родион Иванович (1891 г.), Заборщиков Клементий Федорович (1893 г.), Тарабуев Иван Николаевич (1896 г.), Дряхлов Кирилл Иовлевич (1913 г.), Коварнин Николай (1916 г.).

Уполномоченный общественной оленной огороды: Сидоров Иван Васильевич (1905 г.).

В 1891 году кузомляне поднимали вопрос об открытии в Кузоменском обществе Потребительской кооперации. Муку для торгового хлебного магазина закупали Заборщиков Семен Петрович, Корехов Федор, Заборщиков Яков Семенович.

1893 год. «Слушали предписание г. Чиновника по крестьянским делам от 5 марта за №108 о сборе пожертвований погорельцам г. Борисова Минской губернии. Постановили: прием пожертвований открыть в Волостном правлении»[24].

На 1 января 1914 года Кузоменская волость насчитывала:

Население: 2024 человека (мужчин – 991; женщин – 1033).

Скот: коров – 246; телят – 31; лошадей – 12; овец – 701; оленей – 732.

Лов семги – 6350 пудов.

Из записей чиновника по крестьянским делам Макшеева Н.Н., совершившего поездку от Княжой губы до Орловского маяка в 1892 году:

Кузомень – центр стана богатого купеческого промышленного села. В селе проживают два главных капиталиста: Заборщиков Алексей Петрович и Корехов Константин Михайлович. Первый скупал у лопарей оленьи шкуры, семгу, звериное сало у промышленников. Имеет торговое оленье стадо, которое пасется в Лапландии (Сосновка, Поной). Имеет парусное судно, торговую лавку (магазин), склады, амбары. Торговлю ведет преимущественно в обмен на товары, привезенные на собственном судне из Архангельска.

Второй – ведет дело в меньших размерах на наличные деньги, в качестве вольного штурмана, сдавшего экзамены. Он примыкал к сельской интеллигенции, состоящей из станового пристава (бывшего учителя в Коле), преподавателя местной школы, священника и других купцов.

Общество в Кузомени настолько богато, что могло построить на свой счет новую церковь, которая обошлась в 18000 рублей, не прибегая ни к мирским сборам, ни к пособию от правительства.

При училище происходили чтения с туманными картинками. Становой пристав, учитель и Корехов читают нравственные брошюры, исторические и семейного быта, а также о практике морского дела, явлениях природы, популярную гигиену. Чтения учителя Лугового, пристава Таратина, шкипера Корехова посещают не только дети, но юноши и взрослые.

С 1899-1918 годов Кольский уезд переименован в Александровский уезд Архангельской губернии с центром городе Александровск (ныне Полярный), получивший официальное название в честь царя Александра третьего.

С 1920 года Александровский уезд переименован в Мурманский, а 13 июня 1921 года постановлением ВЦИКА была образована Мурманская губерния с центром в городе Мурманске. В ее состав вошли 9 волостей, одна из них Кузоменская. К ней причислялись деревни: Сальница, Кашкаранцы, Варзуга и Кузомень, с волостным центром в селе Кузомень.

15 августа 1931 года постановлением Президиума Ленинградского облисполкома центр Терского района перенесен из села Кузомень в поселок Лесной (Умба). Кузоменская волость, образованная в 1841 году, просуществовала 90 лет – до 1931 года.

28 мая 1938 года постановлением ВЦИК Терский район выделен из Ленинградской области и включен в состав вновь образованной Мурманской области. Так же был утвержден административно-территориальный состав Терского района с районным центром в поселке Лесной и сельсоветами: Кузрека, Оленица, Кашкаранцы, Варзуга, Кузомень, Чаваньга, Чапома, Тетрино, Пялица.

[24] Фонд Ф-1, Д-29

2.1.5 Крымская война

Английское нападение 1809-1810 годов на Кольскую землю привело к разорению края. Они захватили Колу, изъяли скот, лес, суда и прочее, обстреляли и захватили суда. В результате этого нападения от истощения и болезней в Коле умерло 150 человек. Потери Беломорской промысловой кампании привели ее к банкротству.

Печальные события тех лет, когда английские захватчики почти беспрепятственно грабили жителей Поморья, ничему не научили правителей России. Кольский край по-прежнему оставался незащищенным от нападений извне. Начавшаяся в 1853 году Крымская война усилила тревогу местного населения за свою безопасность. В связи с угрозой англо-французского нападения царское правительство 2 марта 1854 года объявило Архангельскую губернию находящейся на военном положении. Всем ее жителям предписывалось, в случае появления врага, защищаться, «кто чем может». Руководство обороной поморских селений возлагалось на лесничих и прочих чиновников. Местным властям велено было создавать из крестьян вооруженные отряды. Задача эта облегчалась тем, что многие поморы, занимавшиеся зверобойным промыслом и охотой, имели ружья и метко стреляли из них.

Англичане делали расчет на то, что русские не станут стрелять по людям, над головами которых развевается белое полотнище. Использование этой коварной тактики давало результаты. Стараясь высаживаться у прибрежных сел и деревень без выстрелов, не проявляя внешне агрессивных намерений, десятки вооруженных английских матросов и морских солдат входили в них под белым флагом, не встречая сопротивления. Декларируемые ими через переводчиков заверения в дружбе и даже любви к русским, обещали щадить частную собственность, еще более усыпляли бдительность жителей. Когда же десантники приступали к грабежу и уничтожению казенных построек, не брезгуя при случае и крестьянским имуществом, чем-либо помешать им было невозможно. Только в 20-х числах июля 1854 года с применением этой тактики были ограблены Ковда, Кандалакша, Кереть. А деревня Стрельна была ограблена дважды в 1854 году, а в 1855 году – ограблена в третий раз и полностью сожжена…

4(16) июля 1855 года флагман английской эскадры, 44-пушечный фрегат «Меандер», остановился в двух верстах от села Кузомень Кольского уезда. Около 60 английских десантников, высадившись на берег, прикрываясь белым флагом, неожиданно для себя оказались перед вооруженными русскими крестьянами. Крестьян было примерно в 4-5 раз больше, чем десантников. Англичане заметили русских лишь тогда, когда уже отошли довольно далеко от берега, где остались их карбас, катер, шлюпка и гичка.

Нижеприведенная цитата извлечена из письма британского офицера с фрегата «Меандер». Написано оно примерно 8(20) июля и отправлено в Англию, где стало достоянием прессы. В ноябре 1855 г. перевод этого письма частично опубликовал «Морской сборник».

Итак, слово британской стороне:

16-го числа положили якорь у деревни Кузомени (toun of Kuzomen), лежащей на северном берегу Белого моря у входа в Кандалакшскую губу. Шлюпка, карбас, катер и гичка с вооруженными командами, но без тяжелых орудий, отправились к берегу, а люди, в числе всего 60 человек, вышли на песчаное прибрежье, против самой деревни, для рекогносцировки. Отрядом командовал лейтенант Эллиот; морскими солдатами, которых было 24 человека, командовал поручик Беннет. При отряде находились лекарь и фельдшер.

Подойдя к деревне под переговорным флагом, увидели выстроившиеся около домов 2-3 отряда, числом не менее 350 человек; этого мы не ожидали, судя по скромному виду деревни. На полдороге между обоими войсками нас встретило 4 человека, из которых один нес на коротенькой палке бумажный платок, представлявший переговорный флаг.

Приказав им достать провизии для нашего парохода, мы отошли назад, чтобы дать им посоветоваться с деревенским старостою. В скором времени они подали флагом знак, чтобы мы подошли, что мы и исполнили; но, заметив, что они остаются на том же месте, остановились, подозревая, не имеют ли они какого-нибудь предательского замысла. Спустя некоторое время, мы отретировались к своим гребным судам, из которых одно отправили на фрегат с требованием подкрепления людьми и тяжелыми орудиями, ибо безрассудно было бы такою малочисленною партией атаковать отряд из 350 человек, занимавшей выгоднейшую позицию.

Капитан, однако ж, рассудил, что деревня того не стоит, чтобы рисковать из-за нее жизнью людей, и мы должны были возвратиться на фрегат не без чувства досады, что не удалось померяться с русскими; отойдя от Кузомени, пошли 19 числа к Архангельску.

Через несколько дней о вооруженном противостоянии у Кузомени стало известно архангельскому военному губернатору С.П. Хрущеву. Сергей Петрович сообщил об этом случае в Морское министерство. Представленную им информацию уже в сентябре 1955 года под рубрикой «Известия из портов» в сокращенном виде напечатал издаваемый министерством «Морской сборник»:

4 июля неприятельский парусный фрегат, остановясь в 2-х верстах от села Кузомени, Кольского уезда, высадил на берег на 4-х гребных судах до 100 человек, которые, имея при себе белый флаг, отрядили с ним вперед 4-х человек. Парламентеры эти, не дойдя до селения 400 сажен, остановились. Навстречу им высланы были из селения писарь Плотников и крестьянин Алексей Приданников, которые вместо парламентерского флага имели белый платок, привязанный к шесту. Один из неприятельских парламентеров сказал по-русски:

– Мы требуем у вас волов, овец и коров за деньги, которых берите сколько угодно. Воевать мы с вами не будем, мы вас любим.

На это Плотников отвечал:

– Волов у нас вовсе нет; а из малого числа овец и коров, которых имеем, продать вам не можем без разрешения начальства.

– Если не хотите продать коров, – возразил переводчик, – то мы сами возьмем их и деревню сожжем.

– Нет вам ни коров, ни овец! – отвечали Плотников и Приданников.

– Кто у вас начальник? – продолжал переводчик.

– Голова, – отвечали ему.

– Скажите голове, что мы просим коров, и придите сюда с ответом. Я буду вас ждать.

Передав сельскому начальству этот разговор, писарь и крестьянин снова объявили неприятельским парламентерам, что нет им ни волов, ни овец, ни коров, и что более переговариваться не согласны. Тогда все выходившие на берег люди отправились к своим гребным судам, из которых одно пошло к фрегату, а остальные три вдоль берега, вероятно, с намерением взять находившихся на наволоке (мысе) овец, телят и оленей. Чтобы воспрепятствовать этому, был послан отряд из 30 вооруженных крестьян, с появлением которых на наволоке неприятельские гребные суда направились к фрегату, простояв на якоре до 5(19) июля, фрегат ушел в море, не открывая огня по деревне.

Само по себе численное превосходство не имело бы никакого значения, если бы защитники Кузомени не были вооружены. Если бы шесть десятков английских десантников увидели в руках бородатых русских мужиков только топоры, вилы, багры и колья, вряд ли бы они стали ретироваться. Однако в самом начале навигации 1855 года крестья-

нин Патракеевской волости Архангельского уезда А. Чухчин успел развезти по всему побережью Белого моря сотни пехотных кремневых ружей со штыками.

Только Кузоменское волостное правление приняло от него 252 ружья и 1512 готовых патронов, 3 бочонка пороха, 15 пудов 30 фунтов свинца для литья пуль. Наконец, у защитников Кузомени оказались неплохие руководители: состоящий на вторичной службе унтер-офицер Федоров и волостной голова Андрей Двинин. Они разместили вооруженных крестьян в укрытиях у самой деревни, в результате чего истинные силы русских англичане смогли оценить, только высадившись на берег и подойдя к Кузомени. На пологом берегу крестьянские отряды не показывались, чтобы не стать удобными мишенями для пушек «Меандер». То, что Двинин и Федоров удержали крестьян от стрельбы по неприятелю и предпочли переговоры, свидетельствует не об их чрезмерной осторожности, а о разумной выдержке и дальновидности.

Несмотря на просьбы отдельных английских офицеров применить против крестьян пушки, командир фрегата Томас Бейли не дал на это своего согласия. Трудно сказать, чем это было вызвано – великодушием и благородством или холодным прагматизмом. Возможно, Т. Бейли сумел оценить мужество и выдержку крестьян, готовых защищать свои дома, имущество и в то же время не желающих первыми начинать кровопролитие[25].

2.1.6 Ссылка в Кузомень

На рубеже Первой русской революции 1905 года в Кузомень ссылали многих «политических». Здесь были власти и жандармский пристав, которые могли осуществлять догляд за людьми, осужденными за политику. Отсюда было довольно трудно выбраться незамеченными. Кроме того, считалось, что вследствие отсутствия здесь промышленных предприятий, здесь не было революционно настроенного пролетариата, а немногочисленное поморское население, не испытавшее гнета эксплуатации и насилия, как в Центральной части России, не было способно на политические выступления против правительства и установленных порядков.

В 1903 году летом в Кузомень привезли первых 6 человек ссыльных. В августе 1904 года их было 17 человек, но по манифесту, изданному по случаю рождения царского наследника Алексея, срок ссылки лицам «хорошего поведения» был сокращен на одну треть. В связи с этим большинство ссыльных было освобождено и отправлено по своим местам.

К весне 1905 года в Кузомени осталось 8 человек ссыльных. В сентябре 1905 года оставшиеся ссыльные были переведены в Архангельск. На какое-то время в селе наступил бессыльный период. Но в конце мая 1906 года в Кузомень опять стали привозить ссыльных, и к осени их было 37, а в феврале 1907 года – уже 40 человек.

В начале 1908 года ссылка на Мурман прекратилась. Всего в Кузоменской ссылке побывало 57 человек.

Начальство внушало населению, что политические ссыльные – это «враги отечества», «крамольники», поднявшие руку на «царя-батюшку» и святую церковь. Поэтому жители села, привыкшие к вековым устоям, поначалу нередко сторонились ссыльных, отказывались пускать на квартиры.

Тем не менее, поморы не особенно разбирались в партийной принадлежности поднадзорных и оценивали прибывших на поселение по их поведению, которое резко отличалось от поведения уголовников. Почти все ссыльные были образованными людьми, к которым невольно тянулись местные жители, особенно молодежь. Мало кто из селян выезжал дальше Колы и Архангельска, и всем было любопытно послушать, а как там в столице и крупных городах. Ссыльные жили в семьях, помогали хозяевам, выполняли любое

[25] Ушаковские чтения, 2005 г. «Мы должны были возвратиться на фрегат не без чувства досады...» Давыдов Р.А. – кандидат исторических наук; главный ученый секретарь Архангельского научного центра УроРАН. ГААО – Ф.1;Оп.4-Т.1.Д.1422 Л.82

дело, на которое были способны. Поэтому контакт с народом у них был самый тесный, непосредственный. Некоторые выписывали газеты и журналы, нелегально получали различную политическую литературу, распространяли ее среди сельских жителей. Доверчивый северный народ с интересом слушал приезжих горожан, верил им, относился с уважением и легко поддавался на агитацию.

В политических донесениях часто встречаются сообщения такого рода:

И.Н. Савин – «весьма деятельно оказывает населению медицинскую помощь»; И.В. Бугров – «пытается выдавать местным обывателям книги для чтения, но ... был остановлен. Н.В. Цехановский – «из местного населения с ним вошли в знакомство крестьяне: Заборщиковы Александр и Николай Алексеевичи; Андронов С.С.; Корехов Алексей Михайлович; Двинин О.Д.

А.Г. Лукин «дружен с Пироговым Тимофеем Александровичем».

Ссыльные, по воспоминаниям старожилов, «часто ходили гурьбой по улицам села и пели революционные песни». Песни эти петь им полиция не запрещала. Но если «вольнодумную» запевал кто-либо из местных жителей, его сажали в «катамаску» (арестантскую), штрафовали. Однако, не смотря на это, многие селяне, особенно молодежь, разучивали и пели революционные песни, часто звучали они на вечеринках, на рыбных промыслах, на сенокосе.

Весной 1905 года, когда в России обострилась классовая борьба, в Кузомени – этом далеком от центра селении – ссыльные создали подпольную социал-демократическую организацию. Один из активных членов ее, вожак Кузоменской молодежи – Кривошеин Филипп Михайлович рассказывает об этом так: «Собралось нас, мореходов-матросов, да рыбаков-бедняков, человек десять втихомолку, то есть тайно, в старом кореховском доме, в комнате на вышке, где жили некоторые ссыльные. Их в то время в большой комнате было пять человек. У стены – стол, на нем тарелка с хлебом и чайные чашки и стаканы. Мы все расселись, кто на стул, кто на табурет, а большинство на скамьи. Сначала негромко пели, вернее, разучивали революционные песни. Затем выступил ссыльный Гусев П.П. Он сказал: «Только свержение царя может принести рабочим, крестьянам, рыбакам настоящую свободу и добрую жизнь. Мы боремся против тирана-царя, за то и в ссылку нас сослали, но и здесь мы революционеры. Мы-то здесь люди временные, а вы постоянные жители. Мы с вами уже говорили, что вы должны здесь делать, если вступите в нашу партию». И спросил нас: «Вы согласны? От слов своих не отказываетесь?» Сначала вопрос такой нам показался обидным. Да разве можем мы, поморы, от своих слов отказываться, и почти хором ответили: «Согласны! Ведь нам терять тоже нечего...». Это была первая наша встреча. А потом время от времени мы собирались на общую сходку в разных местах: то в доме Абросимовых, то у Осипа Двинина, а то и где-либо на окраине села в весеннее и летнее время».

В подпольную политическую организацию входили двенадцать человек. Первым руководителем ее был Егор Яковлевич Абросимов, у него хранились список организации и другие документы. В нее входили: Кривошеин Филипп Михайлович, Двинин Осип Дмитриевич, Рогозин Афанасий Михайлович, Андронов Василий Иванович, Пирогов Тимофей Александрович, Абросимов Евгений Яковлевич, Пономарев Михаил Павлович, Абакумов Иов Дмитриевич, Долгой Василий.

Многие из односельчан хоть и не являлись ее членами, но поддерживали ссыльных, это: Тарабуев Захар Иванович, Двинин Никита, Пироговы Сергей и Павел; Рогозин Михаил Михайлович – мастер по ремонту судов, Абакумов Василий – рыбак, Пирогов Артемий – рыбак; а так же работники-батраки Кирилловский Алексей Ефимович, Прыгунов Григорий. Большинство членов организации были молодые поморы-бедняки, рыбаки и наемные работники местного купца Корехова М.Н., успевшие хлебнуть горькой жизни.

Под видом бесед-вечеринок ходили на сходки, обсуждали, что делать дальше, разучивали новые революционные песни. Потом как могли объясняли людям, что буржуи и купцы – враги бедноты, с ними надо бороться, как и с самим царем. Правда, о царе прихо-

дилось говорить осторожно, многие тогда верили в царя, особенно женщины. Однажды даже за одно нелестно сказанное слово о царе, на пожне во время сенокоса женки чуть не поколотили Ваську Катеринина.

1 августа 1905 года в Кузоменскую ссылку привезли известного революционера – ленинца Виктора Павловича Ногина, имевшего уже большой опыт в партийной работе. Ему предписывалось прожить здесь 6 лет, а вместо этого он пробыл восемь дней. Виктор Павлович в одну неделю сумел убедить рыбаков, как важно перебросить его из Кузомени на Большую землю. Ночью 9 августа 1905 года В.П. Ногина, П.П. Гусева и А.З. Новохатко спрятали под брезент в рыбацком карбасе, а на рассвете Кузоменские рыбаки, рискуя своей жизнью, переправили их на другой берег моря. На протяжении всей партийной деятельности В.П. Ногина неоднократно арестовывали, четыре раза заключали в тюрьмы, три раза отправляли в ссылки. Из Енисейской и Кузоменской ссылок ему удавалось бежать за границу. Умер Ногин В.П. в 1924 году, захоронен в Москве у Кремлевской стены. В память о нем в столице названа одна из станции метро и площадь.

Осенью 1905 года в Кузоменское сельское училище был направлен учитель Витюгов Антон Андреевич. Летом 1906 года, когда Поморье было охвачено забастовочным движением, Витюгов А.А. вместе со ссыльными революционерами проводит политические беседы с Кузоменской беднотой, а после отъезда ссыльных продолжает заниматься с крестьянами один. «Собирались рыбацкие бедняки по вечерам в школе, окна занавешивали тряпьем, сидели на полу и говорили шепотом».

К осени 1906 года деятельность учителя попадает в поле зрения местного начальства. По словам медицинского фельдшера Евгения Абросимова, местным властям учитель сразу пришелся не по вкусу: «по приезде в Кузомень визитов никому не делал, в гости не ходит, в карты не играет ...». Особенно невзлюбил его поп Василий Перовский. Священник жаловался, что дети не хотят учить Закон Божий, плохо его слушают, так как будто Витюгов учит и внушает им, что «нет Бога, нет рая». Перовский ходил по домам, наиболее темных, религиозно настроенных крестьян, настраивал против учителя. Поп легко нашел поддержку у зажиточных стариков братьев Заборщиковых, Тюттериных, сельского старосты Корехова, которые были недовольны тем, что у Витюгова ежедневно устраивались собрания молодежи и засиживались до 2-3 часов ночи. Неудовольствия увеличились еще и оттого, что на эти собрания никто из посторонних не мог проникнуть и узнать, что на них делается. Чтобы опорочить А.А. Витюгова, селяне прибегли к грубой клевете: подговоренная ими сторожиха Ксения Касьянова, «заявила, что она боится в училище одна ночью спать по той причине, что местные революционеры совместно с учителем стращают ей убийством».

21 ноября 1906 года чиновник по крестьянским делам А.А. Мухин отправляет донесение губернскому начальству: «Учитель Кузоменского сельского училища Витюгов... у себя собирает молодежь и ведет с нею беседы политического характера, ходит даже с некоторыми крестьянами по селу, распевая революционные песни. Прошу... избавить селение Кузомень от такого учителя». Через 17 дней из Архангельска приходит предписание жандармского управления: становому приставу А. Каняеву «немедленно произвести обыск в квартире Витюгова и захватить улики его революционной деятельности». Собрав понятых, Каняев старательно осматривает школьную комнату, в которой живет учитель. О результатах обыска: «обнаружено много брошюр преступного содержания, ввиду чего возбуждено уголовное дело по обвинению Витюгова».

В селе бушевали страсти. 10 декабря 1906 года собрался сельский сход. Из 120 домовладельцев на нем присутствовало 93, остальные находились в отлучке. Спорили о порядке распределения семужьих угодий. Молодежь требовала отмены старого порядка, когда богачи на торгах скупали лучшие промысловые тони, и настаивали на том, чтобы угодья распределялись путем жеребьевки. Бурно обсуждали вопрос о школе. Выдвинули предложение о преобразовании одноклассного (с тремя отделениями) училища в двух-

классное с повышенной программой обучения. Другие говорили: «и эту закрыть надо – детей безбожию учат». Верх взяли «темные».

В заявлении крестьян села Кузомени, составленном членами подпольной организации РСДРП и направленном 17 декабря 1906 года директору народных училищ Архангельской губернии, говорится: «*Крестьяне большинством постановили о нежелательности преобразования училища и тут же, под влиянием агитации некоторых влиятельных стариков, постановили просить Вас об увольнении учителя. Как видно из вышесказанного, крестьяне настолько темны, что не могут понять пользы просвещения и в угождение нескольких лиц гонят учителя.*

Мы же, собравшись и обсудив положение школы в нашем селе, нашли, что существующее у нас народное училище не в состоянии служить своему назначению как по своей низкой образовательной программе, так и недостатку места для учащихся. Просим об открытии в селе Кузомень двухклассного министерского училища и об оставлении учителя на прежнем месте».

Этот документ подписан всеми членами РСДРП, находившимися в селе. Первой стоит подпись составителя «заявления» Абросимова Семена Яковлевича. За ним подписались: Пирогов Павел, Двинин Василий, Абросимов Евгений Яковлевич, Абросимов Федор, Кривошеин Ф. М., Двинин Парфений, Абросимов Алексей, Двинин Федор, Рогозин Афанасий Михайлович, Пирогов Тимофей, Пономарев Михаил Павлович, Абросимов Георгий Яковлевич, Двинин Осип.

31 декабря послали «Добавление» к заявлению крестьян села Кузомень с присоединением своих подписей еще 6 человек, находившихся в отъезде: Богданова Семена, Рогозина Григория, Богданова Сильверста, Абакумова Иова Дмитриевича, Двинина Ивана, Двинина Александра.

К числу «несогласных» с постановлением схода так же отнеслись: Пирогов Семен, Абросимов Арсений, Двинин Никита, Пирогов Сергей. Почти все эти люди в дальнейшем активно участвовали в борьбе против царской власти.

После схода отношения в селе обострились. Пристав Каняев и чиновник по крестьянским делам Мухин А.А. послужили главным объектом для нападок молодежи. В Рождественские святки у пристава выбили стекла в раме. Тот отстреливался из револьвера. Наутро он провел дознание по двум подозреваемым. Вечером – возмездие: увесистый камень, пробив наружную и внутреннюю раму, попал становому в грудь. «Поздравили» с праздником и попа, приклеив на двери его дома листок с едким сатирическим текстом. Учитель ко всему этому не был причастен. Молодежь действовала по собственной инициативе.

Через две недели в Кузомень прибыл уездной судья, двух братьев Абросимовых и Ф. Кривошеина судили и отправили в Кемскую тюрьму, третий брат Абросимовых сдан за малолетством отцу на поруки. Кроме них, отправлен в тюрьму Двинин. Он не мог дня прожить, чтобы не нанести кому-либо оскорблений, а в последнее время угрожал застрелить или убить царских чиновников, к которым питал особую вражду, не щадил он и своих односельчан. В защиту учителя выступило семеро Двининых. Кто из них попал в тюрьму – неизвестно. На запрос по поводу жалобы крестьян Витюгов смело отвечал: «Я не могу отказать людям в живом слове, когда у них пробуждается интерес к общественной жизни страны и не помочь им разобраться в вопросах современной жизни»…

9 января 1907 года «группа стариков», подстрекаемая чиновником Мухиным, собрала крестьян на сельский сход и по записке, составленной священником Перовским, приняла большинством голосов своих соратников решение: «*Мы, крестьяне Кузоменского сельского общества, детей своих в школу отпускать не желаем, в виду внушения учителем детям противных христианству и православию мыслей, и постановляем: учителя Витюгова из училища удалить... на вольную квартиру в трехдневный срок*»...

В училище явилась «депутация крестьян с десятским (сельская полиция), возглавляемая новым старостой Тюттериным, и, не обращая внимания на разъяснения и протесты

учителя, составили опись школьного имущества, отобрали у Витюгова ключи и предложили удалиться из квартиры, после чего заколотили досками двери училища». Учитель, забрав личные вещи, переселился в дом бедняка Осипа Двинина. Витюгов по обвинению в хранении преступной литературы находился «под особым надзором полиции».

В марте 1907 года учитель был уволен за крамолу и отбыл в Кемь, где был арестован и препровожден с полицейской стражей в Архангельск и приговорен к 4 годам лишения свободы. На место учителя назначена учительница, не прошедшая полного курса обучения в Архангельском женском епархиальном училище, крестьянская девица Анна Титова.

По-прежнему наиболее революционными настроениями на Терском берегу выделялись кузомляне.

Из воспоминаний крестьянки села Кузомень Ворониной Елены Михайловны.

«*Весной 1907 года, 1-го мая, пошли с красным флагом к морю и пели революционные песни. К ссыльным присоединилось много местных жителей. Песни пели все, хором. Красный флаг был в руках у одного из ссыльных. Урядник потребовал отдать флаг. Но мы окружили ссыльного с флагом густой толпой (а он флаг поднял еще выше) и очень громко все, пришедшие сюда, громко и шумливо кричали: «Держи выше флаг!», «Не отдадим нашего флага полиции!» Урядник тоже покричал, покричал на нас и ни с чем ушел в деревню. А мы продолжали праздновать. Потом пошли в село с флагом и с песнями. Флаг остался у ссыльных.*

С тех пор жители нашего села вместе с кружковцами-запевалами ежегодно Первого мая приходили к морю на то место – напротив села и проводили свой праздник. Песни революционные... сообща пели. Пели песни в этот праздник у моря и старинные народные, и веселые – хороводные. А кружковцы-«политиканы» выступали с маленькими речами. Рассказывали они об угнетении богатеями бедняков и всех тружеников, рыбаков и матросов, о незаконных поборах чиновников, о справедливом и несправедливом пользовании рыболовными и сенокосными угодьями.

После собрания-митинга тут же на берегу моря (а берег здесь песчаный) играли в мяч – парни и мужики в «хлопту» (лапту), а девушки и женки – в луночки, некоторые в «попа», в «рюхи» (городки), «из-за ухороночки» (прятки) и так далее. Бывало, и чаепитием занимались, чай грели обычно в медных чайниках, приносимых из деревни...»[26].

Отголоски тех революционных событий до сих пор сохранились в памяти селян. В доме Абросимовой Валентины Александровны (запевалы Умбского хора), чьи дядьки были брошены в тюрьму, в песеннике хранятся тексты революционных песен «Марсельезы», «Прости, прощай» на слова Байрона.

Абросимова
Валентина Александровна

[26] Партийный архив Мурманского областного комитета КПСС, ф.2516, оп.2, ед. хр.59, лл 23 – 24

2.1.7 Первая мировая война (1914-1918 гг.)

Война нарушила мирную жизнь множества людей. 26 июля 1914 года из Кузоменской волости ушло на войну 66 человек. Потом еще проводилась мобилизация. Приходили извещения о гибели и ранении кузомлян.

Двинин Парфений Иванович, крестьянин села Кузомень. Участник Первой мировой войны, за подвиги был награжден Георгиевским крестом. Погиб. В октябре 1915 года фотография Двинина П.И. была вывешена в волостном правлении села Кузомень, «желая сохранить память героя настоящей войны».

В Первую Мировую войну в 1915 году на фронте погибли:

11.03.1915 года Богданов Василий Сергеевич;

27.02.1915 года Кузнецов Петр Уарович (в крепости Гродно);

02.12.1914 года Дьячков Михаил Мартемьянович, рядовой 267-го Духовщинского полка (варзужанин).

В августе 1916 года на пароходе «Королева Ольга Константиновна» совершил путешествие Любавин Д., который так описывает увиденное:

Почтовый пароход Мурманского товарищества, так называемой Кандалакшской линии, отваливает от пристани Дальнего плавания в Архангельске по воскресеньям, еженедельно. По причине такого сравнительно редкого рейса пароход бывает всегда полон пассажирами, едущими в Поморье на свою родину по торговым или служебным делам. Но в настоящее время он бывал уже совершенно переполнен, и билеты брались в конторе товарищества заблаговременно. Так было и в срочный рейс 28 августа 1916 года.

Война по всей громадной шири нашей родины наложила свой отпечаток, более сгущенный в ближайших к фронту частях, менее определившийся где-нибудь в глуши, но также заметный для туземцев. Как известно, в силу особых обстоятельств в Архангельске война также очень заметна и сказывается во многом и на каждом шагу.

Пароход «Королева Ольга Константиновна» набирает в себя пассажиров всех трех классов более двух сотен: видны и типы рыбаков-поморов и русские типы других губерний, но вот несколько человек латышей и эстонцев – едут в поморские порта; мелькают 6-7 шинелей солдат – едут на побывку к родным с фронта; вот в штатском стареньком платье невысокого роста, бледный, но живой наружности человек, с 5 военными знаками на груди, из них 3 Георгия; это окончательно уволенный из военной страды, по его словам, перенесший массу боев, он был ранен 6 раз, побывал в Восточной Пруссии и под Варшавой, потерял одно ребро, сейчас носит одну пулю в боку, был разведчиком в опасных поручениях и теперь, пролежав по несколько месяцев в лазаретах, настолько оправился, что поступил на постройку Мурманской железной дороги на должность табельщика. Ему 25 лет. Смеется. Свой в этой северной природе. У себя на родине. Он вологжанин.

Пароход ровным ходом рассекает соленую воду Белого моря. Здесь навстречу попадаются парусники в небольшом количестве, идущие к Маргаритинской ярмарке в Архангельск с рыбой. Треска, пикша, сайда вздорожали в 4-5 раз, а число везущих их судов уменьшилось по крайней мере в то же число раз. Война. Вот прошли два английских грузовика, наполненные по самую марку. По всей вероятности, или с углем, или военным разным грузом. Война. Это ее распоряжения.

В час дня подошли к селу Тетрино, пройдя 230 верст от Архангельска, причем стали на якорь в открытом море. Само селение расположено на плоской песчаной площадке, весьма небольшой, каком-то своего рода оазисе, вкрапленном в остальное однообразие скалистой местности. Десятка три домиков и типичная церковь с красной пирамидальной крышей. Не заметно никакой растительности. Вот и весь пейзаж.

В 6 часов вечера бросили якорь у села Кузомень. Остановка еще менее удобная, так как до берега не доходим около 3-4 верст вследствие малой глубины. Бухты никакой

нет, стоянка в открытом море, вследствие чего, по словам капитана, в штормовую погоду пароход не заходит сюда, не сдавая, следовательно, и почту, и те немногие, но важные для местности грузы продовольственного характера, какие у него имеются.

С парохода виден почти пологий берег и впадающая в море знаменитая Варзуга, текущая откуда-то из таинственных недр Кольского полуострова. Видно, как один за другим показываются из реки карбаса гребные и с парусами, заворачивают им известным определенным руслом, причем все же на буруне их здорово бьет; кажется, что утонут в воде, то выскочат: такая разыгрывается волна у этой береговой полосы, хотя на море совсем замирающая волна и несильный ветер. Публика внимательно следит за этим путешествием сначала едва заметных черных полосок, постепенно вырисовывающихся при приближении. Наблюдать приходится долго, шутка сказать – 1,5 часа идут карбаса от своего родного берега к стоянке столь желанного для них почтовика – ближе подойти не может, как ни хотелось это и пароходу, и кузомлянам. Осадка в 13 ф. уже велика для этого бара.

Селение Кузомень большое, административное, а природа здесь имеет свои дары. Крестьянские карбаса, приняв с парохода массу муки и кое-чего другого, подвозят большие партии своего улова – семгу, так называемую «Варзугу» и беломорскую сельдь. Река же кроме того дает северный жемчуг, который как-никак, также имеет сбыт и интерес. По многим признакам и сообщениям местных жителей, вблизи и подальше имеются какие-то источники, несомненно, внутренние ископаемые. Но все это не исследовано, где-то там скрыто, кто его знает – что там. Ждет своего будущего.

Местность кругом и особенно на горизонте сзади гористая. Расположено село на низкой плоскости. Конечно, для 150 домов, 600-700 человек – совершенная роскошь было бы землечерпание, обстановка знаками и создание причальных для судов устройств. Ведь глушь. На что ей? Но техническому глазу невольно напрашивается такая идея.

Выгрузка и нагрузка, в особенности в связи с продолжительностью плавания на карбасах от берега отнимает много времени. Два или три крана работают беспрерывно. Темнеет. «Трави, легонько, веселей, нажми» – расторопных штурмана и боцмана слышатся все время. Белые жирные мешки, по 5-6, распыливая муку, шлепаются в карбаса, мужички ловко подхватывают их и разваливают по дну; около весел и швартовов орудуют девицы, смелые поморки, или мальчики. Бородачи принимают товары. Не видно совсем парня или 30-летнего кормильца. Все они далеко на военной страде, в окопах, походах или уже сложили буйные свои головушки.

Карбас бьет на волне о массивный борт парохода, а порой 10- 12-летний мальчишка или «женка» – рулевые, цепляются за что попало, чтобы не отдернуло их суденышко. Шутки, порой смех, иногда ругань и русское остроумие. С палубы парохода смотрят свысока, а те мизерно поглядывают наверх. Но ничего, всем в общем интересно – и матросам, и публике, и нижним. Крановая цепь парохода в свою очередь хватает из карбасов бочонки с сельдью; нормального образца каждый 20 фунтов чистого товара. И так происходит обмен.

Полночь. Шесть часов длилась здесь стоянка. Все удовлетворены. Пароход дал три свистка. Пароход оставляет это село. Море тихо. Полная луна. Серебряный, с каким-то зеленоватым оттенком блеск льется от луны на облака под нею, водяную поверхность и рябь. Следуем вдоль Терского берега в Кандалакшский залив.

В этой остановке село на пароход несколько пассажиров, между прочим, ратники 2 разряда, согласно Высочайшему Повелению, призывавшиеся в конце августа; уж который это призыв по счету и не запомнишь. А идущая третий год война требует все новых и новых защитников, новых жертв. Из заброшенной где-то северной глуши края, жившего до войны своими скудными интересами, также вызываются кормильцы и поильцы на мировую арену.

Здесь же сел в 1 класс становой пристав Александровского уезда С.П.Б. Его поездка до следующего становища была служебного характера, связанная с мобилизацией.

Много интересного сообщил он о житье-бытье в этом краю. Сам – милейший человек и живой, уже 5 лет служит в этом краю, имея своей резиденцией Кузомень. А край не маленький. По одной береговой полосе Терского берега расстояние около 500 верст, а в глубь земли, в горы, ширина 120-150 верст. Целое государство, но население менее 10000 человек. До его прямого начальника – Исправника, морским путем что-то около 1000 верст, а сухим путем по прямой линии до 400.

Береговое население этой земли наиболее зажиточное и энергичное – русское, насельники – предки Великого Новгорода. Внутреннее кочующее население – лопари, в настоящее время уже вырождающееся финское племя, не способное ни на какую культуру. Поездка пристава в летнее время совершается на мурманских пароходах Кандалакшской линии – по южной части полуострова, или в карбасах, например, до села Поноя.

Зимой, т.е. приблизительно с половины октября и по апрель – езда сухопутьем на оленях, стада которых пасутся лопарями по десяткам тысяч голов у одного хозяина. Закутавшись в оленью малицу, человек чувствует себя в тепле и довольстве. Не страшны суточные переезды. Да в сущности больших морозов здесь не бывает, не больше 25 градусов. На остановках в курных избах лучшее угощение, согревание и время препровождение – чаепитие. Не будь его – жизнь потеряла бы половину своей ценности. Этот национальный русский напиток нигде так не составляет блага подкрепления сил, как на бесконечных русских северных сообщениях зимой почти в суточную темноту и среди скудного населения. Лопарь также полюбил чай.

Кроме основного рыбного промысла одною оригинальною отраслью хозяйства в Кузомени и других местах является овцеводство. Барашки мелкие, мясного веса 30 фунтов, редко пуд, но шерсть их хорошая, и женщины края стригут их, крутят нитку и вяжут рукавицы, рубашки, чулки, куртки... Для холодного климата подспорье крайне необходимое.

С.П.Б. рассказывал также о несметных дарах края: так, по его словам, около Кузомени протекает ручеек с очень чистой водой и крестьяне, выкупавшись в ней, излечиваются от всех болезней. Кое-где видны какие-то рудные месторождения: говорят о слюде, свинце, серебре. Но некому заняться расследованием, а тем более разработкой. Интересно, что война в этом крае, помимо, конечно, убыли мужского населения в войска, отмечена большою гибелью судов около Терского берега этого стана, вдоль Горла Белого моря, начиная от Сосновца и севернее. Причина – огромное количество пароходов, проходящих в Архангельск с углем и военным грузом. Сильное течение в проливе, темные и штормовые погоды, часто со снегом, все-таки еще плохое опознавание берегов знаками и огнями, скалистые берега и подводные камни – делают свое гибельное дело. Гибнут они и от вражеских покушений.

Следующие остановки будут в Умбе, Ковде, Княжой губе, Кандалакше и обратно.

Покинули Умбу в 11 часов утра, после 4,5 час. стоянки. Вышли из глубоко вдавшейся в материк бухты губы и пошли вдоль берега на восток. Здесь встретился, идущий параллельным с нами курсом тот английский пароход, который разгружался в Кандалакше. Прошли Оленицу и Сальницу, глухие медвежьи углы, прошли бельгийский пароход «Марникс», лежащий с 1912 года на отмелях камнях близ берега.

В 3,5 часа, идя довольно однообразным берегом, бросили якорь против селения Кашкаранцы. Бухты никакой, берег низкоотмелый, в версте от парохода церковка и штук 10 домиков. Здесь простояли только 20 минут, взяв и приняв с почтового карбаса почту. Очевидно, в штормовую погоду никакая пристача здесь невозможна, почте не выехать и пароход идет мимо. Здесь берег на большом протяжении без бухт, однообразный и отмелый.

Прибыли в Кузомень в 6 часов и 10 минут, где вышел становой пристав. Вот эта местность интересна своей рекой Варзугой, где сосредоточен главнейший лов жемчуга. Многие, зная жаркую Индию и Персию или Южную Америку, думают, что только их привилегия на драгоценности. Однако и на русском севере, по берегам Белого моря и не-

которым его озерам и речкам, водится раковина-жемчужница, этот северный продукт, конечно, уступает по долговечности и красоте южным.

Зажиточное крестьянство Беломорского края, женская его половина, вся носит на своих праздничных украшениях жемчуга: местные красавицы имеют его на своих кокошниках, в ожерельях и проч. Существует и маленький вывоз. Думается, что жемчужный промысел существовал и в древние времена, и на торговых площадях Новгорода, Новой и Старой Ладоги, Пскова, Москвы, продавался именно русский северный жемчуг. Но в наши дни этот промысел находится в жалком состоянии; происходит ли это от недостатка раковин или их иссякновения или причиной является общее оскуднение поморского севера, что сказывается и на рыбном промысле, и грабеж наших богатств иностранцами? Поэтому жемчуг стал редок и дорог.

Скупщики ездят по краю и скупают от крестьян за сравнительный бесценок, а сами, прибыв в Архангельск, а тем более Петроград, Финляндию или за границу, продают дорого и даже иногда баснословно дорого. Здешний жемчуг тускнеет после известного времени и, говорят, его можно лечить – оживлять. Способ лечения довольно простой и своеобразный: он оживляется на теле женщины. Какая здесь причина? Химическая, симпатическая или это простое воображение? Если найдется какая-нибудь жемчужина, круглая белая, не менее горошины, то ей уже цена не менее 100 рублей. Но две такие вместе взятые и вполне одинаковые стоят втрое-четверо больше. А если нашлось бы после ряда поисков таких одинаковых жемчужин несколько десятков, то это уже целый капитал, десятки и сотни тысяч. Один такой специалист жемчуга, скупщик, ехал на пароходе с нами. Он рассказывал, что до войны ездил в Германию и очень выгодно продал там жемчуг. Теперь он поедет в Финляндию и там продаст хорошо, даже мелочь в 2-3-е дороже, чем здесь.

Половина десятого вечера покинули Кузомень и при тихой погоде и лунной ночи тронулись в последний переход до Архангельска.

2.1.8 Октябрьская революция (25 октября [7 ноября] 1917 г.)

Весть о февральской революции пришла на Терский берег в начале марта и быстро разнеслась по поморским селам и становищам. Первые дни весны 1917 года принесли в окраинные деревни России первые преобразования в общественной жизни: вместо существовавших при царизме волостных управ, подчиненных непосредственно полицейской администрации, создавались народные комитеты. Первый такой орган власти на Терском берегу – волостной народный комитет – был создан в марте в Кузоменской волости. Его возглавил рыбак В.Д. Абакумов.

Установление Советской власти на Мурмане прошло мирным путем. С середины 1917 до января 1918 года состоялись перевыборы местных Советов во всех селениях Кольского полуострова. По решению Мурманского совдепа в поморских селениях была проведена национализация имущества наиболее крупных рыбопромышленников. Рыболовные суда, снасти, фактории, переданы рыбацким артелям бедноты, которые организовались в Кузомени, в Умбе, в Тетрино. На Терском берегу в наиболее крупных селениях были созданы потребкооперации, которые снабжали поморское население всем необходимым, в первую очередь продовольствием, одеждой, орудиями лова.

Дальнейшее осуществление социально-экономических преобразований прервала интервенция. В марте 1918 года в Мурманске высадился отряд английской морской пехоты. Эсеро-меньшевики вначале проводили соглашательную политику по отношению к действиям англичан и французов, которые уверяли жителей Кольского полуострова в защите их от германцев. Однако три месяца спустя успокоительные речи сменились массовыми арестами, расстрелами и тюрьмами.

Репрессиям подверглись и жители Кузомени. В Йоканьгскую каторжную тюрьму был посажен матрос М.М. Рогозин. В Печенгскую тюрьму был брошен советский активист О.Д. Двинин.

Годы интервенции и правления белогвардейцев отрицательно сказались на положении поморской бедноты. Медицинская помощь не оказывалась, люди болели тифом. Поставки продовольствия срывались. К лету 1919 года особенно тяжело пришлось жителям Кузомени, крайне мало было завезено круп, спичек, соли, сахара, керосина. Не хватало одежды.

В июле 1919 года белогвардейцы решили создать собственную армию из русских добровольцев, но под английским командованием – Славяно-британский легион. Но добровольцев не было. И в ноябре 1919 года карательный отряд, скрытно высадившийся с военного корабля, окружил Кузомень, застал врасплох все население. Мобилизуемых насильно согнали в волостную управу, предложили немедленно подготовиться к отъезду. В случае отказа, заявили каратели, по селу будет открыт артиллерийский огонь. Кузомляне вынуждены были согласиться, чтобы спасти женщин, стариков, детей. Взятые в Белую армию терские рыбаки сослужили плохую службу интервентам: попавшие в прифронтовые части переходили на сторону красных, разоружали и уничтожали белогвардейских офицеров.

В конце февраля 1920 года на Кольском полуострове была восстановлена Советская власть, но интервенты разграбили и разорили все, что могли. Тем не менее, кузомляне охотно строили новую жизнь. Уже летом 1920 года в село было завезено значительное количество промыслового снаряжения. В августе-сентябре пришли пароходы, доставившие продовольствие на зимне-весенний период. Были ликвидированы долговые обязательства рыбаков-бедняков, конфискованы у торговцев и купцов производственные и жилые помещения, суда. В Кузомени потребительское общество получило парусное судно купчихи Антоновой, в домах богатеев разместились школа, клуб и читальня. В 1920 году в Кузомени возникла первая ячейка РКП(б). Основателями ее были Кривошеин Ф.М., Двинин О.Д., Тарабуев П.И., Богданов А.И. Коммунисты села проводили большую организационную работу по созданию, увеличению и укреплению партячеек.

В 1921 году в Кузомени были созданы две рыбацкие артели. В одну входили зажиточные люди, в другую – бедняки. В артель «Труд», в которую входили богатые жители села, хозяйство организовывалось на основе паевого принципа: кто внес больше сетей, денег, тот имел больше прав и получал больший доход. А бедняки назвала свою артель «Беднота», объединили сети, лодки, различную оснастку и доходы распределялись по участию рыбаков в промысле, то есть по затраченному труду[27].

Артемий Иванович – рыбак пожилой, а в селе его звали Артюхой. Он активный партиец, производственник опытный, но малограмотен, политически развит был слабо. Глубоко застряли в мозгу и крови пережитки старых времен.

– Коль коммуну создать – так свою. У меня подросли сыновья. Все могут работать. Мать одна старовата,– ну, да женятся скоро ребята. Вот и коммуна,– надо только помочь нам хозяйство поправить.

– Эх, Артем! А еще коммунист,– называешь коммуной семью!

Слово Сергею Богданову.

– Собрались мы сегодня решить самый важный вопрос: жить по старинке иль строить по-новому жизнь. Жить так нельзя. На этом почти все сошлись.

– А как же по-новому?

– Что же ты не сказал об отце – старике, об Артюхе?

Дождавшись, когда все утихло, Сергей, правой рукой о стол опершись, продолжал:

– Что ж сказать об отце? Как старика – его нужно простить. Как коммуниста – нельзя его миловать. Предлагаю коммуну организовать. Сам сегодня вступаю в нее.

– Нас уже пять человек – не один,– гордо ответил Богданов.– Пусть единицы сегодня,– нас будут десятки, сотни потом. Надо начать и пример показать остальным...

[27] П. Пирогов. Сказ о Кузоменской коммуне. «Терский коммунист» от 5 декабря 1987года

– Мы, женщины, все еще от мужиков отстаем. А по-новому жить и нам надо. Если бы организовалась коммуна, то женщинам жить стало бы легче. Устроили б ясли, столовую, вместе б стали за скотиной ухаживать.

– Ну и спать вместе!– крикнул глумливо ей кто-то.

– О спанье ты болтаешь пустое, не о том говорят, а о том, чтобы вместе работать. И, обращаясь к женщинам, Анна сказала:

– Посмотрите, когда мы сберемся на пожню сено грести,– и весело, и работа спорится.

– О невоженьи, Анна, скажи,– женщины ей подсказали.

– Да, невоженье. Когда рыбу ловить – и еще того лучше невод вместе легче тянуть. Я согласна в коммуну вступить,– так закончила речь делегатка Анна Григорьевна – активистка и беднячка, еще молодая, но в жизни немало видавшая бед. Решили: коммуну организовать и вступить в нее всей ячейкой.

Было в коммуне пять хозяйств с восемнадцатью едоками – сначала. Двинин Александр Павлович стал завхозом первой в селе коммуны, затем бригадиром первой на селе рыболовецкой артели.

В эти годы в Кузоменской волости, в которую входили Кузомень, Варзуга, Кашкаранцы и Сальница, рыбным промыслом занимались 996 человек, которые в личном пользовании имели 441 карбас. Месячный улов был невелик от 3 до 30 пудов. Поморы переживали трудные годы, морские промыслы находились в тяжелом состоянии.

Первая на побережье комсомольская ячейка возникла 2 февраля 1921 года в Кузомени. В доме бывшего купца Заборщикова собрались 20 юношей и девушек. Секретарь партийной ячейки Филипп Михайлович Кривошеин рассказал о речи В.И. Ленина на 3-м съезде комсомола. Затаив дыхание, слушали ребята и девчата рассказ коммуниста. И когда он обратился к молодежи со словами создать комсомольскую организацию, то сразу же несколько человек изъявило желание вступить в комсомол.

2 февраля 1921 года в Кузомени было проведено комсомольское собрание. Так была создана комсомольская организация села Кузомень. Первыми в нее вступили Николай Тюттерин, Николай Воюшин, затем Павел Богданов, Евгений Двинин, Сергей Заборщиков, Павел Двинин, Александр Рогозин, Павел Пирогов, Настя и Тоня Двинины, Вера и Настя Пироговы и др. Возглавил комсомольскую ячейку Петр Пирогов.

Комсомольцы на субботниках и воскресниках заготовляли дрова для школы и клуба, разгружали пароходы, доставлявшие населению продовольствие. Заработанные деньги шли в фонд комитетов бедноты и на всеобуч[28]. С открытием летней путины, комсомольцы выходили на рыболовецкие тони, читали рыбакам газеты и книги, проводили антирелигиозную работу среди населения.

6 ноября 1923 года по инициативе комсомольской организации был выпущен первый номер стенной газеты «Юный рыбак». Ее охотно читали жители Варзуги и Кашкаранцев, приехавшие на праздник в волостной центр.

В 1924 году комсомольцы Кузомени создали пионерский отряд, в составе которого было 14 пионеров. Первым вожатым стал комсомолец Сергей Богданов.

По инициативе коммунистов в 1925 году в Кузомени был открыт первый клуб. Сельский клуб имел свой устав, свое правление. Для желающих участвовать в самодеятельности нужно было внести первоначальный взнос – 3 рубля. Плату за вход со зрителей брали деньгами, дровами, мукой, рыбой. Население села всячески поддерживало клуб.

А.В. Богданов по поручению партячейки привез из Архангельска пианино, до того времени не виданное поморами. Потом учитель М.И. Филянов организовал музыкальный кружок, в который охотно записывалась молодежь. Работал и кружок «для показа спектаклей населению». В нем участвовали А.Ф. Могутов, П.И. Пирогов, Г.И. Плотников, Я.И.

[28] Всеобщее военное обучение трудящихся

Тарабуев, Н.Ф. Тюттерин и другие. Ставили пьесы Островского, водевили Чехова. Клуб всегда был полон. Кроме драматического, был в Кузомени и хоровой кружок. Участники драмкружка со спектаклями выступали в ближайших селах.

1926 году открылись первые детские ясли на Терском берегу, а в избе-читальне был установлен первый радиоприемник.

В 1927 году в Мурманской губернии (с 10 сентября – Мурманский округ Ленинградской области) вместо волостей были образованы районы. В Терский район вошли Умбская, Кузоменская и Тетринская волости. Районным центром была Кузомень с 1927 по 1931 годы.

В 1929 году в Кузомени создается коммуна «Рыбацкий путь», членами которой были комсомольцы: Сергей Богданов, Анфиса Абросимова, Геннадий Плотников, Ефим Заборщиков, Елизар Тарабуев. Проводится курс на коллективизацию, а в 1930 году организуется колхоз «Моряк». Когда на собрании постановили вопрос о сплошной коллективизации, половина присутствующих кузомлян проголосовала против. Одного из возражавших бедняков строго спросили: «Ты за Советскую власть или против?» Естественно, бедняк был за Советскую власть, но поддержать принципы коммуны он был еще не готов.

При организации колхозов были допущены серьезные ошибки. Кое-где наблюдалась спешка, стремление охватить как можно больше хозяйств, нарушался принцип добровольности. Перегибами руководителей района воспользовались некоторые богатые рыбаки, которые тоже вошли в колхоз, но не для того, чтобы честно работать. Они не хотели терять свои боты, снасти, добро, а надеялись «вжиться» в колхоз, но присваивать улов себе. Когда это им не удалось, они стали портить моторы, топить снасти, спаивать рыбаков, в Кузомени ко всему этому еще и подожгли амбары, всячески мешали рыбакам выйти на промысел. В селах шла острая классовая борьба. Пришлось некоторых ретивых богатеев изолировать от общества.

Нарушение ленинских принципов коллективизации получило в апреле 1930 года серьезное осуждение, но уже через год, **в марте 1931 года в Кузомени состоялся первый съезд трудового крестьянства Терского берега**.

Колхозы быстро росли, постепенно укреплялась их материальная база, доход на каждого члена колхоза был в три раза больше крестьянина-единоличника. В 1930-1933 годах близ села Кузомень на левобережье реки Варзуги около Подневодской курьи (место носит название Грабское) и около устья Кицы (Кицкое) впервые производились мелиоративные работы. Сотни гектаров ранее заболоченной земли были засеяны травами и дали высокий урожай. Это позволило колхозу увеличить поголовье коров и овец, так как

в селе начало развиваться животноводство. Затем на этих участках находились колхозные картофельные поля, высаживали турнепс для скота, овес на сено.

В Кузоменском колхозе «Моряк» в начале пятилетки орудий лова было на 21 тыс. руб.; а в 1937 году – на 110 тыс. руб. Основным видом промыслового судна вместо парусной ёлы и шняки становится моторный бот с двигателем 45 лошадиных сил. Значительно повысился материальный уровень колхозника: ежемесячный заработок составлял 273 рубля (овца – 40 руб.; сапоги – 50 руб.; суконное пальто – 80 руб.). В 1934 году многим колхозникам за перевыполнение плана по вылову семги правления выделяли дополнительные материальные поощрения до 36 тыс. руб.

В 1936-1938 годах в колхоз «Моряк» пришли первые тракторы, а первыми трактористами стали комсомольцы Петр и Алексей Заборщиковы. После того, как эти ребята ушли на фронт, их сменили девушки – Роза и Нина Богдановы (Нина Тихоновна Двинина).

1939 г. Москва. ВСХВ. Свидетельство №187962

Плотников Николай Федорович – бригадир колхоза «Моряк» Терского района села Кузомень в 1938 году добился выполнения плана улова рыбы на 255,2%, за что утвержден участником ВСХВ и занесен в Почетную Книгу.

Главный комитет ВХСВ

1940 г. Москва. ВСХВ. Свидетельство №262094

Абакумов Христофор Иовлевич – бригадир колхоза «Моряк» Терского района села Кузомень в среднем за 1938-1939 гг. добился выполнения плана добычи рыбы на 155,9%, за что утвержден участником ВСХВ и занесен в Почетную Книгу.

Главный комитет ВСХВ

1940 г. Москва. ВСХВ.

Панкратов Николай Антонович – бригадир колхоза «Моряк» Терского района в среднем за 1938-1939 гг. добился получения урожая картофеля 129% с гектара, овса на сено 298% с гектара и является участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Главный комитет ВСХВ

В 1939 году в домах колхозников появились радиоприемники, патефоны, а 16 июня этого года в селе открылся звуковой дистационар. Кузомляне увидели первый фильм «Волга – Волга».

Электричество в селе появилось в 1956 году от дизельной станции. Первая лампочка зажглась в доме Панкратова Николая Антоновича.

До войны люди в селе жили хорошо. Олень и рыба – больше ни чем не занимались. Людей было много, всем всего хватало – и работы, и заработка[29].

[29] Из записей Заборщиковой М.П.

2.1.9 Великая Отечественная война (22.06.1941-09.05.1945 гг.)

Июнь 1941 года на Терском берегу стоял теплый, солнечный. Рано сошли снега, и земля, быстро прогреваясь, запестрела разноцветьем трав. Вскрылись реки ото льда. И уже засобирались поморы на промысел в Белое море. Да долго ли им собраться – все еще с зимы приготовлено. Возьмет помор снасти, хозяйскую утварь, погрузит в карбас – и на тоню...

И вдруг – война!

По всему Терскому берегу отстучали телеграфы: мобилизация...

Из Кузомени на фронт ушли 117 кузомлян[30], из них не вернулись 62.

Кузоменские мужчины перед отъездом на фронт. Умба 1941 год.

Из воспоминаний кузоменского мальчишки Инопина Бориса Кирилловича: «Когда началась война, мне было 9 лет и 5 месяцев. За годы войны много разных событий произошло в жизни нашей семьи, но из них можно выделить основные: до сих пор помню по радио выступление В.М. Молотова о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз и слова из выступления И.В. Сталина: «...Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»

Через неделю после объявления войны семью Бориса (а в семье было шестеро детей, старшему – 13 лет, младшей тогда еще и года не было), постигло горе – умерла мать.

Борис свое семейное горе вспоминает так: «За день до смерти мама истопила баню, всех по очереди помыла, а вечером ей стало плохо. Она лежала на кровати недалеко от входной двери в избу, и когда я проходил мимо, позвала меня, обняла и тихо сквозь слезы сказала: «Тошно мне, сынок, тошно. Умру я скоро. Как вы будете без меня?» Я прижался к ней, плакал и просил: «Не умирай, мама! Не умирай!».

После смерти Марии Петровны мужа ее, Кирилла Ивановича Инопина, учителя, директора Кузоменской школы, вернули с призывного пункта и на фронт не взяли. С 1926 года Кирилл Иванович учительствовал на Терском берегу. Учил грамоте и детей, и взрослых поморов.

Зимой 1941 года Бориса и Зину на семейном совете решили отправить в детдом: уж очень тяжела была жизнь семьи. Борис вспоминает: «Дорога от Кузомени до Умбы[31] на оленях, от Умбы до Кандалакши[32] на лошадях. Третий этап – поездом до Мурманска на нарах. Через несколько дней после прибытия в Мурманск умерла младшая сестренка Зина. Так как нас поместили в разные детские дома, я ее больше не видел и не простился, не узнал, где ее похоронили».

Война приближалась к Кольскому полуострову. Немцы бомбили Мурманск день и ночь. Борис рассказывает, что детдомовцев научили быть бдительными, тушить зажигательные бомбы, не нарушать светомаскировку. Потом детский дом, где жил Борис, эвакуировали в Мончегорск. А через час после эвакуации здание детского дома (ул. Челюскинцев) было разбомблено.

В 1944 году после окончания учебного года шестерых воспитанников, которым исполнилось 12 лет, определили в школу юнг в Мурманске. Борис вспоминал: «Началась

[30] По другим источникам, 114 человек
[31] 140 километров
[32] 130 километров

наша учеба с практики на судне рефрижератора №3 Мурманского пароходства, в доке Росты мы несли 4-х часовую вахту у трапа. После вахты снимали налет на трубах холодильной установки, красили кубрики».

Шла война, но отцу Бориса удалось получить разрешение на свидание с сыном. Вот как об этом рассказывает Борис: «Мы не виделись почти 3 года. Встреча была такой неожиданной, волнующей и для меня, и для папы, что я не сразу поверил своим глазам: передо мной мой папа. Он обнял меня, а я буквально вцепился в него, и мы оба плакали...».

Отец сумел возвратить своего сына домой. Победу 1945 года Борис встречал в родном селе. Об этом он вспоминает так: «Ночью с 8-го на 9-е мая папа лег поздно, он всегда работал много, и вдруг врывается в комнату председатель сельского совета и кричит: «Что спишь, Кирилл Иванович, война кончилась! Победа!». Меня как ветром сдуло с кровати, на ходу надернул штаны и помчался вдоль села на другой конец, где жил мой друг Модест Абакумов, и во все горло кричал: «Победа! Победа! Война кончилась!». Мы с другом прибежали в школу, взяли красный флаг и установили на школьной крыше. И началось веселье! Односельчане угощали друг друга, у кого что было припасено покрепче на всякий случай, а детей угощали сладостями, стряпней, кусочками хлеба. Потом был митинг, почтили память погибших молчанием со слезами на глазах».

Список призванных на войну из Кузомени, погибших в боях за Родину:

ФИО	Годы жизни	Звание	Место гибели
1. Абакумов Григорий Филиппович	1899-		
2. Абакумов Дмитрий Иовлевич	1922-1941	минометчик	Ленинградский фронт
3. Абакумов Иов Иовлевич	1911(15?)-1943	лейтенант-танкист	Ленинградская обл.
4. Абакумов Христофор Иовлевич	1908-1943	рядовой-автоматчик	Кандалакшское направление
5. Абросимов Виктор Поликарпович	1925-1945	рядовой-стрелок	Австрия
6. Абросимов Владимир Артемьевич	1918-1942	старшина	Севастополь (пропал без вести)
7. Абросимов Поликарп Григорьевич	1901-1941	рядовой-стрелок	Кандалакшское направление
8. Абросимов Семен Артемьевич	1900-1944	рядовой-стрелок	Карелия
9. Богданов Александр Андреевич	1914-1943	матрос	пропал без вести
10. Богданов Алексей Иванович	1926-1944	рядовой-стрелок	Латвия

11. Богданов Алексей Тихонович	1919-1941	рядовой-стрелок	Орел (пропал без вести)
12. Богданов Африкан Александрович	1923-1944	сержант-разведчик	Карелия
13. Богданов Дмитрий Андреевич	1895-		
14. Богданов Иван Артемьевич	1918-		
15. Богданов Михаил Иванович	1923-1942	рядовой-стрелок	Кандалакшское направление
16. Богданов Петр Артемьевич	1911-1944	рядовой-наводчик	Эстония
17. Богданов Роман Андреевич	1911-1942	рядовой-пулеметчик	граница Кольского р-она
18. Богданов Сергей Артемьевич	1907-1944	рядовой-стрелок	Карелия
19. Богданов Христофор Иванович	-		
20. Воронин Федор Елисеевич	1912-1945	рядовой-стрелок	Кандалакшское направление
21. Гледенов Иван Яковлевич*	1914-		
22. Гнедов Павел Гаврилович (Григорьевич?)*	1910-1943	сержант	Финляндия
23. Гундалов Александр Максимович*	1915-1941	рядовой	Финляндия
24. Двинин Ануфрий Петрович	1902-1945	рядовой-стрелок	Польша
25. Двинин Аркадий Федорович	1914-1942	рядовой-стрелок	п-ов Рыбачий
26. Двинин Арсений Павлович	1904-1941	рядовой-стрелок	пропал без вести
27. Двинин Валерьян Федорович	1916-1941	рядовой-стрелок	Карелия
28. Двинин Георгий Федорович	1906-1945	ефрейтор	Германия
29. Двинин Павел Иванович	-		
30. Двинин Самсон Федорович	1910-1943	рядовой-стрелок	
31. Двинин Степан Григорьевич	1923-1943	рядовой-разведчик	
32. Двинин Эммануил Васильевич	-		
33. Дряхлов Георгий Егорович	1922-1942	рядовой	Керченский пролив (пропал без вести)
34. Дряхлов Сергей Петрович	1909-1943	рядовой-стрелок	Ленинградский фронт
35. Евтюков Петр Михайлович*	1902-1941	рядовой-стрелок	Кандалакшское направление
36. Заборщиков Алексей Николаевич	1920-1942	лейтенант	Ленинградский фронт
37. Заборщиков Анатолий Михайлович	1919-1942	рядовой	Керченский пролив
38. Заборщиков Валентин Михайлович	-1942	рядовой-стрелок	Новгородская обл.
39. Заборщиков Ефим Степанович	1910-1944	сержант	Северная Норвегия
40. Заборщиков Леонид Михайлович	1922-1941	рядовой-стрелок	Карелия
41. Заборщиков Петр Васильевич	1914-		
42. Заборщиков Фантин Яковлевич	1903-		
43. Карышев Федор Иванович*	1902-1941	рядовой-стрелок	Карелия
44. Кирилловский Николай Алексеевич	1924-1945	рядовой-	

		стрелок	
45. Кирилловский Федор Алексеевич	1923-		
46. Кожин Ефим Андреевич*	1919-		
47. Конев Павел Иванович (Степанович?)	1918-1941	рядовой-стрелок	Одесса (пропал без вести)
48. Конев Степан Иванович	1919-1942	рядовой-стрелок	Житомир
49. Корехов Алексей Петрович	1918-1941	лейтенант	Луга
50. Корехов Всеволод Иванович	1904-1941	рядовой-стрелок	Кандалакшское направление
51. Корехов Николай Петрович	1925-1945	красноармеец	Восточная Пруссия
52. Корехов Никонор Иванович	1910-1942	рядовой-стрелок	Кандалакшское направление (пропал без вести)
53. Крутов Константин Васильевич*	-		
54. Мошников Лев Михайлович*	1900-1942	рядовой-стрелок	Кандалакшское направление
55. Новоладский Федор Григорьевич*	1901-1942	рядовой	Керченский пролив
56. Панкратов Михаил Сергеевич	-		
57. Панкратов Фантин Сергеевич	-		
58. Пиотрашко Всеволод Сигизмундович	1908-1943	сержант	Карелия
59. Пирогов Александр Дмитриевич	1921-1943	рядовой-радист	пропал без вести
60. Пирогов Артемий Федорович	-		
61. Пирогов Иван Дмитриевич	1923-1944	сержант	Карелия
62. Плотников Константин Николаевич	1910-1941	рядовой-стрелок	Кандалакшское направление
63. Пономарев Николай Михайлович	1915-194?	лейтенант	
64. Пономарев Никандр Семенович	1909-1942	рядовой-стрелок	Кандалакшское направление
65. Рогозин Александр Арсентьевич	-		
66. Рогозин Василий Ефимович	1898-1945	рядовой-стрелок	пропал без вести
67. Рогозин Никифор Артемьевич	1900-1944	рядовой-стрелок	Кандалакшское направление
68. Сидоров Василий Семенович	1920-1943	ст. лейтенант	Новгородская область
69. Сидоров Евгений Алексеевич	1918-1945	ст. матрос	Восточная Пруссия
70. Толченков Николай Кириллович*	1909-1944	мл. лейтенант	Карелия
71. Тюттерин Александр Филиппович	1896-1941	рядовой-стрелок	Кандалакшское направление
72. Тюттерин Эммануил Филиппович	1919-1941	рядовой-стрелок	Орловская обл.

* - призваны на войну из села Кузомень, сами не являются коренными жителями

Из семейной хроники кузомлян Абакумовых[33]:

Наш старший брат Христофор родился в 1908 году. На нем, подростке, лежали хозяйственные заботы в семье. Когда отец уезжал «под извоз», брат оставался за хозяина. У нас были олени, корова, овцы. Мы, младшие братья и сестры, подрастали, уезжали учиться, а Христофор, окончив 6 классов, стал помогать отцу. Был он среднего ро-

[33] Галина Иовна Павлова-Абакумова. Журнал «Сельская молодежь»

ста, с русыми, слегка вьющимися волосами и была в нем с детства какая-то основательность, надежность.

Зимами ездил брат с другими колхозниками на торос – промысел тюленей в Белом море. Летом и осенью рыбачили, как говорят, – «сидели на тоне». Перед самой войной бригада Христофора намного перевыполнила план по сдаче семги и селедки. Брат был награжден поездкой на сельскохозяйственную выставку в Москву, радиоприемником и грамотой. Грамота сохранилась, но в Москву он не ездил. Вместо поездки и приемника взяли деньги. Мы собирались строить новую избу, уже и лес заготовили, а денег не хватало: на трудодни давали копейки.

Как-то летом соседи, Богдановы Иван и Анна, рыбачили на одной тоне с нашим Христофором и очень подружились с ним. Невозможно представить, чтобы он с кем-то спорил или ссорился, люди к нему тянулись – такой счастливый был характер у нашего брата. Вскоре Богдановы назвали своего новорожденного сына в честь Христофора. Никого не осталось в деревне из этой семьи, и дом их не сохранился. А Христофор и ныне живет где-то в необъятных российских просторах. Словно в нем вместе с именем осталась частица нашего брата.

С девушками Христофор был очень робок, поэтому долго оставался холостым, по деревенским меркам. Но в тридцать седьмом году, после смерти мамы, всерьез задумался о женитьбе: в доме нужна была хозяйка. Невесту сосватали в соседней деревне, и несколько подвод с гостями направились туда за 50 километров. Потом свадьба отшумела в нашем доме. На другой день рано молодая принялась за хозяйственные хлопоты. Она оказалась такой же простой и работящей, как наш Христофор. Звали ее Александрой. За время их недолгой семейной жизни не было между ними не только ссор, но и просто недомолвок, недоразумений. И не могло быть. Во многом они были похожи, вот уж поистине две половинки.

Ясным солнечным днем в июне сорок первого года карбас с новобранцами уходил к устью реки, где его ждал пароход. Все они, как один, были молодыми и крепкими людьми. Оставались старики, женщины и дети. Александра ждала второго ребенка. Он родился в январе сорок второго, отца так и не увидел, но был очень схож с ним характером.

С нетерпением ждали мы вестей с фронта. Христофор писал не часто. К зиме был сформирован отдельный лыжный батальон, куда брата зачислили рядовым. Он погиб 27 апреля 1943 года в двух километрах от озера Ахвен-Ярве. Позднее останки погибших были перезахоронены на 88-м километре по Алакурттинской дороге. Двадцать вторая надпись на памятнике – Абакумов Х.И. Всего же надписей – более тысячи.

Наш средний брат, Иов, родился в 1915 году. К нему в семье было особое отношение: он первым из нашей деревни уехал учиться в Мурманск в педучилище. Не только домашние, но и соседи, друзья называли его ласково – Ивушка. Ростом он был повыше Христофора, светловолосый, с зелеными глазами. Взгляд какой – то необычный – открытый. Отец рассказывал: маленький Ивушка был очень смешной – ноги колесом, а под мышкой носил книгу. На вопрос, кем он хочет стать, отвечал важно: «Уцителем». «Устами младенца все же глаголет истина!» – смеялся отец. Домой он приезжал только летом, на каникулы и отпуск.

Мы, ребятишки, забирались на крыши и выглядывали пароход. Как только он появлялся на горизонте – сколько было ликования, радостных воплей! За пассажирами приходилось выезжать далеко в море на лодках и карбасах, да еще до деревни плыть четыре километра по реке против течения. Иной раз тащили карбас бечевой, приливы и отливы у нас сильные.

С приездом брата в доме царил праздник. Он обязательно всех одарял подарками. Однажды привез самовар – светлый, блестящий (до этого у нас был медный), а в нем конфеты. Полный самовар конфет! А еще Ивушка обязательно привозил нам детские книжки.

Он был страстным рыбаком и часто рыбачил на озере. Ходил за грибами. Но основным его увлечением было чтение. Бывало, сядет у окна, книга на столе – и читает до глубокой ночи. Благо, ночи у нас «белые» – светло, как днем. Мама старалась подкор-

мить нашего отощавшего студента. Поставит перед ним миску со зрелой морошкой. Ивушка читает и лакомится, как маленький ребенок. Любил сладкое.

В последний раз он побывал в мае сорок первого в отпуске. На море еще плавали льдины, случайный трудяга-бот подвозил какие-то грузы. На нем и прибыл брат. Для нас он был прежним Ивушкой, а вот седовласые односельчане, здороваясь, величали его уважительно, Ив Ивлевич.

Известие о войне застало его на рыбалке. Рыбалка в тот день была неважная, вспоминал двоюродный брат. Больше говорили о событиях в мире. «Скоро начнется война»,– пророчил Иов. Ребятам не верилось. Не дожидаясь повестки о призыве, Ивушка в первый же день ушел на фронт.

На Митю мы получили первую похоронку, потом на старшего. Письмо о гибели Ивушки пришло только в мае, хотя это случилось в феврале. Он сгорел в танке. Друг писал, что бывали у них и до этого очень тяжелые бои, но судьба хранила Иова.

Это было последнее и самое страшное известие. После смерти двух братьев и сестры у нас теплился лучик надежды, что хотя бы Иов вернется. В мае и этот лучик погас. То были страшные для нашей семьи дни сорок третьего года.

Митя был младшим сыном в семье, он родился в двадцать втором. Это сказалось и на его характере: на него меньше возлагалось дел и забот. Правда, для меня и сестры Ларисы он был старшим братом, мы это признавали. Но он своим старшинством никогда не злоупотреблял. Мы росли вместе, помню его в бесконечных играх – рюхи, лапта, гигантские шаги, качели. На качелях днем качались детвора, а вечерами парни с девушками.

Но самой большой Митиной страстью были баски – игра в оленьи кости. С нетерпением дожидался он первых проталин. Заранее делал биты – ведущие кости в басках, сверлил отверстия, заливал свинцом. Приносил выигранные кости и снова часами «колдовал» над ними. Стрелком он был очень метким, выигрывал часто, но без сожаления отдавал свое богатство двоюродным братьям. У него не было жажды накопительства. Увлекала его только сама игра. Мите больше дозволялось, чем братьям, и детство его было беззаботным. И недолгим. В тридцать седьмом году после смерти мамы, он окончил семилетку и уехал учиться в ФЗУ. Как-то пришло от него письмо с вырезкой из газеты, а в газете хвалебная статья о его работе и фотография Мити – у станка. Это была большая радость для нас – наш Дмитрий стал рабочим, хорошим рабочим.

В июле сорок первого его зачислили в учебный батальон связи. Воевал он под Ленинградом. Но вот перестали приходить от него письма. Не стало нашего Мити. Он погиб в декабре сорок первого, когда ему едва исполнилось девятнадцать.

Наша сестра Лариса была отличницей, способной и серьезной девушкой. Перед самым началом войны ей исполнилось пятнадцать, и она уехала в Мурманск поступать в педучилище. В июне немцы сильно бомбили город. Лариса решила вернуться домой. Пассажирский пароход подорвался на мине по пути от Кандалакши к Умбе. Произошло это ночью. Никто не спасся.

Воевала и наша старшая сестра – Абакумова Людмила Иовна. Сначала перевозила раненых в эвакопункт, потом работала в прифронтовых ремонтных мастерских. Дошла до Берлина, многое повидала и испытала. Закончила войну на Втором Белорусском фронте.

Сейчас отцовский дом в деревне пустует. Приезжаем туда только летом. Не знаю, будет ли жива наша Кузомень...

Письмо с фронта 18 января 1942 года[34]:

Добрый день! Здравствуйте, дорогие родители – папа, мама, Фиса, Коля, Танечка! Привет всем знакомым и близким.

Папа, я нахожусь в пути на фронт. Я очень рад, что мне пришло время защищать

[34] Газета «Терский коммунист» от 7 февраля 1981 года

Родину. Папа и мама, за меня не беспокойтесь, долг каждого гражданина сейчас защищать Родину. Я, как командир Рабоче-Крестьянской Армии, обязан выполнить волю народа – встать грудью на защиту своей Родины, и долг перед Родиной выполню без малейшего колебания. Крепко целую родных.

Алексей

Так писал первый колхозный тракторист комсомолец Заборщиков Алексей Николаевич. А 23 февраля 1942 года он погиб, сгорел в танке под Ленинградом. 23 февраля Алексею исполнилось 25 лет.

2.1.10 Послевоенное время

Вторая половина XX века стала временем крушения поморского уклада жизни. В колхозе «Моряк» была молочно-товарная ферма, птицеферма. Было оленье поголовье, лошади, тракторы. На разработанных полях сеяли многолетние травы, много сажали картофеля, капусты, турнепса. Были хорошие сенокосные угодья вверх по реке, где много накашивали лугового сена. Колхоз был миллионером. Неоднократно награждался грамотами, получал переходящие знамена за высокие уловы семги. За высокие показатели был удостоен быть участником выставки в Москве – ВДНХ.

В период войны 1941 года в колхозе трудились женщины, старики, дети. Во время войны молодые девчата возглавили животноводческую ферму и полеводческую бригаду. Это были Анфиса Заборщикова и Анастасия Двинина (Анастасия Васильевна Самохвалова). Показатели труда были высокие.

Но все изменила война 1941-1945 годов. Более 400 поморов не вернулось с войны, да не каких-нибудь, а самых лучших, самых работящих, а те, кто вернулся, были больными или инвалидами. В Кузомень не вернулись 62 человека. Рыболовецкие колхозы оказались на плечах женщин, подростков, стариков и уже были обречены.

После войны бурно развивалась промышленность и росли города в центре Кольского полуострова. После окончания школы молодежь классами уезжала на строительство этих городов и поселков. Началось объединение колхозов, разбросанных по берегу на большом расстоянии друг от друга, что ничего хорошего для дела и для людей не принесло: это стало насильственным ускорением развала всего хозяйства.

В 1960 году колхоз «Моряк» соединили с колхозом «Всходы коммунизма» села Варзуги. Забрали все денежные фонды, ликвидировали птицеферму, молочно-товарную ферму, забрали весь скот. Поля и сенокосы запустели. Имущество колхозное постепенно перевезли все в Варзугу, вплоть до чернильниц.

Последовал разгром села: школу, лесничество, сельский совет перевели в Варзугу. Закрыли аэропорт, больницу. Факторией на Устье тоже стал распоряжаться Варзугский колхоз[35].

[35] Из записей Заборщиковой М.П.

2.2 Учреждения

2.2.1 Метеостанция

К ветрам у поморов всегда было особое отношение. Ветер для них и раньше, и теперь – друг и враг одновременно. В течение дня направление ветра может поменяться на 360 градусов – «роза» ветров. Один ветер может нагнать рыбу, а другой не пустит ее в реку. Каждый ветер на Терском берегу имеет свое название. Дующий с севера так и называется север, иногда сиверко. Но уже северо-восточный зовется полуночником, поскольку дует, в основном, ночью – с суши на море (сильнее да тоскливее ветра нет).

Восточный именуется сток. Не восток, а просто – сток. Восточный ветер гнилой, без длительного дождя не успокоится. Скажут: «Сток подул – жди рыбы». Юго- восточный обедником зовут, так как дует чаще днем, в обеденную пору. Южный ветер ласково летником величают. А вот юго-западный называют шелоником, в память о новгородской реке Шелони, так как дует с того направления. Западный ветер называют просто – запад. И, наконец, с северо-западного направления, вдоль всего Терского берега дует побережник, пыльный ветер.

В 1902 году в Кузомени была открыта метеостанция. Находилась она на самом краю деревни в небольшом новом двухэтажном домике с высоким крыльцом. Против домика на огромном холме-могильнике между деревянными крестами, уныло воткнутыми в голый песок, стоят тонкие белые столбики и ящики с какими-то приборами. Это – Кузоменская метеостанция. Флаг на домике не всегда красный. Молодой наблюдатель Михаил Захарьин, учившийся в городе Архангельске на метеоролога, менял флаг почти каждый день: красный вешает к ветру, зеленый – к дождю, белый (зимой) – к морозу. В 1946 году метеостанция была закрыта.

2.2.2 Фельдшерский пункт. Больница

В поморских селениях болели реже, чем на Мурмане. Закаленные, привыкшие к промысловому труду, крестьяне отличались крепким здоровьем. На вопрос, чем они чаще болеют, поморы в 1785 году отвечали: «временами бывает горячка (народное название болезней с повышением температуры), а также оспа, корь, скарлатина, но приходят не чаще как через семь лет, чаще бывают «укольные болезни» (нарывы от прокола рук рыболовными крючками)».

Лечили людей в деревнях народные врачеватели народными средствами, каждый по своему разумению. Поморские знахари неплохо знали лечебные свойства трав, умело действовали при лечении вывихов и ушибов, Успешно помогали больным при простудах, расстройствах пищеварения. Например, Вопияшина Пелагея Кандидовна была в Варзуге повитухой («бабила», по местному наречию), приняла сорок родов.

Сведения по оспопрививанию в Кузоменской волости подавались с 1861 года.

Ведомость об успехах оспопрививания по Кузоменской волости за 1905-1906 гг[36].
Осталось к 1905 году не привитых оспою – 52; к 1906 году – 87;
Вновь родилось в 1905 году – 79; в 1906 году – 69;
В течение 1905 года привито – 37; в 1906 году – 67;
Умерло без привития в 1905 году – 7; в 1906 году – 5;
Осталось к 1906 году не привитых оспою детей - 87; в 1907 году – 84.

На Кольском полуострове возникали эпидемии: в 1863 году – скарлатина; в 1864 году – корь; в 1865 году – натуральная оспа; в 1866 году – брюшной тиф. По настоянию Кемского уездного врача Лаутерштейна врачебное отделение Архангельского губернского правления приняло решение об увеличении медицинских сил в Лапландии. В 1868 году были определены фельдшера в Колу, Кузомень и Печенгу.

23 июня 1865 года[37]. *Об определении в Кузоменское и Умбское общества фельдшером лекарного ученика Вечеславова.*

В 1881 году в селе Кузомень был открыт фельдшерский пункт. Но население попрежнему больше доверяло знахарю, чем приезжему фельдшеру: «не дал Бог здоровья, не даст и лекарь». В начале 1890 года медицинские силы в Кузомени состояли из фельдшера и акушерки. Много сделал для улучшения медицинского обслуживания населения Терского берега врач Иван Николаевич Шмаков с 1896 по 1939 годы. Он вспоминал, как трудно было медицинскому персоналу локализовать болезнь и принять меры к ее прекращению. Обычно об эпидемии болезни в уезде врач узнавал спустя долгое время, в связи с отсутствием всяких путей сообщения по Терскому берегу. Поэтому возникавшие эпидемии того времени: тиф, корь, скарлатина – уносили множество жизней.

[36] Фонд Ф – 1И Дело 136
[37] Фонд Ф – 4И, Д.1

Из приговоров волостного схода о расходовании денежных средств в 1890-1899 годах[38]:

1895 год. Выделили помещение для фельдшерского пункта в с. Кузомени для приема больных и хранения аптеки. Помещение отвели в общественном доме, занимаемом Кузоменским сельским учителем, в одной из свободных комнат, с тем чтобы расход по отоплению и освещению того помещения был отнесен на все волости, приписанные к фельдшерскому участку.

Израсходовали для открытия фельдшерского пункта 2 рубля 68 копеек.

Все предметы, необходимые для фельдшерского пункта: топчан, 2 табуретки, умывальник, лампа на стол, подсвечник, шкаф для лекарства, стол, 4-6 полотенец. Расходы по обзаведению вещами для фельдшерского пункта составили 25 руб.

В 1898 году подняли вопрос о постройке дома для фельдшерского пункта.

В начале века на весь Терский берег от Умбы до Поноя (около 400 верст) был всего лишь один фельдшер и акушерка в селе Кузомень. К началу 1923 года в селе был медпункт с двумя койками. Позже был открыт стационар в бывшем доме священника (сейчас библиотека), а амбулатория находилась в доме Плотникова Н.Ф. в задней двухэтажной половине. На верхнем этаже вели прием больных, а на нижнем располагалась прачечная.

Медперсонал Кузоменской больницы, 1958 год

В 1957 году была построена прекрасная больница с терапевтическим, хирургическим и амбулаторным отделениями. Пациентами больницы были не только кузомляне, но и жители близлежащих сел – Чаваньги, Чапомы, Тетрино, Пялицы, Варзуги, Кашкаранцев. Первым главным врачом был Николай Сизых, терапевтом – Мария Анатольевна Никитина, а медсестрой – Кудряшова (Кузнецова) Мария Павловна.

В стоматологическом кабинете работала Валентина Игнатьева. Открылась аптека, где фармацевтом многие годы проработала Тюттерина Агриппина Степановна. До сих пор кузомляне с благодарностью вспоминают Ашкина Ивана Петровича, который 30 лет проработал фельдшером в Кузомени и акушерку Туркову Анну Федоровну.

В 1974 году больницу закрыли. Остался только фельдшерский пункт, который возглавил Ашкин Иван Петрович. В настоящее на медпункте работает фельдшер Савина Евгения Владимировна.

На медицину в Кузомени расходовалось:
1905 год – 28 руб.;
1911 год – 30 руб. 25 коп.;
1912 год – 3 руб. 30 коп.;
1914 год – 32 руб. 13 коп.;

В медицинской сфере в Кузомени в разное время работали[39]:
1865 год – фельдшер Вечеславов;

[38] Фонд Ф – 1И. Д -29
[39] Фонд Ф – 4И

1867-1869 годы – фельдшер Дмитриев;
1870-1878 годы – фельдшер Герасимов;
1877 год – оспопрививатель Пономарев;
1883 год – фельдшер Данилов Тихон Андреевич;
1889 год – фельдшер Ольшевский Филипп Казимирович;
1890 год – оспопрививатель, фельдшер Янов Семен Матвеевич;
1892-1894 годы – оспопрививатель, фельдшер Маракушин Андрей Иосифович;
1895 год – оспопрививатель, фельдшер Ремсков Филипп;
1897-1902 годы – оспопрививатель, фельдшер Видякин Иван Григорьевич;
1903 год – оспопрививатель, фельдшер Шатков Иван;
1905-1911 годы – фельдшер Смирнов Дмитрий;
1905 год – ветеринарный фельдшер Хлопин В.К.;
1906-1908 годы – фельдшер Абросимов Евгений;
1912-1914 годы – фельдшер Романовский Андрей Васильевич;
1914- май 1917 года – фельдшер Машков Александр;
1916-1917 годы – акушерка Машкова Евдокия;
1917 год (с октября месяца) – Тепляков Павел Степанович;
1950-1980 годы – санитарный фельдшер Ашкин Иван Петрович;
1973-1974 годы – фельдшер Плотникова Екатерина Николаевна.

Медперсонал Кузоменской больницы, 1973-1974 годы

2.2.3 Школа

В XVI-XVIII веках в Поморье развивалась торгово-промышленная деятельность с Западной Европой и центральной Россией. Это способствовало распространению грамотности среди поморов. Грамота нужна была при распределении коллективного улова, продаже промысловой добычи, закупке припасов, платеже пошлин, при расчетах между хозяевами и работниками, а также при составлении деловых бумаг, так как большинство сделок оформлялось письменно.

Царское правительство не принимало никаких мер к просвещению трудового народа. Обучение грамоте происходило в домашних условиях. Нанимался какой-нибудь грамотей, обычно старик, который не имел сил ходить на промысел, иногда местный дьячок или псаломщик. Он собирал группу желающих учиться и за определенную плату обучал

их чтению, письму, счету. У поморов была хорошая традиция: грамотный родитель считал своим долгом иметь в доме грамотного сына.

По учету, проведенному в 1826 году на Кольской земле, на каждые 25 жителей приходился один грамотный. В 1862 году в селе Кузомень открылось сельское училище – первое на Кольском полуострове, не считая приходского училища в Коле. В первый год обучения в Кузоменское училище поступило почти 40 детей. В 1866 году в нем обучалось 28 мальчиков и 9 девочек, а 1896 году – 26 мальчиков и 12 девочек. Однако большинство крестьян, особенно беднота, оставались неграмотными.

Кузомляне заботились о грамотности подрастающего поколения. Например, в 1900 году на содержание училища было выделено 156 руб. 50 коп.; в 1903 году – 450 руб.; в 1914-1917 годах – ежемесячно по 47 рублей 49 копеек.

В конце XIX века Кузомень была самым крупным селом на Терском берегу, в котором насчитывалось без малого тысяча жителей. В это время в селе была двухклассная школа, где широко изучался закон Божий. Если ученик не выучивал этот предмет, то получал от попа подзатыльник, а если не посещал церковь во время службы – получал порку и от учителя, и от родителей.

В конце 1890 года во всех крупных селениях Кольского полуострова «по высочайшему соизволению» были организованы так называемые «народные чтения». Производились они регулярно, по воскресениям и праздничным дням. Чиновник Н.Н. Макшеев, посетивший в 1891 году село Кузомень, писал, что: «При сельском училище происходят народные чтения с туманными картинами. Читают становой пристав Таратин, учитель Луговой и шкипер Корехов. Нравственные брошюры, исторические, из семейного быта, из практики морского дела, по природе и популярной гигиене слушаются не только детьми и юношами, но и взрослыми крестьянами и крестьянками. Школьный дом производит прекрасное впечатление: обширное здание содержится чисто... при школе есть детская библиотека».

М.Н.П.[40] Петербургский Учебный округ от учителя Кузоменского сельского училища 30 июня 1905 года[41]

Господину Кузоменскому сельскому старосте

Прошу Вас, Милостивый Государь, поставить в известность крестьян вверенного Вам Общества, что во вверенном мною училище ученье осенью будет начинаться, как нынче, так и в предшествующие годы, в начале октября месяца, к этому времени все учащиеся дети должны быть в сборе. Но так как здесь местное население живет в это время на промысле по берегу моря, то родители учащихся снабжают своих детей продовольствием, могут заблаговременно отправить их в деревню, где находится училище, к своим родственникам или знакомым.

Учитель А. Мусихин

Ноябрь 1913 года[42].

Слушали предложение господина чиновника по крестьянским делам 2 участка Александровского уезда от 28 октября 1913 года об открытии в с. Кузомень двухклассного училища с двумя ремесленными отделениями: столярно-токарным и кузнечно-слесарным.

В 1921 году в Кузомени можно было учиться в 5 классе, так называемом, высшем начальном училище. С 1929 года оно было преобразовано в школу второй ступени, так как можно было учиться в 6-7 классах.

[40] Министерство Народного Просвещения
[41] Фонд Ф-4И, дело 14
[42] Фонд Ф - 4И дело 28.

В 1930-1931 годах Кузоменская школа дала первые молодые кадры педагогов. После летних областных курсов при облоно из Мурманска на Терский район возвратились молодые учителя начальных классов: Вальков П.И., Яковлев Я.В., Плотникова Е.Я., Кожин Е.А., Хабаров Л., Сурядов С. Нескольких человек направили работать в Умбу, другие вернулись в Кузомень, где в те годы директорствовал Николай Михайлович Пидемский.

Не было тогда ни методик, ни пособий для учителей. Вот и собирал после уроков директор молодежь в одном из классов и подолгу работал с ними. Учил, как надо вести уроки математики, истории, русского языка, естествознания. Всем молодым учителям тогда было по 16-17 лет. В те годы Лене Плотниковой исполнилось только 15 лет, но это была уже серьезная и способная учительница. Ее уважали как ученики, так и взрослые.

Это были голодные годы. Чтобы поддержать учеников, им выдавали на месяц по 7 фунтов муки и по 2 фунта рыбы. На местные кооперативы возлагали обязанность обеспечить детей из семей бедняков обувью или хоть какой-то одеждой. Не было бумаги – писали на старых книгах и газетах между строк, на полях. Занимались по старым букварям и грамматикам.

В 1929 году в Кузомени был открыт интернат. Из воспоминаний Чапомских учеников, которые учились в начале 40-х годов и проживали в интернате села Кузомень: «*Во всех деревнях Терского берега были только начальные классы, и в 5 класс учиться надо было ехать в Кузомень, там была семилетка. Шли 1932-1933 годы, на Терский берег не были завезены продукты, с хлебом было плохо. Дети из Чапомы и Пялицы привезли по мешку картошки и сдали в интернат. До Нового года было терпимо. Потом хлеба стали давать очень мало, других продуктов не было, начали голодать. В ближайшие села Варзугу (18 верст) и Кашкаранцы (45 верст) ребята на выходные бегали домой. А то и посылочку получат – подкреплялись. А дети из Чапомы и Пялицы, самых далеких от Кузомени селений, даже на зимние каникулы не могли поехать домой. Самолетов еще не было, передвижение зимой было только санным путем – на оленях или лошадях. Началась весна, мы совсем ослабли, стали плохо ходить, а потом и совсем слегли. Болели ноги, зубы еле держались, из десен шла кровь. Надо было сдавать экзамены (тогда каждый класс в конце года сдавал экзамены). Приходила учительница, принимала зачеты, оставляла задания. В следующий класс перешли все, нас было пятеро из Чапомы и Пялицы. Домой нас отправили на рейсовом пароходе. Кузомляне несли нас на руках до карбаса, а дома родные тоже несли на руках и на носилках. Вот так мы учились в 5 классе Кузоменской школы в начале тридцатых годов*».

В 1928 году Кузоменские пионеры поставили спектакль. Весь сбор средств от него, а также деньги собранные по подписному листу, пошли в фонд строительства самолета «Пионер».

В 1951 году учащиеся Кузоменской семилетней школы убрали 20 тонн картофеля с полей, за что правление колхоза «Моряк» вынесло им благодарность и купило пионерский барабан.

С самого открытия, 1 сентября 1954 года, новая двухэтажная школа-десятилетка стала главным проводником всех добрых идей в жизни кузомлян. Ученики вместе со своими воспитателями и учителями участвовали в общественной

жизни села. Заготовка дров для школы и интерната держалась на старшеклассниках. Ребята помогали пожилым и одиноким жителям села в разделке привезенных дров. Помогали колхозу в уборке урожая картофеля, на сенокосе, в подготовке парников, пасти скот. Выступали с самодеятельностью на сцене.

В честь 100-летия открытия первой школы в селе Кузомень, в 1962 году на огромном двухэтажном здании школы была торжественно открыта мемориальная мраморная доска. Через 10 лет десятилетку закрыли, с 1972 года старшеклассников стали отправлять в Умбский интернат, а в 1981 году школу закрыли окончательно. Несколько лет здание стояло пустое с выбитыми окнами. Затем по распоряжению председателя колхоза «Всходы коммунизма» Калюжного В.М. ее разобрали и увезли в Варзугу. При сносе здания мраморную доску безжалостно разбили на мелкие кусочки.

О трагической судьбе учителя Филянова М.А.

Михаил Андреевич Филянов родился в Поле Архангельской губернии. В 1919 году семья Филяновых переезжает из Варзуги в Кузомень. В школе было всего 4 класса, и Михаилу Андреевичу, как единственному учителю, пришлось преподавать русский язык, музыку, арифметику и другие предметы.

Он знал 4 языка – латынь, французский, немецкий, английский. Играл на скрипке, фортепиано, еще в гимназические годы пел в церковном хоре. В музее народного образования Кольского края хранится фотография профессора Н. Карташева с дарственной надписью, подаренная Михаилу Андреевичу в 1916 году за выступление на конкурсе: «Талантливому М.А. Филянову с пожеланиями совершенствования на музыкальном поприще».

Письмо М.А. Филянова в губоно:

Вот уже 16-й год подряд работаю в Кузоменской волости в качестве учителя; не буду говорить подробно, что сделано мною в эти 15 лет, но последний 1921-1922 год оказался неблагополучным для меня в следующем отношении.

Во-первых, один паек в месяц, 2 пуда муки, конечно, не хватает для семьи в 5 человек, мука получалась неисправно, а иногда и нехорошего качества, вследствие чего у меня развивается малокровие. Во-вторых, все старые запасы платья, особенности же обуви, истощились, почему целую зиму принужден был выходить на службу и всюду в единственных протертых оленьих туфлях, которые мало греют ноги. В-третьих, работы, как по школе второй ступени, так и по культпросвету было много: утренние и вечерние занятия в школе, затем бесконечные репетиции, спектакли и прочее.

Все вместе взятое вконец разрушило мое здоровье: малокровие усилилось, появляется слабость, исхудание тела, с сентября сего года заболевает горло, пропадает голос. Болезнь прогрессирует.

Тяжело мне чувствовать свою полнейшую нетрудоспособность, но я все-таки надеюсь, что до весны вы не лишите меня должности и квартиры. Несчастье увеличилось еще тем, что недавно появился маленький член семьи. На что может рассчитывать моя семья (жена и 4 детей от 7 лет до 3-х недель), если я умру в течение зимы?

Учитель Кузоменской школы М.А. Филянов

«Полярная правда» от 16 декабря 1922 года: «*Губоно с прискорбием сообщает о смерти учителя Кузоменской школы первой ступени Михаила Андреевича Филянова, товарищи. Так дальше быть не должно! Если на фронтах и на голоде гибли наши работники, то это было очень тяжело, но все-таки можно было, конечно, оправдать. Но почему должны сейчас гибнуть лучшие и честнейшие работники? Вина их гибели падает на тех, кто не хочет понять необходимости поддержания народного просвещения. Если так будет идти дальше, то мы лишимся всех своих лучших работников просвещения*».

Эти газетные публикации помогли. Губоно оказало помощь продуктами, одеждой, обувью. В 1926 году, исполняя последнюю волю мужа детей выучить во что бы то ни стало, мать привезла детей в Мурманск.

Воспоминания Марии Петровны Заборщиковой (Кореховой)[43]:

«В 1862 году было открыто первое учебное заведение в селе Кузомень – сельское училище Министерства народного образования. Здание, в котором оно размещалось, до сих пор сохранилось, позднее оно было переоборудовано под почту.

Мои родители, Петр Павлович Корехов 1884 г.р. и Глафира Михайловна Панкратова (Корехова) 1891 г.р., учились в этой школе. Изучали русский язык, арифметику, чистописание, Закон Божий. Учебный год начинался с октября месяца, так как до этого времени все родители разъезжались по тоням вместе с семьёй, скотиной на рыболовный промысел. Родители старались учить мальчиков, девочек неохотно отдавали в школу. В семьях было по 8-10 детей.

В 20-е годы конфисковали лишнюю площадь у купчихи Татьяны Семёновны Двининой. В двухэтажном доме было 10 комнат, в них разместили классы и жильё для учителей. Позднее здание было переоборудовано под интернат.

В 1920-1921 учебном году я пошла в первый класс, окончила 4 класса в 1924 году. Первыми учителями в этой школе были брат Константин Николаевич и сестра Капиталина Николаевна Поповы, дети сельского священника. У него было 8 детей, из них 4 учителя: двое в Кузомени и двое в Варзуге – Аполос и Вениамин Николаевичи. В Кузоменской школе позже работали ещё 2 учителя – супруги Могутовы.

Мы изучали математику, русский язык, чистописание, таблицу умножения. Писали на металлических маленьких досках белым грифелем.

В начале 20-х годов было открыто высшее начальное училище. Это училище находилось в доме купца Михаила Никитича Корехова. Приехали учиться в 5-7 классах из сёл Терского берега взрослые девушки и юноши. В этом училище было пианино, на котором играл учитель Миронов.

Я просилась у родителей учиться в 5 классе, мне не разрешили, надо было сидеть в

[43] Газета «Терский берег» 1997 год.

няньках. Мой брат, Алексей Петрович Корехов 1918 г.р., продолжил учёбу, после окончания 7 класса поступил в Мурманский педтехникум. По окончании его работал в школах района: в Стрельне, Чаваньге, Умбе. Был призван в армию, направлен на учёбу в Белоруссию в военное училище, получил звание офицера, ему был предоставлен отпуск. Война застала Алексея в Ленинграде, его направили в часть, а 14 августа 1941 года он погиб. Вместе с ним в Мурманском педтехникуме учился Василий Григорьевич Дъячков.

Хорошие кадры готовила Кузоменская школа. Перед войной 25 учителей – кузомлян, выпускники педтехникума, разъехались по школам области. Погибли на фронте учителя Кузоменской школы Павел Григорьевич Гнедов и Николай Кириллович Толченков.

Самые первые учителя, которые работали в семилетней школе: Нина Емельяновна Сергеева, Варвара Николаевна Чудинова, Анна Голоухова, Кирилл Иванович и Тамара Ивановна Инопины. Позже Тамара Ивановна Инопина работала в Кашкаранской школе.

В 1954 году была построена новая десятилетняя школа (доски на строительство брали из храма). Директорами этой школы были Леонид Гаврилович Омельченко, Николай Никифорович Михаленко, Анна Александровна Богданова. Первый выпуск десятилетки по комсомольской путёвке уехали на строительство посёлка Никель».

В разные времена в Кузоменском сельском училище (а затем – школе) преподавали:
1869-1890 годы – Алексей Иоаннович Синцов, законоучитель (преподавал Закон Божий);
1876-1877 годы – Попов, учитель;
С ноября 1877 года – Г. Юрьева, учитель;
1880 год – Лидия Иванова, учитель;
1885-1900 годы – Михаил Григорьевич Луговой, учитель;
1889-1890 годы – Архипов Николай Николаевич, учитель;
1903-1905 годы – Андрей Мусихин, учитель;
1903-1904 годы – Василий Дмитриевич Перовский, законоучитель, священник Кузоменского прихода;
1905-1907 годы – Антон Андреевич Витюгов, учитель;
1907 год – Анна Титова, учитель (не прошла полного курса обучения в Архангельском епархиальном училище);
1912-1913 годы – Мария Александровна Куковерова, учитель;
1914- июнь 1916 годы – Ульяна Николаевна Жаравина, учитель;
1914- июнь 1916 годы – Назарий Алексеевич Синцов, законоучитель, священник Кузоменского прихода;
1916 год – Еводкия Козырева, учитель;
Декабрь 1916-1917 годы – Алексей О. Либеров, законоучитель;
1919-1922 годы – Михаил Иванович Филянов, учитель;
1930-1931 годы – Николай Михайлович Пидемский, директор, учитель;
Николай Кириллович Толченков работал в школе до войны, погиб в Карелии в 1944 году.
Кирилл Иванович Инопин работал директором во время войны.
1953 год – Василий Федорович Студёнов, директор;

После войны директорами работали Леонид Гаврилович Омельченко, Николай Никифорович Михаленко, Анна Александровна Богданова, Нина Никитична Рогозина, Светлана Егоровна Заборщикова.

Выпускники Кузоменской школы, 1970 год

В настоящее время Кузоменских ребятишек с 1 по 4 класс обучает замечательный педагог Анжела Николаевна Двинина. Занятия проходят в помещении бывшего сельмага. Старшеклассники ездят на учебу в Варзугу, а родителям приходится платить за жилье и питание.

2.2.4 Библиотека

В детской библиотеке Кузоменского училища на 1 января 1907 года имелось 1760 томов, в том числе для выдачи взрослому населению 847 томов. До 1918 года на территории Кольского полуострова не издавалось ни газет, ни журналов. Поэтому местной печатью была официальная газета «Архангельские губернские ведомости», которая выпускалась в Архангельске, с 1838 года – один раз в неделю, с 1867 года – два раза в неделю. В ней описывалась информация и о Кольском крае. В Кузомени газета выписывалась волостным правлением, чиновниками и деловыми людьми. В начале XX века значительно увеличилось число подписчиков на газеты и журналы. В 1902 году на Терский берег, только через Кузоменское почтово-телеграфное отделение поступило 90 изданий, при том, что двадцать лет до этого (в 1880 году) на всю Лапландию приходилось 44 подписных издания. На волостное правление приходила газета «Русское чтение», за нее в 1905 году было уплачено 2 р. 65 коп.

1 ноября 1932 года на Терском берегу была создана местная официальная газета «Беломорская волна». За время своего существования она поменяла несколько названий – «Терский коммунист», «Терский берег». На страницах районной газеты публиковались материалы, рассказывающие о разнообразной жизни терчан, подводились итоги деятельности колхозов, лесной, рыбообрабатывающей и местной промышленности.

В разное время библиотекарями работали: Богданова Анастасия, Кожина Мария Михайловна, Заборщикова Тамара Павловна, Золотарева Нина, Богданова Валентина Александровна.

В настоящее время, несмотря на все трудности, библиотека работает. В ней множество прекрасной и разнообразной литературы, в том числе, про родной край. Книги не только отечественных авторов, но и зарубежных. Немало интересных журналов и газет. Всем этим богатством заведует Карышева Ольга Николаевна.

2.2.5 Пекарня

В районной газете «Терский берег» от 25 июля 2008 года Ю. Желтобрюхов рассказывает о последних днях работы пекарни. «Кузоменская пекарня находится на краю села, в старом доме. Не знал бы – и не отличил его от жилого дома. Около пекарни я встретил её работников – Альвину Васильевну и её мужа Михаила. Познакомились. Зашли в дом.

Там нас встретили тёплая русская печка и прекрасный, ни с чем не сравнимый запах хлеба. Немного подождав, стали доставать хлеб. Сегодня напекли 30 буханок. Вкусный, ароматный, не сравнить с умбским!

– В чём секрет вкуса и долгого срока хранения вашего хлеба?

– Секретов нет, труд ручной да печка русская на дровах. А рецепт прост – соль, дрожжи, вода и мука. Больше никаких добавок. Воду берем из колодца. А у вас в Умбе хлорированная, вот и разваливается хлеб на второй день. Похожая пекарня осталась только в Чапоме. Была такая же пекарня в Варзуге, её закрыли. Вот и нашу закроют, как последняя мука кончится.

Альвина Васильевна работает на пекарне с 1980 года. Опыт перенимала от предыдущих пекарей. Тогда пекли по 100 буханок, хлеб был и пшеничный, и ржаной. Хлеб получается нестандартный – буханки большие, весом в среднем 1,2 кг. Килограмм кузоменского хлеба стоит 28 рублей. Буханка «рыбкооповского» хлеба весит 650 грамм и стоит 21 рубль. Получается, что в Умбе хлеб дороже, чем в Кузомени. Только что выпеченный хлеб долго держит тепло и даже плавит полиэтиленовые пакеты, поэтому за хлебом идут с авоськами.

Фролова Клавдия Антоновна

Шёл домой по песчаным Кузоменским улицам, крепко держа в руках горячую буханку. Шёл и думал: насколько повезло мне, что попробовал этот хлеб. Жаль только, что в первый и последний раз».

Слова искренней благодарности кузомляне выражают своим пекарям, кто с такой любовью выпекал самый вкусный и ароматный хлеб на свете: Фроловой Клавдии Антоновне, Волкову Ивану, Богдановой Фекле Кировне, Кашаповой Любови Авивовне, Двининой Альвине Васильевне.

2.2.6 Почта. Авиация

В 1871 году было учреждено первое в России пассажирское морское предприятие – Товарищество Беломорско-Мурманского срочного пароходства. Помимо доставки людей и грузов, корабли обеспечивали почтовое сообщение. Движение судов открылось по двум линиям. Первая от Архангельска до Варде, вторая – из Архангельска к селениям Беломорья: Кандалакше, Кузомени, Онеге, Соловкам и другим. В первые рейсы отправились «Великий князь Алексей» и «Качалов» – небольшие тихоходные суда.

В 1872 года в документах Кузоменского сельского управления встречается опись «О порядке отправления и приема почты на пароход «Качалов»[44].

В 1891 году поступили предписания губернских и уездных органов об открытии почтово-телеграфного отделения в селе Кузомень. Первым начальником почтово-телеграфного отделения в Кузомени был Иванов Александр Иванович с 1894 года.

Копия из Приговора[45]

27 января 1894 года сельский сход Кузоменского общества и волости слушали предписание сельского старосты Тарабуева о том, что для крестьян Терского берега необходимо иметь почтовую станцию с приемом и выдачей всякого рода корреспонден-

[44] Фонд Ф-4И, дело Д-1

[45] Фонд Ф-1И, дело 31

ции, но для этого требуется внести единовременно деньги за три года вперед в размере 144 рублей и кроме того отвести для станции помещение, освещать и отапливать его тоже в течении трех лет. Постановили: отдать безвозмездно две свободные комнаты, имеющиеся при Кузоменском училище с освещением и отоплением в течение трех лет, а ныне помещение это привести в порядок, то есть в угловой комнате накаты перебрать, печку поправить, сделать перегородки и устроить кладовую на вышке для учителя и смотрителя.

Список лиц, предоставивших взносы на устройство в Кузомени почтового учреждения:

Я.С. Заборщиков – 5 руб., А.Т. Богданов – 2 р., Д. Богданов – 2 р., Ф.А. Тюттерин – 2 р., И. Двинин – 1 р., Я. Абросимов – 3 р., П. Корехов – 1 р., В. Кирилловский – 2 р., С. Андронов – 1 р., Е. Абакумов – 1 р., Ф. Богданов – 1 р., И.З. Тюттерин – 1 р., П. Двинин – 5 р., Н. Тюттерин – 1 р., С. Тарабуев – 1 р., Ф. Богданов – 1 р., Я.С. Богданов – 1 р., С. Тюттерин – 1 р., священник Кузоменского прихода Алексей Синцов – 5 р., Ф. Плотников – 3 р., Алексей Петрович Заборщиков – 5 р., Благочинный 2-го Кольского благочиния священник Михаил Истомин – 5 р., священник И. Подосенов – 1 р., Ф.Д. Мошников – 1 р., вдова Мария Осиповна Мошникова – 70 коп., Тетринская волость – 36 руб., Понойская волость – 42 руб.

В 1902 году была проложена телеграфная линия Кандалакша-Умбский лесозавод, которую в 1906-1907 годах продлили до Кузомени. На Терский берег через Кузоменское почтовое отделение поступало до 90 подписных изданий.

В 20-е годы значительно возрос приток корреспонденции в отдаленные села, и почтовый работник Кривошеин Филипп Михайлович предложил ввести кольцевой ход почты на маршруте Кандалакша-Чапома, приобрести почтовый мотобот для своевременной доставки почтовых отправлений в отдаленные села. Кузоменская волость имела сообщение с Мурманском только в летнее время по морю.

Общим собранием было постановлено делать однопроцентные отчисления, вплоть до 1 января 1924 года, для целей организации доставки почты воздушным транспортом. Работниками связи Кузомени было собрано 330 рублей в пользу воздушного флота. Жители отдаленных сел хорошо помнят, что еще в 30-х годах эта идея была осуществлена, и почта долгое время очень быстро доставлялась, как тогда говорили, в глубинку.

В 1933 году на Кольском полуострове появился первый самолет Ш-2. Это был маленький фанерный двухместный гидросамолет, называемый в народе «Шаврушка» или летающая лодка. Мог находиться в воздухе 6 часов. Летом самолет-лодка садился на воду, а зимой на ледовую поверхность. Самолет мог взять на борт трех человек: летчика и 2-х пассажиров, один из которых располагался в кабине рядом с летчиком, а второй – лежа на дне лодки. Отважная кузомлянка Конева Лариса Ивановна была пассажиркой этой «шаврушки» и рассказывала о незабываемых впечатлениях от полета в летающей лодке.

Старшим пилотом «шаврушки» был восемнадцатилетний Овчинников Пантелей Карпович, но все его звали Павлом, родом он был с Кубани.

Кривошеина Жанна Филипповна, младшая дочь Ф. Кривошеина, хорошо помнит, как в Кузомень прилетел первый самолет, который привез почту и взял пассажиров. Весной 1934 года Овчинников впервые приводнил самолет на реку у Кузомени, привез секретаря окружкома Абрамова. Подивиться аэроплану сбежалось все село. Павлу пришлось рассказывать поморам о себе, о самолете, как и почему он летает. Пока секретарь окружкома решал производственные дела, Павел в сопровождении толпы мальчишек осматривал село. Между селом и морем среди огромных наносов песка стояли две церкви.

Улетая из Кузомени, секретарь окружкома обещал местным жителям помочь наладить регулярные рейсы на Терский берег. Овчинников был согласен на такие полеты. В 1934 году было решено организовать местное воздушное сообщение по линии Умба-Кузомень.

В 1934 году П.К. Овчинников спас попавших в беду, унесенных в открытое море Чапомских зверобоев. Первые почтово-пассажирские рейсы на самолетах Ш-2 стали выполняться на Кольском полуострове летом 1937 года на линии Апатиты-Умба-Кузомень-Апатиты. Для Павла было привычным делом доставлять на самолете почту в Умбу и Кузомень; рыбаков – на тони; лесорубов – на лесоучастки; самолетом же вывозили с побережья и семгу. Не было на Терской земле населенного пункта, где не знали бы Павла Овчинникова. Любили его терчане за простоту, открытость, легкость нрава, готовность прийти на помощь.

17 июля 1941 года, выполняя задание штаба Северного флота (вез срочный пакет), П.К. Овчинников был сбит немецким «Мессершмиттом» между поселком Мурмаши и станцией Магнетиты. В 1966 году к юбилею П.К. Овчинникова его память была увековечена – произвели перезахоронение останков из сопки, где он был сбит, на воинское кладбище в Мурмашах.

В сентябре 1939 года в аэропорту села Кузомень была установлена радиостанция, что положительно сказалось на регулярности рейсов. Взлетно-посадочной полосой в Кузомени служила река Варзуга. Под вокзал арендовали добротный жилой дом, в котором размещалась комната для пассажиров, комната для отдыха экипажа (пилотов). Находился аэровокзал за селом в сторону Устья (сейчас остались цементные конструкции на берегу напротив почты). Затем дом был перевезен на место, где долгие годы находился магазин «Сельмаг», а в настоящее время – школа.

В 1940 году начальником аэропорта села Кузомень был Платонов И.В. В первые послевоенные годы из периферийных аэропортов на Кольском полуострове функционировало всего три – в Умбе, Кузомени и Краснощелье[46]. В 1952 году авиаторы Кольского полуострова получили первый самолет Ан-2, конструктора Антонова. Ан-2 брал на борт 10, а позднее 12 пассажиров. В отличии от самолета Ш-2, садившегося на воду, для Ан-2 требовались аэродромы с хорошим грунтовым покрытием.

Несколько десятков лет в Кузомени действовал аэропорт, принимавший самолеты Ан-2 зимой и летом. Летное поле было устроено на песчаном грунте и постоянно разбивалось самолетом. Нередко аэродром закрывали и выравнивали площадку с помощью трактора. Из всего самолетного парка мировой воздушной техники, лишь один выносливый трудяга Ан-2 был как-то способен садиться и взлетать с этой сложной песчаной площадки, которую лишь условно можно было назвать аэродромом. Не всегда это обходилось благополучно для техники. Были случаи, когда машина буквально врезалась пропеллером в песок. К счастью, все обходилось благополучно для жизни пассажиров и пилотов.

[46] http://nick-k56.livejournal.com/186613.html

Долгое время начальником аэропорта был Козлов. Его дом, где располагалась диспетчерская, стоял в центре села (бывший дом Кирилловских). Над домом возвышалась антенна, как радиомаяк.

Продолжительный срок пост начальника авиаплощадки занимал Тюттерин Павел Филиппович. В разные времена на этой должности работали Корехов Александр Петрович, Панкратов Николай Антонович, Кожин Аркадий Захарович, Лешуков Александр Николаевич, Ежова (Карпова) Луиза Николаевна, Кашапова Любовь Авивовна.

В то время на Терской авиалинии летали замечательнейшие, опытнейшие летчики, любимые всеми терчанами: Калабушкин Дмитрий Евтеевич – пилот, ветеран, работать начал на Ш-2, а затем на Ан-2; Акимушкин Иван Данилович – командир самолета (летавший по Терскому берегу с 1980 года).

Первый вертолет прилетел в Кузомень в мае месяце 1956 года (сел за школой).

Долгие годы добросовестно трудились почтовые работники: Двинина Нина Мануиловна, Логинова Миля Павловна, Олейник Татьяна Федоровна; на телеграфе – Лешукова Галина Дмитриевна, Тарзанова Мария; связисты – Пономарев Михаил Михайлович, Плотников Николай Федорович, Логинов Николай, начальник почты – Талых Алексей Васильевич.

В 2011 году почтовое отделение села Кузомень было закрыто.

2.2.7 Лесничество и земледелие

В описи документов Кузоменского сельского управления, сданных в архив кузоменского волостного правления, в фонде №4, есть запись от 21 января 1869 года «*О требовании господином лесничим денег на наем ему квартиры*». 19 февраля 1870 года «*Об определении в Кузоменскую волость лесного объездчика и сбор денег на наем ему квартиры*». Эту дату по праву можно считать годом образование нового учреждения – лесничества.

Билет на рубку леса Архангельской губернии Керетского лесничества Варзугской дачи №85 от 3 сентября 1902 года[47]

Дозволено на основании предписания управления Государственного Имущества от 24 июля сего года № 3986 крестьянам Кузоменского общества для 145 дворов на домашние надобности в 1903 году заготовить в урочищах по рекам Кица и Варзуга со складкою в с. Кузомени на острове Ловецком:

Бревен сосны и ели 1015 (40 руб. 60 коп.)
Дров куб. сан. 580 (20 руб. 30 коп.)
Жердей 2900 (3 руб. 63 коп.)
Колья 4350 (- 65 коп.)
Хвороста 145 (1 руб. 45 коп.)
Итого: 66 руб. 63 коп.

Лесничий Васильев

В 1890 году была предпринята первая попытка озеленения песков в районе села Кузомень – на опыты были закуплены 3 деревца ивы общей стоимостью 2 руб.

1893 год[48].
Слушали предписание г. Председателя Кольского Уездного Распорядительного Комитета от 23 января 1893 года за №33 о сдаче подряда на вырубку и вывоз 436 бревен к месту работы по исправлению дорожного участка на Кемско-Кольском тракте.

Лесничий Керетского лесничества Васильев (работал в 1895-1902 годы) выписывал билеты на рубку леса в Варзугской даче с 1896 по 1903 годы. Лесничий Н. Коренев Умбского лесничества выписывал билеты на рубку леса в Варзугской даче с 1907 по 1909 годы. Объездчиком Умбского лесничества в 1905-1914 годы был Плотников Федор Андреевич.

Когда-то богатое село Кузомень принимало большие суда, и швартовались они тут же, у села, в реке. Она была глубока, и морские суда в нее свободно входили. Сейчас же река сильно обмелела и скоро ее можно будет перейти вброд.

Если в ветреную погоду постоять в песках, то увидишь, как потихоньку сдувается и струится над землей тонкий песчаный поток. Вот эти-то тоненькие струйки медленно, но верно засыпают реку. Пострадало от песка не только судоходство. Страдает и царская рыба – семга.

В устье реки, в навеянном песке образуются большие заморные ямы. Попадая в них, семга гибнет. Усложнился и ее проход в обмелевшем и полузасыпанном устье. Да и на подходах к нему, уже в море, в вынесенных рекой песчаных наносах тюленям стало легче и проще здесь подкарауливать семгу. Здесь много ее гибнет в их острых зубах. А ведь когда-то река Варзуга была одной из самых семужных рек всего Кольского полуострова.

[47] Фонд Ф-4И, дело 14
[48] Фонд Ф-1, дело Д-29

Добыча семги в реке составляла шестую часть союзного лова. Это, однако, несравнимо меньше, чем в довоенное время. Ихтиологи считают, что Варзугское семужье стадо уникальное, молодое и практически не подвергается вылову Норвегией при нагуле семги в Норвежском море[49].

Кузоменские пески[50].

Удивительное это все-таки место, Кузомень...

Здесь все красиво и притягательно. И то, что дала природа, и даже то, что исказило ее первозданные черты. Своеобразная крошечная пустыня пришла к студеному морю, став бедой, проблемой. Оказывается, место, которое в наши дни представляет собой песчаную пустыню с гуляющими по дюнам ветрами, в свое время славилось хвойными лесами. Это своего рода памятник неразумному и небрежному подходу человека к природе. За несколько десятков лет мы сумели разрушить то, что создавалось веками.

Леса в окрестностях старинного села отступали от него постепенно. По мнению ученых, Кузоменским пескам более полутора сотни лет.

– Главный фактор их образования – бессистемный выпас скота. В свое время Кузомень была большим селом, и у каждого хозяина имелся скот. Здесь было много коров, овец, оленей. Прогон животных приводил к разрушению надпочвенного покрова,– рассказывает старший научный сотрудник Полярно-альпийского ботанического сада-института Лерий Казаков.– Свою роль сыграл и лесной пожар. О том, что он случился, можно судить по обгорелым пням. Началось усыхание сосен. А завершила все рубка деревьев. Хотя она и не была главной причиной...

Песчаные владения подступили к жилью человека вплотную. А ведь еще в начале прошлого века вблизи Кузомени водную стихию реки и моря дополняли небольшие озерца, в которых люди ловили рыбу. Озер тех не осталось и в помине. А в деревне, насчитывавшей когда-то шесть, осталось всего два порядка домов, зажатых песками на мысу между рекою и морем.

В сентябре 1894 года на Белом море были зафиксированы сильные бури, когда погибло 25 судов. В 1902 году Кузоменская метеостанция зарегистрировала осенью за октябрь-ноябрь 24 дня с силой ветра свыше 15 метров в секунду, а ведь уже при 5 метрах в секунду Кузоменские пески приходят в движение. В 1910 году в окрестностях села стояли одни пни и занесенные большие песчаные холмы, а люди, идущие с тоней в село, легко в них блуждали.

Из рассказа Богдановой Анастасии («Ромашихи»): «*В 40-е годы работала библиотекарем в селе Кузомень. Приходилось разносить книги по тоням. Однажды в осенний*

[49] Из путевых заметок кандидата биологических наук И.П. Бреслиной
[50] Терский берег. №35 от 31. 08.2007г.

день, обойдя несколько тонь, собралась идти домой. Мужики начали отговаривать: «Погода начинается – пережди». Но дело было к вечеру, а дома ждали маленькие дети (Римма, Юра, Слава), я и пошла. Тогда от моря до села стояли высокие песчаные бугры. Иду, а погода вовсю разгулялась: ветер, дождь со снегом, темно. Плутала, плутала между бугров и заблудилась. Присела за один и стала вслушиваться в шум моря, на него и пошла. Так и дошла до тони, пришлось переждать погоду».

Впоследствии песок с холмов снесло в реку.

При первом взгляде на Кузоменские пески кажется, что они почти полностью лишены растительности. Хорошо заметны лишь высокие стебли песчаного овса, растущего на высоких буграх. Так называют самое распространенное и крупное злаковое растение, колосняк песчаный, хорошо известное местным жителям тем, что из него изготавливают прекрасные метелки. Но песчаный овес песок не остановит.

Попытки по закреплению песков предпринимались в 20-е; 30-е годы XX века, до и после Великой Отечественной войны, но они не дали положительных результатов.

В 1924 году мелиоратор Кутьков Владимир Фомич с помощью кузоменских парнишек высадил 500 молодых сосенок и черенков местной ивы (селеги). Посадки огородили. По весне большая часть растений прижилась прекрасно. Но вот напасть! Овцы! Целая деревенская отара изглодала иву, вытоптала молодые сосенки. Прясло огородное – у кого-то из кузомлян рука поднялась – отодвинуто, вот овцы и ринулись на зелень.

В 1930 году весной, с южной стороны села, откуда шли пески, начали строительство изгороди, которая по замыслу селян должна была остановить движение барханов. Она строилась из жердей и была высотой более 2-х метров, образовывала почти сплошную стену, являющуюся механической преградой. В первое же лето изгородь начала быстро накапливать песок, образуя длинный вал, и в село песок первый год не поступал. Через два сезона песок пошел через край изгороди, и накопившиеся запасы понесло на дома и улицы.

Перед войной построили еще одну преграду на пути песков – почти сплошной деревянный забор, протянувшийся от правого берега реки до берега моря примерно на километр. Эта постройка в полузасыпанном виде сохранилась до настоящего времени, но она тоже не предотвратила движение песков. Неоднократные попытки обуздать подвиж-

ные пески предпринимали и местные жители: устанавливали изгороди, высаживали деревья и кустарники, сеяли траву.

Пионером в озеленении села был Плотников Федор Андреевич, лесной объездчик. Он сто лет тому назад посадил на своем огороде единственное дерево на все село – рябину, которая каждый год радует своим пышным цветением.

После открытия новой средней школы в Кузомени в 1954 году увеличилось число учащихся, работал большой коллектив педагогов. Среди них нашлись энтузиасты, которые с помощью школьников пытались создать зеленые оазисы вокруг школы и это им удалось. Бытовала хорошая традиция: каждый год 1 сентября, первоклассник и десятиклассник высаживали у школы, на линейке, общий саженец березы или рябины. Особенно большие работы по озеленению села были сделаны в ту пору, когда директором школы была Богданова Анна Александровна. Эти посадки в удовлетворительном состоянии сохранились до настоящего времени, хотя школа давно разобрана, нет и ограды. В несколько лучшем состоянии сохранилась зелень вокруг больницы.

В 1967-1968 годах силами учеников Кузоменской школы на большой территории вдоль берега моря были посажены черенки ивы. Выпускники 1969 года внесли свою лепту в озеленение окрестностей села: в июне 1967 года, под руководством лесничего Одегова Вячеслава, школьники проводили посадку сосны в лунки на боровинках (5 километров от села на запад, в сторону леса). Сейчас, спустя 40 лет, из этих семян выросла зеленая стена сосен, под которыми местные собирают грибы и ягоды.

Частично зыбучего противника уже остановили – выживать деревья он перестал. В середине 80-х годов сотрудники Полярно-альпийского ботанического сада г. Кировска посадили в пески первые сосенки. К настоящему времени они вознесли свои пушистые кроны до четрех- пятиметровой высоты. Это уже взрослые деревья, дающие деток – шишки.

Сейчас у Кузоменских песков отвоевано более 70 гектаров. Всем этим руководил инженер лесного хозяйства – Геннадий Власович Вишняков, закончивший Лесотехническую академию. Защитив кандидатскую диссертацию, он остался в Кузомени и стал лесничим Варзугского лесничества. Вот уже почти четверть века занимается он проблемой залужения Кузоменских песков.

В 2008 году Умбское ГОУДРСП приступило к укреплению берегов реки Варзуги. Весной из болота, которое находится неподалеку от Кузомени, вывезли 17 тыс. кубометров торфа. Летом приступили к его разравниванию и дискованию (перемешиванию с песком). Торф уложили в районе песчаной косы (выше Кузомени вверх по течению). Длина полосы торфа – 4 км., ширина – 50 метров. Также положили торф в районе сельского кладбища. Осенью его засеяли многолетней травой – колосняком и высадили саженцы сосен. В 2009 году установили деревянный двойной забор, который не даст пескам завеять торфяную полосу.

Земледелие.

До революции земледелия на Терском берегу не было. Бесплодной считалась земля. Население страдало из-за отсутствия овощей. В зимние месяцы, ближе к весне, свирепствовала цинга. Осенью архангельские купцы привозили терчанам картофель и свежую капусту, продавали втридорога, но покупали у них мало из-за дороговизны. В 1898 году в Варзуге был единственный огород у дома священника.

Лишь с установлением Советской власти на Терском берегу появилась новая отрасль сельского хозяйства – земледелие. Из воспоминаний Панкратова Николая Антоновича:

«*В 1924 году моя мать из Архангельска привезла семена, по объему не больше глиняной крынки. Картофелины – что бобы, может, чуть покрупнее. Ими первый раз и засадили огород. Время было голодное. Многие рыбаки, оставив промыслы, подавались в Кандалакшу, на Мурман, чтобы прокормить семьи. Но больше на берегу жило крепких мужиков. Крепких не карманом, а волей своей и характером. Дескать, где деды наши родились да в землю ушли, там и останемся*»

В Кузомень приезжали ученые. Объяснили жителям села, что погубит песок не только все живое, но и реку-кормилицу. Мужики задумались. Вот так и повелось с той поры: осенью волоснец сеют, а весной его скотина съедает... Изменилось все с организацией коммуны (первой и последней на Терском берегу).

Кузомень стала районным центром, а первым агрономом района – Гарин. Вот при нем-то и занялись жители села непривычным для себя делом – выращиванием картошки. Вся деревня, казалось, была разбита на экспериментальные участки. Кто из кузомлян посмелее да полюбопытнее – пристрастился на огороде не только картошку сажать, но и другие культуры пробовать. Благо, агроном навез семян всевозможных и никому не отказывал. Надо было приучать северян к огородничеству.

На колхозных полях сеяли овес, сажали картофель. Для этого за рекой разработали поля. В середине 30-х годов пригнали в село первый трактор. Сели на него молодые ребята Леша и Петя Заборщиковы. Потом подалась в трактористки Нина Двинина. Урожай картофеля собирали до 300 центнеров с гектара, а уж 180-200 стабильно, даже в неурожайные годы. Позже стали выращивать капусту, брюкву, свеклу, морковь, а в парниках – огурцы[51].

[51] «Терский коммунист» №50 21.04.1987 г. М. Карвонен

2.3 Кузоменский приход

Сооружение церквей и часовен считалось для жителей села делом богоугодным. Народные умельцы рубили церкви в привычных, традиционных формах, «своим умыслом». Строительство церквей – места общения с Богом – поручалось самым искусным мастерам. Ремесло передавалось из рук в руки: от отца к сыну, от мастера к ученику. Неслучайно церкви и колокольни являются замечательными образчиками народного деревянного зодчества.

Крестьянами села Кузомень в 1782 году была построена главная церковь села – Дмитриевская (во имя великомученика Дмитрия Солунского). В 1838 году она сгорела, а в 1844-1845 годах была восстановлена.

В 1856 году Терский берег посетил писатель Максимов С.В., чтобы обследовать поморские становища и лопарские погосты побережья. Понойский погост имел уже деревянную церковь Петра и Павла. Однако лопари мало посещали ее.

Путешественник замечал – саамы не соблюдают постов, употребляя круглый год куропаток и наивно оправдываясь тем, что куропатка – летучая рыба. Новорожденный ребенок иногда остается у них без крещения, редкий из взрослых знает какую-нибудь молитву.

Максимов был поражен отсутствием среди жителей Терского берега грамотных людей, хотя лопари относительно понятно общались по-русски. Путешественник проехал все селения Терского берега. Речку Пялицу, половина которой относилась лопарям, а другой половиной ведали Варзужане. Оставил позади Устье, Варзугу, невидимую среди песчаных дюн Кузомень. Шняка миновала Кашкаранцы, Оленицу, Сальницу, Кузреку – маленькую в 10 дворов, грязную деревушку, в двух десятках верст от которой затерялся в лесах единственный в этой местности саамский погост.

До 1861 года кузомляне были прихожанами Варзугского прихода. Все метрические книги, в которых регистрировались рождение, бракосочетание, кончина – хранились в Успенской и Петропавловской церквях села Варзуги, и только с 1861 года Кузоменский приход стал самостоятельным.

После того, как старая церковь обветшала, в 1884 году была построена из крупных бревен новая, третья – пятиглавая (шатрами) Дмитриевская церковь на каменном фундаменте из плитняка. Храм был построен с тремя престолами: главный (средний) в честь великомученика Дмитрия Солунского, южный – во имя Всемилостивого Спаса Христова, северный – в честь благоверного и великого князя Александра Невского. Храм был освящен в 1887 году в память мученической кончины императора Александра II.

Кузоменская Дмитриевская церковь

Размеры: длина – 25,6 метров,
ширина – 17,1
высота – 25,6.

Внутри стояли 16 опорных колонн. Шатры были покрыты железом, а главы – медью, резные железные кресты – кроном. Главный иконостас состоял из 2 ярусов, был покрыт резьбой и позолотой. Здесь были иконы святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, апостола Иоанна Богослова, святителя Николая Чудотворца, Великомученика Георгия Победоносца, Сергея Радонежского... всего 23 иконы.

Дмитриевская церковь являлась главным храмом Терского берега. Храм был холодный. Зимой богослужение проходило в теплой одноглавой Сретенской церкви, построенной в 1863 году на средства кузомлян. Обе церкви были прочны, выкрашены в белый цвет, «утварью и ризницей достаточны». В Дмитриевской церкви имелась бархатная плащаница с изображением Иисуса Христа.

Слева направо: Дмитриевская церковь, Сретенская церковь, колокольня, 1902 год

Именно про Дмитриевскую церковь пишет чиновник по крестьянским делам Макшеев Н.Н., побывавший в Кузомени в 1892 году: «*Общество в Кузомени настолько богато, что могло построить на свой счет новую церковь, которая обошлась в 18000 рублей, не прибегая ни к мирским сборам, ни к пособию от правительства*».

Икона Николая-чудотворца

Особенно любимым святым для северян был Николай-чудотворец. Его называли и Никола, и почтительно – святой Николай. В редком доме не имелось иконы с его изображением. По народным поверьям, Никола оберегал старых и малых, в лесу и на воде, в бою и в труде. Не зря существовала такая поговорка: «От Колмогор до Колы 33 Николы».

В 1932 году Сретенскую церковь закрыла Заборщикова Мария Петровна, которая в то время замещала председателя парткома. Затем там находился клуб, проводились развлекательные и общественные мероприятия: собрания, танцы, прием в пионеры.

В годы советской власти из нее будет построена двух этажная средняя школа, в которой обучались дети со всего Терского побережья. Но во время перестройки по указу председателя колхоза «Всходы коммунизма» Калюжного В.М. ее разберут и увезут в Варзугу.

В 1861 году на Устье из часовни на средства кузомлянина Заборщикова Семена Петровича была построена церковь Покрова Пресвятой Богородицы. К 1902 году она обветшала и Кузоменское общество постановило построить новую.

Покровская приписная церковь была построена на средства прихожан на Устье реки Варзуги при впадении ее в Белое море, на левом берегу. Здание деревянное, одноэтажное, холодное, с колокольней над папертью. Построена частично на каменном фундаменте под углами. Но участь ее была печальной: перед самой Великой Отечественной войной, в 1939 году, она сгорела, не тронув ни одного строения.

В 1903 году на берегу моря, близ остановки пароходов, была построена часовня во имя Соловецких чудотворцев Зосима и Савватия – встречала и провожала на промысел поморов.

2.3.1 Колокольня

Возле двух церквей стояла колокольня. Колокола были: 63 пуда, три по 15 пудов и пять по 10 пудов. Колокольня стояла отдельно, высокая, с деревянной винтовой лестницей. Звонарем на колокольне служил дед Богдановой Нины Павловны – Богданов Иван Сергеевич.

Колокольный звон играл в жизни людей немаловажную роль. Он приглашал их на молитву, сопровождал народные празднества. Он выполнял и чисто житейскую службу: созывал людей на тушение пожара, предупреждал их об опасности нападения врага, оповещал о чтении царских грамот и указов, помогал найти путь к селению заблудившимся в лесу.

В зависимости от обстоятельств, колокол мог звонить и радостно, и торжественно, и тревожно, и грустно. Разносясь по окрестностям, он достигал одиноких промысловых избушек, рыбацких тонь и сенокосов, создавал определенное общественное настроение.

2.3.2 Притч[52] Кузоменского прихода

Первым священником Кузоменской Дмитриевской церкви с 1861 по 1875 годы был Орлов Григорий Федотович (1827-1875 годы) Умер в 48 лет от туберкулеза.

Священник Синцов Алексей Иоаннович (1850 год), сын дьячка, закончил среднее отделение Архангельской семинарии. На службе в должности сельского учителя с 15 октября 1869 по 1880 годы. В должности псаломщика с 30 декабря 1872 года, а в должности священника с 24 июня 1880 года. Имел семью: жена Александра Васильевна[53], сын Назарий[54], внучка Анна (1899-1915 годы).

В 1910 году в должности священника 2-го благочиния служит Перовский Василий Дмитриевич. Он был женат на Александре Протасовне, имел сына Олега (1910 г.р.).

В годы великих перемен в 1917 году в должности священника служил Либеров Алексей.

С 1861 по 1864 год дьяконом в церкви служил Титов.

С 1864 года эту должность занимал Плотников Василий Иванович (1842 г.р.). Имел семью: жена Анфиса Ильинична (дочь священника Митрофанова Ильи Осиповича из Варзуги) и 4 детей.

С 1890 года псаломщиком, затем дьяконом служил Резанов Алексей Феофилактович, у него были дети: дочь Александра и сын Василий.

С 1895 года должность псаломщика занимал священник Подосенов Иннокентий Яковлевич, уволенный из низшего отделения Архангельской семинарии.

В 1901 году псаломщиком был Зуев Василий.

В 1903 году псаломщиком стал Бриский Никандр Семенович.

В 1917 году псаломщик – Воюшин Григорий.

Владения и имущество притча на 1896 год[55]:

Притч (священник и псаломщик) владеет тремя сенокосными пожнями, с которых снимается до 40 пудов сена на сумму в 24 рубля. Получают жалованья – священник 140 руб. и псаломщик 50 руб. и дохода до 800 руб. Из двух причтовых домов священнический устроен в 1895 г., а псаломщика очень ветх, как построенный еще до открытия прихода, то есть до 1861 г.

---

[52] Священник и псаломщик
[53] Крестная Плотникову Михаилу Федоровичу
[54] Крестный Плотникову Николаю Федоровичу
[55] Клирские ведомости за 1895 год

2.3.3 Богоугодное дело

В приходно-расходной книге Петропавловского прихода села Варзуги за 1775 год сказано: *крестьяне Тимофей Котлов с товарищами, придя со зверобойного торосового промысла, «доброхотно» дали 48 руб. 11 коп.; крестьяне Яков Тарабуев с товарищами – 39 руб. 06 коп*. Сооружение церквей и часовен считалось делом богоугодным для жителей Кузомени. На средства селян были построены Покровская, Сретенская и Дмитриевская церкви.

В 1861 году кузомлянин Семен Заборщиков перестроил на свои средства часовню в Покровскую церковь на Устье. Другой кузомлянин, Заборщиков Алексей Петрович, на свои средства построил в Поное церковь в честь Животворящего Креста Господня. Она была освящена 19 ноября 1871 года священником Кузоменского прихода Григорием Орловым. Также Алексей Петрович построил три приписные церкви: одну в Лумбовке в 1883 году, другую – в Иоканьге в 1891 году, третью – в 1898 году в Сосновке. Все эти церкви были воздвигнуты для лопарей и приписаны к Понойскому приходу[56].

Во второй половине XIX века не имевшая фундамента Успенская церковь стала клониться в южную сторону. Известный в Поморье кузомлянин Заборщиков Алексей Петрович взялся за свой счет выправить здание. Нанятые им люди попытались поднять южную сторону церкви и подвести под нее опору, однако выпрямить здание таким путем не удалось. Тогда с северной стороны из-под церкви вынули некоторое количество земли, и здание, осев немного на север, снова приняло вертикальное положение.

2.3.4 Обетники

Издавна сложилась характерная традиция северорусского населения – уход на работу в Соловецкий монастырь «по обещанию»: *...а приходят по своему обещанию... а иные от бедности для прокормления из наймов... и теми пришлыми людьми Соловецкий монастырь и Сумской острог строился*[57].

В XIX- начале XX века в обетники шли в основном молодые люди, в среднем в возрасте от 16 до 20 лет. Обет уйти на Соловки мог быть вызван различными причинами: особой религиозностью семьи, в которой из поколения в поколение уходили поработать «на преподобных Зосиму и Савватия», благодарностью за собственное выздоровление или кого-либо из близких, за спасение отца, брата во время опасных промыслов и т.д.

В бедных, многодетных семьях, как правило, истинной причиной обета была возможность отправки на один-три года подростков для прокорма: обетники ничего не получали за свою работу, кроме пищи, одежды и жилья.

2.3.5 Христианские праздники на Терском берегу

2.3.5.1 Празднование Рождества Христова

К нему готовились с великими заботами. Ему предшествовал шестинедельный пост. В Рождество славили Христа. В первый день утром дети ходили целой толпой славить, пели «Христос рождается». Им подавали козули[58], пряники, печенье, конфеты. Самым близким – тетер из белого теста. А старикам безродным – шаньги. На второй день юноши ходили со звездой и фонарем, говорили: «Разрешите, хозяин с хозяюшкой, Христа славить». Их одаривали деньгами. С Рождества на второй день (8 января) до Крещения (19 января) ходили шелюхины. Кто шубу оденет, а кто сарафан. Лицо закрывали платком. Говорили: «Тю-тю-тю». Попляшут, попляшут и пойдут обратно. Рядились по-всякому, даже медведем. Один мужик на бабушке в клуб приехал. Ягель в сани наложил, рога ей

[56] Приложение Архангельских Епархиальных Ведомостей 1896 год

[57] Грамота 1851 года

[58] Маленькие фигурки оленей, бычков, птичек, которые, по преданиям, приносят в поморские дома счастье, любовь и радость

привязал, запряг и поехал. Шелюхиным обычно ничего не давали. Славить ходили с кулечком, взрослые с решетом, фонарем. Когда славили, молитву читали, кто шаньги подаст, кто рубль.

В посту до Крещения гадали: пололи снежок, ходили на развилку дорог, смотрели в стакан и обручальное кольцо. Мужчины тоже гадали. Ходили к церкви и слушали у замка, у проруби (на удачу на торосе).

19 января в Крещенье делали на реке ердан (искаженное-ИОРДАН), святили воду, а кто давал обет – купались.

В Заговенье женщины устраивали посиделки с рукоделием. В Масленицу молодые мужья катали своих жен, а парни – девушек на оленях. Пекли блины, устраивали угощения, гуляния. В это время играли свадьбы.

2.3.5.2 Великий пост

Пост, по Далю, есть воздержание от скоромной пищи и суетных наслаждений. Пост длится 50 дней. Как напоминание о страданиях Христа, этот пост предшествует светлому празднику Пасхи. Весь пост говели – постничали. Кто на какой неделе говел, как пожелает. Не ели ничего скоромного и мясного. В первый день Великого поста селяне ничего не ели и не пили. Будничная постная пища состояла из печеного (хлебного), но без примесей творога и молока (а яиц у поморов и вовсе не было), редьки с квасом, блюд из репы (репы пареной, репников, парников, мякины). Тертую редьку и репу разводили хлебным квасом, получая захлебку. Ели солодягу, заваривая кипятком муку с солодом. Из солодяги, разведенной пожиже хлебным квасом, делали заварно и хлебали ложками. В разных видах употребляли запасенные с осени грибы, кулебяки из ржаной муки с белой рыбой. Пили чай с ягодниками, шаньгами, мазанными растительным маслом. Доедали ягоды: бруснику, воронику, морошку. В праздники во время поста варили кисели манный и ягодный. Причем первый прихлебывали вторым. Манный кисель и сладкой водой захлебывали. Морошку заливали сахарной водой и также хлебали.

В праздники, выпавшие на пост, например «Сорок сороков», пекли из ржаной муки сканцы с пшенной кашей, причем их должно было быть непременно сорок. В Благовещение пекли кулебяки с семгой.

В пост строго ограничивали потребление хмельного – водки, вина и домашнего пива. Если и пили, то из бутылочек, что меньше четвертушки (их в народе называли «мерзавчиками»), при этом рюмочками величиной чуть больше наперстка.

У купцов пища во время поста была несколько разнообразной. К чаю в купеческих семьях подавались и пряники, и сушка, и патока, и монпансье. Орехи щелкали сами и угощали селян.

В пост молоко ели очень мало. Копили молочные продукты к Пасхе и Заговенью. Молоко в крынках ставили на простоквашу. Снимали сметану на масло. Из простокваши в русских печках делали творог: ставили в вытопленную печь до вечера, потом копили его. Из творога делали творожную пасху. Простоквашу смешивали со сметаной, заливали парным молоком, ставили в русскую печку – приготовленное блюдо называли наквашенным молоком (ряженкой). Заготовляли много, по 4-5 ведер.

Пасху готовили так: мастерили деревянный ящик конусом (творило), вместо дна из реечек буквы ХВ (Христос воскрес). Накладывали приготовленную массу в творило под

пресс на несколько дней. В Пасху выпружали (опрокидывали) на большую тарелку или поднос. В семьях купцов и служащих кроме пасхи пекли куличи.

Если оказывалась в то время телятина, жарили ее в молоке. Ножки (оленьи, лосиные, коровьи) варили на холодец. Рыбу жарили, запекали в кулебяки. Семгу – в белом тесте.

Верующие во время поста были особо внимательны к больным, старались их не огорчать, не осуждать, не пререкаться с ними, по возможности выполнять их желания. В иных семьях во время поста соблюдался отказ от супружеских отношений. Во время поста не заключали браков – церковь не венчала. Считалось, что супруги будут бесплодны, если поженятся в пост. Великий пост заканчивался приготовлением к Пасхе. Перед Пасхой занимались избомытьем, а также мытьем и чисткой церкви. Некрашеный пол и нехитрую крестьянскую мебель шоркали голиком – сухим веником с обрубленными концами. Меняли занавески и салфетки на белоснежные и накрахмаленные. В церкви, как и дома, все мыли да чистили, заботясь о том, чтоб засияли по-новому церковные медь и позолота, чтобы глаз радовали. Существенная деталь: убирать в алтаре допускались лишь девочки младшего возраста, а девушки и женщины убирали саму церковь, но в алтарь не заходили.

Вообще церковь в период поста посещали чаще. Дольше стояли на службах во время обедни, поскольку службы были более длительными. Все – от мала до велика – стремились причаститься[59] во время Великого поста и покаяться в грехах. Для этого каждый выбирал для себя одну из семи недель поста.

Последняя неделя поста – Страстная неделя. Последнее воскресенье поста – Вербное. Стоят в церкви с вербами, украшенными бумажными цветами. В Великоденный (Чистый) четверг до зари не ели и не пили – таков был обычай у кузомлян. В этот четверг селяне стояли в церкви со свечами. Горящие свечи, считалось, защищали от нечистой силы – древнее поверье проявлялось здесь в действии. Во время чтения 12 текстов из Евангелия о Страстях Господних верующие 12 раз кланялись до земли, становясь на колени. На вечерней службе в пятницу на середину церкви выносили плащаницу с изображением тела Христа. Все служители церкви облачались в черные одежды. Под траурный звон колоколов с иконами и крестами с пением «Святы боже, святы крики» – обходили церковь кругом (крестный ход). В церкви и вокруг ее разбрасывали сосновые и еловые ветки. За неделю до Пасхи церкви и храмы начинали декоративно украшать вербочками и бумажными цветами, накрахмаленными полотенцами. А в 30-е годы, когда зажглись в селах лампочки, храмы получили освещение.

Заборщикова Мария Петровна вспоминает, что накануне Пасхи, над входом в храм, с одной стороны крыльца натягивали красную ткань с надписями «Христос Воскрес!» и «Воистину Воскрес!».

2.3.5.3 Пасха

В 12 часов ночи начиналась всеношная служба. Церковные служители облачались в белые одеяния. С крестами и хоругвиями под пасхальный звон шли встречать Христа. Обходили кругом церкви. На крыльце, при закрытом входе, священник, осеняя крестом все стороны, произносил много раз: «Христос воскрес!».

Все православные в это время переходили в летний храм (с престолом Спасу и Христу), где у входа на крыльцо также висело поздравление и надпись «Христос воскрес!» с подсветкой. В отдалении от храма жгли бочки из-под смолы.

В воскресенье все время празднично звонили колокола. Служба кончалась в 6-7 часов утра. Все шли домой, христосуясь[60] по дороге с каждым встречным, отвечали и пода-

[59] Под видом хлеба и вина вкусить самого Тела и Крови Христовой. Это считается единением с Христом. Человек становится как бы причастным к вечной жизни

[60] Лобзают друг друга

вали крашеные яйца. Пили чай с парным молоком и завтракали. Ходили на крыльцо смотреть восход солнца.

Целую неделю ходили в Кузомени звонить на колокольню. На второй день священник ходил по домам с крестом. В этот же день ставили качели: общую посреди Кузомени цепяную для взрослых; веревочные для детей, а для самых маленьких подвешивали качель под матицей. В Варзуге качели называли *гугало*[61].

Отпраздновав три дня Пасхи, принимались за весенние работы[62].

2.3.5.4 Покров – промысловый праздник

Его отмечали 14 октября. На Устье стояла Покровская церковь, очень красивая. В эту церковь со всех тоней приезжали на Покров. Самый разгар семги, когда она в реку поднимается. А когда из нее рыбник (кулебяку) делали, головой вперед запекали, чтобы рыба шла вверх по течению.

Девки в это время говорили: «Пресвятая Богородица, прикрой землю снежком, а меня, девушку, женишком».

Покровская ярмарка проводилась с 1 октября по 1 ноября.

На Терском берегу (2 стан Кольского уезда) в 1887 году торговали по свидетельствам второй гильдии – 5 человек, по питейным патентам – 7 человек, по табачным патентам – 8 человек и по свидетельствам мелочного и разносного торга – 35 человек. Ежегодно обороты Покровской ярмарки увеличивались. В 1861 году на ней было продано привозных товаров на сумму 4200 руб.; а в 1887 году – на 11271 руб. 70 коп. Из них – ржаной муки 8340 пудов на 5748 руб.; крупчатки – 100 пудов на 252 руб.; толокна – 36 пудов на 47 руб.; калачей – 2 пуда на 5 руб. 60 коп.; сухарей – 4 пуда 7 фунтов на 26 руб. 40 коп.; овощей на 141 руб. весом 490 пудов.

На ярмарку доставлялись: мука, крупы, масло, овощи, соль, чай, водка, сахар, свечи, мыло, лен, пенька, дубленые кожи. Единственным местным товаром была семга. В 1887 году приезжие торговцы купили ее на местной ярмарке на сумму 81975 руб.

Каменские лопари ежегодно приезжали на Покровскую ярмарку на Устье. Здесь они покупали муку, чай, сахар, одежду, а также в большом количестве водку. Варзужанам же продавали соленых сигов, щук, окуней и семгу. В остальное время года каменские лопари редко встречались с жителями прибрежных селений.

В 1906 году на Покровской ярмарке продавалась соленая рыба (треска, пикша, налимы), картофель, брюква, лук, капуста, редька, чай, сахар, мука ржаная и пшеничная и прочее. Оборот той ярмарки составил 3000 рублей.

2.4 Устье и Усть Кош[63]

Самым ранним поселением на Терском берегу был Корельский погост в низовьях реки Варзуги (напротив Устья) в четырех километрах от современной Кузомени. Но в 1419 году «мурмане» разорили этот погост, приплыв на бусах и шняках с войском в 500 человек.

Оставшиеся в живых люди вынуждены были подняться вверх по реке Варзуге, уйти за пороги, чтобы укрыться от неприятеля. Позже на месте Корельского погоста соловецкие монахи организуют здесь рыболовецкую базу под названием Усть Кош.

1565 год. Опись имущества и построек базы:

а. келья в сенях – 2х этажная

б. амбар, чуланы

в. столовая (огорожена частоколом)

---

[61] Гугаться – качаться

[62] Из записей Заборщиковой М.П.

[63] Из статьи Ушакова И.Ф. в газете «Рыбный Мурман»

г. колодец во дворе
д. поварня
е. конюшня
ж. амбар хлебных запасов
з. опись продовольствия
и. опись промыслового снаряжения
к. опись разнообразных товаров
л. опись дров
м. амбар в Кошу отдан на оброк каргопольцу Андреяну Ефимову, сыну Кирьянову, за 20 алтын 1685 г.

Из Коша ежегодно отправлялись в Соловецкий монастырь лодьи с семгой.

В расходной книге записано: *17 августа 1865 г. Уплачено 50 копеек иеромонаху Флавию за то, что пел молебен на крест, когда ставили в Кошу и отпущали ладью, чтобы в пути судно не застигла буря*[64].

26 января 1691 года – «Выпись» из писцовых книг Мирона Вельяминова с товарищами на Варзужскую волость, выданная думным дьяконом Емельяном Украинцовым с товарищами Патриаршему дому – «*в кошу усть Варзуги реки на берегу места анбарные:*

м. Ивашка Марьина, м. Микулки Амосова, м. Петрушки да Антонка Мудоваровых, м. избное, снесло водою».

На месте Кош (правый берег реки) стояло несколько избушек и часовня. В 1861 году часовню перевезли на Устье (левый берег реки), и кузомлянин Заборщиков Семен на свои средства перестроил ее в одноглавую церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Постоянной службы в ней не было (согласно отчету священника). К 1902 году церковь обветшала, и кузомляне построили новую на свои средства.

После ликвидации Соловецкой вотчины – базы – место его промысла стало называться Устьем реки Варзуги (1868 год) – это и устье реки, и бывшие рыболовная тоня и фактория. Там в советское время находились большие сельповские склады с продуктами и товаром, которые доставлялись на судах с моря на целый год для Кузомени и Варзуги.

[64] Из записей Заборщиковой М.П.

Усть-Кузомень[65]

О работе на фактории рыбпункта Усть-Кузомень и ее жителях рассказывает научный сотрудник ПИНРО Лариса Лысенко: «*Впервые мое знакомство с жителями села Кузомень, а также поселка Усть-Кузомень, которое расположено в устье реки Варзуги, состоялось почти 30 лет назад. Произошло это 25 мая 1969 года, когда меня и моих коллег по работе доставили туда спецрейсом. До сих пор помню впечатление, которое в то время нельзя назвать радостным. Увидев село, со всех сторон окруженное песком, хотя недалеко море, а рядом река, я подумала: за какие грехи меня сослали сюда? Наверное, подобные мысли возникают у каждого, впервые прибывавшего в этих местах. И вот «ссылка» длится уже почти 30 лет.*

Тогда это село, по сравнению с современным его состоянием, было большим и процветающим: своя школа-десятилетка, больница, магазин, почта, аптека, клуб, сельсовет, коровник и птицеферма, продукцию которых с рейсовым пароходом отправляли в Умбу.

По пять месяцев в году ежегодно во время лова семги Усть-Кузомень, где обрабатывают добываемую рыбаками колхоза «Всходы коммунизма» рыбу, становится мне вторым домом, а его жители родными и близкими людьми.

За столь долгий период времени мне пришлось пообщаться со многими устивлянами, прекрасными мастерами своего дела. Из всех устивлян больше запомнились семейства Кудряшовых, Кривоноговых, Рогозиных, Сваиных и Шеренда, Борисовых и Тропиных, из которых последние работали до закрытия фактории и передачи ее колхозу «Всходы коммунизма».

Поселок Усть-Кузомень – это основной поселок по переработке семги на Терском берегу. Здесь был клуб, магазин, причал, к которому швартовались небольшие суденышки, пришедшие за готовой продукцией. Давно не ходят по поселку лошади. Конюшня стоит на запоре.

За время горбачевской перестройки и ельцинских реформ из всех семей, а это и Борисовы, Богачевы, Кривоноговы, Сваины, Заболотный, Мальцевы, Парамоновы, Тропины, Двинин, Рогозины, Шуваловы, Давиденко, Кудряшовы, остались одни Тропины. Сама фактория из подчинения Умбскому рыбозаводу перешла в пользование колхоза «Всходы коммунизма».

За время моей работы мастеров сменилось немало, одни из них вышли из рабочих, другие имели специальное образование. Это А.Г. Кривоногов, И. Жданов, С. Рехов, Г. Вершинин, В.В. Важничий, И. Потапова, О.А. Ладик, а также И.И. Михайлов и А.Н. Ульянов, сменивший Ивана Ивановича на посту директора Умбского рыбозавода. Без их помощи и внимания я не смогла бы так долго здесь заниматься изучением биологии семги.

Жизнь поселка была подчинена обработке семги, которую тогда ловил колхоз. Работа эта не из легких, особенно осенью, Обычно путина оканчивалась в конце октября, здесь же она в это время только начиналась и продолжалась до середины декабря. Работа эта трудная и ответственная, так как с фактории уходила готовая продукция не только на внутренний рынок, но и за границу.

К путине факторию готовили заранее: заготавливали дрова для кипятилки, вязали веники, набивали льдом ледник, очищали отстойные ямы, в которых скапливались отходы от предыдущей обработки рыбы, красили факторию, ремонтировали ящики для рыбы, готовили общежитие для командированных. Каждый год строили новый причал, который весной во время ледохода срезало. Перед началом путины и в процессе ее из Мурманска приезжал санитарный врач проверять готовность фактории к обработке рыбы.

Работа осложнялась тем, что расположена была фактория на противоположной стороне реки Варзуги. А основная рыба шла с морских тоней и тони Колониха. И ее обязательно, независимо от состояния реки, надо перевезти на сторону фактории. А осенью благоприятные условия были не всегда. Когда семги привозили много, работали с утра и до поздней ночи, с небольшим перерывом на обед и ужин. И даже присылали ко-

[65] Л. Лысенко. «Терский берег» от 11 августа 1999 года, 15.08.1998 года

мандированных из Мурманска. Привезенную рыбу укладывали на пол, бок в бок, брюшком вверх, чтобы не испортилась, поскольку сразу всю эту рыбу обработать было невозможно. На фактории в то время не было пустого места, везде рыба, рыба, рыба... А утром снова на работу. А те, кто топил котел, вставали еще раньше. И так изо дня в день на протяжении многих лет.

Наконец рыба обработана, засолена, но ее еще необходимо отправить. И сделать это надо в определенные сроки, так как передержка рыбы, особенно летом, влияла на ее качество. Бочки с семгой летом отправляли на небольших суденышках «ТБ», а в осеннее время с отправкой наступали сложности. Тогда не было такой хорошей дороги, как сейчас. А вывезти рыбу необходимо до наступления зимы. Для этой цели часто использовали понтон, который загружался полностью, а потом его тянула дора в море, где на рейде стоял «СРТ», куда перегружали бочки с семгой.

На осеннюю путину, ее обработку и погрузку часто приезжал А.Н. Ульянов, душой болевший за свое производство. Но не всегда рыбу успевали отправить морским или сухопутным путем, тогда на лошадке ее возили к самолету. И приходилось это делать не раз, прежде чем она попадала на Умбский рыбозавод, а оттуда – на Мурманский рыбокомбинат».

3 Народная культура Беломорья

Поморы – само название жителей побережья Белого моря, особая этническая группа русских. Часть южного и восточного побережья Кольского полуострова от Порьей губы до Святого носа называлась терскими поморами. Беломорские поморы, несмотря на суровый климат, занимались рыбной ловлей, оленеводством, добывали жемчуг в пустынных реках, текущих из тундры и ходили на зверобойный промысел в горло Белого моря.

Терский берег пронизан прочными нитями родства, знакомств, приятельств, являя собой как бы одну большую семью, только расселенную по разным домам, отстоящим друг от друга на 30, на 60, а то и на 200 километров. Здесь помнят родство по третьему и четвертому «колену». Любого приезжего встретят приветливо в любом доме. За стол посадят, самовар поставят, да и присказку скажут «У нас в Поморье так».

Люди в Поморье были грамотными. Поморы не знали крепостного права. Это повлияло на формирование характера северянина (гордые, независимые, большая свобода в поступках)[66].

Север не только красив и суров, но и обладает особой мощью и силой воздействия, заставляя попавших под его влияние людей обретать особые качества и свойства, необходимые для благополучного существования и успеха во взаимодействии с окружающей природной средой. Север – это «великий диктатор», заставляющий народы жить по заданным природой правилам. Полярный день и полярная ночь, изменения широты влияют на хронобиологию женщин и мужчин, развивают у северян «слуховую и зрительную гиперчувствительность», что является «признаками адаптации организма к окружающей среде»[67].

А.Я. Ефименко (Ставровская) – исследователь народной жизни в Архангельской губернии в 1864 году. Родилась в селе Варзуга в мае 1848 года в семье Я.И. Ставровского, работавшим приставом 2 стана Кольского уезда. Она так пишет про родной край:

«*На нашем севере, где земледельческий труд заменен промысловым, религиозное уважение переносится на продукты труда промыслового. Часто богатая добыча бросается где-нибудь в промысловой избушке или на морском берегу, и если она имеет метку, по которой видно, что она принадлежит кому-то, то добыча более безопасна от вора, чем за десятью замками...*

Мы нигде не видели более идеально развитого уважения к трудовой собственности, чем на нашем глухом Севере. Избы, в которых живут промышленники во время промыслов, замков не имеют, как, впрочем и в селениях; случаев воровства не бывает.

Промышленник, не успевший стащить зверя в избу, втыкал возле него палку; неприкосновенной была лодка в воткнутым наклонно веслом; даже прикасаться к таким вещам считалось грехом».

Клейма различались на личные, семейные, деревенские, артельные. Личные клейма ставились на промысловом инвентаре, на домашних животных, на санях, граблях, косах,

[66] Бернштам, Поморы.
[67] Ушаковские чтения. 2 том 2005 г. Л.С. Вагинова

грабилках и т.д. Так же клеймили собранные в кучи на морском берегу дрова. Общественное мнение в поморской среде играло большую роль. «Кому охота на весь берег вором прослыть?»

3.1 Быт помора

Проживая в отдаленном краю, поморы старались обходиться своими натуральными хозяйствами, закупая только самые необходимые привозные продукты, такие как мука и сахар. У всех имелся скот, каждая семья ловила рыбу, уже много лет назад научившись выращивать овощи. Даже соль длительное время выпаривали из морской воды[68], не надеясь на привозную.

Хотя поморы в общей массе не голодали, бедных людей было много. Питались, особенно в зимний период, скудно, чай пили чаще без сахара. Хотя коровы имелись во многих семьях, но молоко на столе было не всегда. В посты, которые длились неделями, не давали молока даже детям.

Чаще всего бедствовали семьи, оставшиеся без кормильца, ушедшего, например, в рекруты или трудником в монастырь, а то и вовсе погибшего в море или на реке. Трагедии в северном краю были не редкостью, и горе касалось многих семей. Община не забывала людей, которых постигла беда. Первые уловы семги делались сообща и распределялись поровну среди жителей села с учетом всех едоков, включая детей и престарелых. Но все это не обеспечивало нормальной жизни, и нужда была во многих семьях. Тяжелой была жизнь наших предков.

Из дневника Заборщикова Мануила Степановича. Февраль 1939 года.

1 ср, 2 чтв, 3 пт – болен;
4 суб – за сеном в Денисовщину;
5 вс – за сеном колхозу;
6 пн – за сеном в Денис. гладь;
7 вт – за сеном колхозу;
8 ср – 2 воза ягеля;
9 чт – 7 воз ягеля от Черного озера;
10 пт – за ягелем 7 воз;
11 сб – дрова – 1 раз себе, Огруфене – 7 воз, Ефиму – 1воз;
12 вс – лес от моря и дрова себе;
13 пн – лес от моря и из-под горы;
14 вт – олени в Кегоры на отдыхе;
15 ср – в Чаваньгу почта 60 кг и три подводы;
16 чт – из Чаваньги одна подвода, сам болен;
17,18, 19 – болен;
20 пн, 21 вт – ездил в Кегору;
22 ср – за сеном в Денисовщину;
23 чт – за сеном для колхоза (2 заказа);
24 пт – ягель вез себе 7 воз;
25 сб – в Варзугу 4 подводы;
26 вс – из Варзуги приехал;
27 пн – дрова колхозу 7 воз и Огруфены 7 воз;
28 вт – дрова колхозу 7 воз.

[68] На Устье

Уж, кажется, не было причин для веселья, но как соберется вместе молодежь – смех, песни да прибаутки слышны на все село. Кузомляне, как и все поморы, были большими любителями пения, и ни одно коллективное развлечение не обходилось без песни: на вечеринках[69], на горках[70], на кружаниях[71]. Промеж старинных песен пели революционные, когда в селе появились ссыльные. И эти песни всегда пели общим хором все участвующие. Славился и Кузоменский хор женок чистыми, сильными и красивыми голосами.

Кузоменский хор

Зимой в селе светлый день короток. Зато ночи и снами не измеришь. Забот зимой было мало, дела справляли мелкие, в основном по хозяйству. Больше всего зимой веселилась молодежь. И сейчас еще старожилы с затаенной грустью и любовью вспоминают молодость. Вот кузомлянка Анисья Степановна Рогозина (1911 г.р.) известная на Терском берегу сказительница, рассказывала: «*Собирались девушки у какой-нибудь подружки. Пряли куделю. Где огонь светлый, где девичьи голоса слышатся, туда и парни приходили. Им без нас како! Мы довольнешеньки все. Куделю попрядем, а потом хозяйку попросим, чтоб она разрешила поплясать. Балалайка зазвенит – тут тебе и русская, и кадриль. Кадриль-то охочи мы были плясать. Раньше-то клуба не было, кино не казали, а все на вечеринках сидели. Шутки творили, проделки разные устраивали, ясно дело, порезвиться хотелось. Иной парень на вечеринке девушку заприметит, так она ему приглянется, что голову потерят, пока не женится*».

Кузоменская молодежь

[69] Посиделки, беседы – встречи парней и девушек для вечернего времяпровождения

[70] Место катания на санках. Вечерами на верхней площадке горки происходили игры и танцы молодежи под гармошку

[71] Народные увеселения, хороводы – движения людей по кругу с пением и пляской

А вот что рассказывала другая кузомлянка – Заборщикова Мария Петровна (в девичестве Корехова, 1914 г.р.): «*Парни снимали избу на беседу. Приходят парни к отцу:*

– Петр Палыч, отпустите Марусю на беседу.

– Только чтоб обратно вы и привели.

Беседа – это те же танцы. Танцы у нас танцевали городские: краковяк. Купеческие дети привозили. И театр свой был, спектакли ставили.

В Кузомени пять купцов было, пять лавок. Варзужане, бывало, приедут – дак стесняются из-под горы (с берега) из лодки выйти. Говорили: «У вас в Кузомени – как в городе побывали».

На российском севере не было помещиков, как в средней полосе или Черноземье. Богатыми сословиями здесь были купцы, нажившие себе состояние за счет торговли. Государство не могло, да и не было заинтересовано в обеспечении жителей отдаленных уголков огромной державы необходимыми продуктами и товарами. Этим занимались купцы, взявшие на себя заботы о снабжении всего северного края. Они скупали у населения все, чем богат север, и везли в город на продажу, а оттуда возвращались нагруженные разным товаром, необходимым населению в быту. Хозяйка могла заказать самовар, охотник – новое ружье, рыбак – хорошую сеть.

Торговля в Кузомени шла бойко и, как видится, не в ущерб тем, кто ею занимался. Не случайно именно в этом селе возникли добротные двухэтажные дома, обшитые хорошей архангельской доской, с высокими крыльцами. Внутри и снаружи эти дома были покрашены и выделялись среди других деревенских построек. Не каждый мог позволить себе такую роскошь.

Поморы почти сплошь хорошо владели топором. Они сами себе ставили избу, хозяйственные постройки, «заборы», изготовляли мореходные и промысловые суда. Жилище и дворовые постройки рубились просторные, высокие. Крылись они не соломой (хлеб поморы не сеяли), а тесом. В окна вставлялась прозрачная слюда, а не пленка бычьего пузыря. Размер дома был обусловлен состоянием семьи, бюджетом и составом семьи (особенно числом сыновей).

Дом одноэтажный – 1 изба, 2 избы (передняя и задняя, разделенные сенями), 3 избы (передняя, задняя, боковая). Часть домов в Кузомени была построена по-новгородски: полутораэтажные до пяти комнат. Нижний, нежилой этаж (подклет) использовался для хозяйственных надобностей (как кладовые, сараи, мастерские). Верхний этаж жилой. Двухэтажные дома были построены купцами (до 10-12 комнат со спальнями, залами, парадным и рабочим ходом, с лавками (магазинами).

Дом помора сиял чистотой. Пол шоркали до желтого цвета свежей древесины, печь выбеливали. Сразу в углу у порога находилась русская печь, она и грела, и кормила.

Печь состояла из бочки и двух кожухов. На один ставили самовар. На печке лежанка. Спереди – устье, оно всегда смотрит в окно. В кожухе – душник (отверстие для самоварной трубы). Самовары были угольные. Угли морили в морильнице. Печные принадлежности: ухваты, чугуны, пекло, кочерга, помело.

Русская печь

В каждой поморской избе, в углу у порога, стояла печь. Называли ее «русской» и устьем она всегда смотрит в окно. Она и грела, и кормила, и одежду сушила.

Русская печь – непременный атрибут поморской избы, каждая деталь имеет свое название:

Опечек – деревянное основание русской печи.

Подпечек – пространство под русской печью, куда убирали печные предметы, необходимые для работы с печью: несколько ухватов, пекло, кочергу, помело, лопатку морильничну, щипцы для углей, самоварную трубу.

Запечек – пространство между печью и стеной.

Ошесток (шесток) – площадка перед устьем русской печи. На шестке ставили горячие блюда из печи, чтобы не остыли. Там же стоял чугун с горячей водой для хозяйственных нужд.

Устье – отверстие в печь (узкая часть в печи).

Под – место в печи, куда кладут дрова.

Падушина – боковые ниши по обеим сторонам печи за устьем, куда загребают горячие угли.

Заслонка – железный щит с ручкой прикрывающий устье русской печи.

Дымоход – вертикальный вывод из трубы, через который выходит дым.

Вьюшка – круглая чугунная крышка – диск, которой закрывают отверстие в трубе-дымоходе, после того как печь протоплена.

Бочка – круглый свод печи (русские печи строили с выпуклым верхом).

Полати – деревянный настил над бочкой, предназначенный для отдыха на печи.

Грядка – деревянная жердь над бочкой под потолком, куда развешивали на просушку одежду.

Печурок – небольшое углубление сбоку печи используется для просушки одежды, обуви.

Кожух – выступы в виде полок в передней части печи, на котором держат спички, лампы.

Душник (отдушник) – отверстие в русской печи с отдельным выходом в трубу для установки самоварной трубы и служащим как вытяжка.

«Пахать печь» – загребать горячие угли в падушину кочергой. Раньше, после загребания кочергой, остатки углей запахивали можжевеловым веником на длинной палке.

Пекло – деревянная лопата, которой укладывают на под дрова, ставят и вынимают из печи миски, латки, листы с выпечкой. «Пеклом садишь, пеклом волочишь шаньги».

Голландка – печь с топкой и вертикальным обогревателем без плиты. Их начали строить на Терском берегу в конце XIX века[72].

[72] Словарь Меркурьева

Напротив печи – деревянная кровать, на ней спали родители. У кровати висела зыбка для маленького ребенка. Родители сами делали детям «бобушки» – игрушки из дерева, кости, бересты; мать шила кукол из тряпок.

Стены не оклеивали, потолки не белили – это считалось признаком достатка, и могли позволить себе только зажиточные люди. Мебель состояла из некрашеного стола, лавок, кровати одной на всю семью. На ней спали старшие, а все остальные спали вповалку на полатях или на полу на оленьих шкурах или перинах, набитых оленьей шерстью или сеном. В стенах – окольницы (окна). Под окнами – лавки. В красном углу на божнице стояли иконы Господа Вседержителя, Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца, Владимирская и Тихвинская иконы Божьей Матери и др. Перед иконами – лампадка (зажигалась в праздники и перед воскресеньем). Стол стоял в большом углу. Часов поморы не имели, ориентировались по солнцу и звездам.

Русские люди привыкли украшать свои дома резными орнаментами (оконные наличники, столбики крылец, колыбели, ларцы, сундуки, ковши и т.д.); мастерицы изготовляли кружева, вышивали полотенца, затем к концам полотенец пришивали кружевные подзоры.

При свете тусклого огонька, в зимние вечера на посиделках, женщины пряли куделю, изо льна или пеньки (конопли) готовили «прядено» – толстые скрученные нити, а мужчины из прядено вязали промысловые сети.

Старая, разрисованная цветами, птицами, какими-то фантастическими зверями, прялка стояла в углу. Ей очень хотелось, чтобы подошла к ней хозяйка и, как в давние времена, села за прялку. Но уже давно нет хозяйки. А бывало...

И стала прялка вспоминать да по-старушечьи ворчать:

– Скучно живут нынче, не умеют радоваться жизни. А раньше соберутся у нас на беседочки молодые, бабушка нитки попрядывает да сказку рассказывает. Песни поют, в загадки играют. А смеху-то было, веселья.

Рассердившись на кого-то, она замолчала, погрузившись в воспоминания. Не хотелось прялке с Белого моря вспоминать, как тяжело и тревожно жилось ее хозяйке, когда муж уходил в море, как Белое море отняло кормилица, как пряла вдова по вечерам при лучине да слезы утирала рукавом. И прялка с Белого моря, как люди, вспоминала только хорошее.

Лена П.[73]

В избах поморов для освещения, в основном, использовался тюлений жир – ворвань. «Поморский жирник» имел простое устройство: в глиняную плошку с вонючей ворванью вставлялся жгутик из волокна, который закреплялся на металлической подставке. При горении он давал довольно ровное пламя, но при этом выделял копоть и неприятный запах. Свечами пользовались только зажиточные люди. Вне дома для освещения пользовались фонарями со слюдяными окошечками. Также при освещении пользовались лучиной – длинной тонкой щепкой. Лучина пожароопасна, поэтому на двор с ней не выходили. И хоть в России спички появились в 1836 году, в обиход зажиточных поморов они стали входить вместе с керосиновыми лампами только с 1870 года.

3.1.1 Одежда

К одежде в старину относились очень бережно и экономно. Детей к ведению хозяйства привлекали очень рано. В 10-12 лет девочка могла заменить мать, накормить животных, приготовить обед, присмотреть за малышами. В 14-16 лет девушка начинала готовиться в невесты: готовила себе приданое, вышивала более десятка свадебных полотенец, чтобы всю будущую родню одарить.

[73] Л. Пантелеева. С любовью к родному краю, 1988 год

Одежда поморов самобытна. Обычная женская одежда – прямой, круглый сарафан из самоткани – «крашенины» (крашеного полотна), чтобы он был широким, сшивали несколько полотен, затем по верхнему краю собирали мелкую сборку. Верхний край сарафана находился выше груди, на лямочках, с застежкой на пуговице в боковом шве. Шили вручную. Длина сарафана – по щиколотку, чуть обувь видна. И чтобы одежда не казалась серой и скучной, сарафан украшался по подолу несколькими рядами цветных полосок, а для нарядной одежды нашивали вместо полосок кружево. Поверх сарафана женщины носили передник, украшенный 2-3 рядами полосок из лент или кружев, и бумазейные кофточки.

В праздничные дни состоятельные поморки одевали шелковые и кашемировые сарафаны, повойники, вышитые золотыми и серебряными нитями.

Молодые девушки убирали свои волосы в косы, украшали лентами. Выходя на улицу, обязательно надевали платок: в будни ситцевый, а в праздники шелковый. Замужняя женщина носила на голове повойник: заплетала волосы в косы, укладывала их вокруг головы и надевала эту плоскую шапочку с расшитым верхом на косы. Особенно высокохудожественными были повойники, шитые золочеными и серебряными нитями, украшенные бисером и жемчугом. Сверху завязывалась шелковая косынка. На улице поверх этого одевалась платок или шаль.

Обувь была обычно самодельная, сшитая из шкур. В Заполярье лаптей не носили. Поморы шили длинные сапоги «бахилы» часто из нерпичьей кожи. Бахилы – это кожаная обувь русских поморов, сшитая из коровьей кожи. На торосовый промысел готовили «долгари». Впоследствии, когда в обиход пришли калоши, носили их с красиво вывязанными шерстяными носками.

К Пасхе женщины и девушки шили новые наряды, а мужчины – обувь. Для женщин и девушек рантовые выступки, а кто умел, то туфли и сандалии, мальчикам – бахилки. Зимой носили катанцы (валенки) и пимы.

Праздничная мужская одежда состояла из костюма-тройки, брюк (шаровары суконные), сатиновой или байковой рубашки, суконной тужурки, пальто, шубы. На ногах сапоги простые или хромовые.

Мужская рабочая одежда состояла из кафтана, дачных брюк (хлопчатобумажные шаровары). Дача – это сукно шерстяное, самотканое. Зимой носили шубы, малицы, вязанные шерстяные рубашки, теплые шапки-ушанки, башлыки. На ногах шерстяные носки, чулки, поголенки, а из обуви – катанцы, упорки, пимы, тоборки[74].

3.1.2 Питание

Прием пищи в поморской семье – это своего рода ритуал. Перекрестившись перед иконой, все садились за стол, каждый на определенное место. Кушать не начинали, пока не сядет последний член семьи. Старший по возрасту и положению брал каравай, отрезал и подавал каждому кусок хлеба. К обеду и ужину на стол стелилась скатерть, по краям клали полотенца, сделанные из мешковины. Полотенца нужны были для вытирания рук,

[74] Из записей Заборщиковой Марии Петровны

так как рыбу ели руками. Хозяйка ставила на стол в заведенном порядке кушанья. Ели все из одного блюда, молча, не торопясь.

На протяжении четырех столетий поморская кухня была довольно традиционной. Пища для всех – «хлебное», рыба и молочные продукты, дополнительно – овощи, ягоды, грибы. Хлебное без начинки – хлеб ячменный и ржаной, округлые караваи диаметром 26-30 см. На сковородах и противнях – сканцы, блины, шаньги, калачи, колоба.

Хлебное с начинкой. Шаньги, калитки – открытые круглые пирожки с картошкой, творогом, пшеном. Ягодники – ватрушки с ягодами.

Тесто из ржаной муки ставилось на опаре ежедневно, а тесто из белой муки ставили на дрожжах и только по праздникам. В праздник из белого теста пекли пироги с брусникой, с творогом, с морошкой, с рисом, изюмом, с грибами.

Рыбные блюда. Треска – основная рыба на столе помора. Ели ее и свежей, и соленой, и вяленой, и сушеной. Часто готовили треску с картошкой, жареной на растительном масле или семужьем сале. Беломорскую селедку тушили в ладках с водичкой, запекали в тесте, но чаще всего употребляли соленую, сырую. Жарили свежие сиги, кореха, камбалу, щуку. Семга – царица рыб, главная для большого застолья, для гостевания.

Гость считался очень значимой фигурой, «посланцем Бога», поэтому и угощали его по высшему разряду. «Сам себя скудишь[75], а дорожного человека накормишь». До 20 рыбных блюд (перемен) подавали к столу, когда ждали много гостей.

Рыбники. Пекли их по праздникам. В тесте запекали потрошеную рыбу целиком – с головой, хвостом и костями. Кулебяки – открытые продолговатые пироги с рыбой. Сверху рыба могла закрываться тестом для лучшего пропекания.

Сканцы с пшенной кашей. Они похожи на блины из ржаной муки. Муку смешивают с водой, солью, сахаром до получения густой массы. Раскатывают тесто скалкой в круглые лепешки и пекут с одной стороны на сковороде в печке. Пшенную кашу варят в печке на молоке. При подаче на стол сканцы смазывают маслом. В каждый блин накладывают каши и заворачивают в кулечек. Едят, запивая молоком или чаем. Обязательное обрядовое блюдо на стол в религиозный праздник Сорок святых – сорок мучеников – 22 марта.

Похлебки. Уха рыбацкая, навар рыбы, первая перемена за столом. Рыбу подают на стол как самостоятельную вторую перемену. Щи мясные варили, главным образом, из баранины, заправляли квашеной капустой. Также готовили щи из дичи: куропатки, глухарей. Из костей ног оленя получался прекрасный холодец. Грибовница – похлебка из свежих или сухих грибов.

Молочные продукты. Молоко пареное, простокваша, сметана, творог – его ели с молоком. Творог, выдержанный в печи, назывался «ставка» – для промысловиков готовился.

Овощи. Прежде всего, репа и капуста, которые солили и заквашивали, ели с растительным маслом или квасом, использовали как заправку для щей мясных и «пустых». Из репы готовили пареницу: очищенную от кожуры репу резали на крупные куски и парили в

[75] Нанесешь убыток

малом количестве воды в глиняном горшке под крышкой, в печь ставили после хлебов. Репу нарезали ломтями, вялили на ветру или в остывшей печи, хорошо сохранялась она в мешках и плетенках. Редька – ее терли, ели с растительным маслом, чаще с квасом. Картофель чаще всего варили в мундире.

Захлебки. Каша с киселем, блины с кашей, каши в прихлебку с молоком. Молоко, простокваша, творог с молоком, манный кисель, ряженка. В пост употребляли заварно – ягоды со сладкой водой, чаще всего это была морошка.[76]

3.1.2.1 Семужий промысел

Славились поморы Терского берега мореходным умением и отвагой, судостроительным мастерством и знанием семужьего промысла. Кузомляне считались опытными мореходами. Основой всего хозяйства на селе была рыба. В XVI-XVII веках царские писцы разделяли рыбу на 2 категории:

Красная – это семга. Почти вся она шла на продажу за пределы края. Спрос на семгу постоянно рос. Жители Терского берега сдавали семгу преимущественно на Покровской ярмарке в селе Кузомень приезжим купцам или местным судовладельцам, а те затем везли море в Архангельск, Москву и Петербург. Также торговали с Норвегией и Финляндией. Семгу из Варзуги доставляли в Москву к царскому столу. В грамоте 1643 года записано: «*Оброчную рыбу – семгу 166 пудов из Варзужской волости возили в Москву на ямских подводах... без перемены, чтобы той рыбе мяться и убытку не было*».

Белая (малоценная, простонародная) – это пресноводная, в основном озерная рыба. На первом месте среди белой рыбы стояли сиги, затем хариусы, щуки, окуни, пальи, налимы, гольцы и наконец, мелкота – плотва, камбала, корюшка. В устьевой части реки Варзуги одним из объектов промысла являлась морская корюшка, называемая местными жителями «корех». В Белом море ловили селедку и треску. Селедку заготавливали для себя и на продажу, а треска была поистине универсальной рыбой. Беломорской треской можно было как-то прокормиться, однако для товарного хозяйства она не годилась: слишком ее было мало, да и мелковата сама рыбка. Крупная треска в большом количестве водилась в Баренцевом море.

Семга была основным источником дохода поморов. Ловили ее по-разному. Основных способов было четыре: забором, гарвой, поездованием и неводом, а также на море ставили сеть завеску. Самым добычливым способом лова являлся «заборный».

Заборы ставили на больших реках, и они были довольно сложными сооружениями, представляли собой бревенчатую изгородь, которой перегораживали реку от берега до берега. В изгороди ставился один или несколько проходов, в которых ставились ловушки для рыбы, шедшей в верховья реки на нерест.

[76] Из записей Заборщиковой М.П.

Обычно в дно реки забивали сваи, которые служили опорой для щитов и жердей. На отдельных участках ставили козлы, сверху на них накладывали камни и делался помост. Семга – превосходная прыгунья, она легко преодолевает пороги и другие преграды на своем пути. Чтобы рыба не могла перепрыгнуть через забор, его ставили на 2,5-3 метра выше уровня воды.

Сооружали забор весною. Строителям часто приходилось нырять в ледяную воду, чтобы заделать отверстие в заборе. Людей выполнявших эту работу называли «водолазами», а руководителей стройки «заборщиками». Закончив городьбу, работники должны были неотлучно находиться при ловле рыбы, днем и ночью осматривать забор. Особенно тяжело приходилось во время дождя, когда прибылая вода нередко уносила целые звенья в заборе. Ежедневно, утром и вечером, рыбу, попавшую в ловушки, извлекали и солили. Выемка рыбы требовала большой сноровки – семга бешено кидалась от стенки к стенке. Ловец должен был ее ударить колотушкой и оглушить. Забором рыбу ловили до поздней осени. Когда начинал образовываться лед на реке, забор разбирали, древесные материалы и снасти просушивали и укладывали на хранение до следующего года под навес. Строила и обслуживала забор большая артель работников. В Кузоменской волости право пользования заборами продавалось на торгах по частям только своим общинникам, а деньги шли на уплату податей.

«Поездованием» семгу ловили также на больших реках, осенью, когда из-за сильных ветров вода становилась мутной. На промысел выходили всем селением. Лодки ставили в ряд и шли на веслах против течения реки. С каждых двух лодок тянули за веревки кошельковую сеть (наподобие большого мешка). Нередко за одно поездование в сеть попадало до 10 пудов семги. Такой способ лова с древних времен практиковался на реках Варзуги и Поноя. Писцовая книга 1563 года сообщает: «*Река Варзуга, а в ней ловят красную рыбу семгу всею волостью... 78 поездами, а на поезду по 2 карбаса, а в карбасе 2 человека, тянули сразу 39 сетей*».

На морских тонях семгу ловили с помощью ставных сетей: гавр и неводов.

Рыба, река, море – источник жизни для поморов, в прямом смысле этого слова. Система лова была основана на знании жизненных циклов рыбы и морского зверя. Особенно важна была в промысловом отношении рыба с очень сложным жизненным циклом – семга. Она большую часть жизни проводит в море, но заходит в родную реку для нереста. Если косяк семги идет на нерест, она со своего пути никуда не свернет, в это время на лодке через реку не переехать[77].

Во время нереста в старину оберегали покой семги: в колокола не звонили, в нерестовых местах не ловили, уключины у лодок обматывали тряпицей. А сейчас сидишь в избе, и шум проезжающей лодки бьет по ушам, что и говорить про бедную рыбу...

[77] Со слов Чечениной К.С.

Горбуша

Уникальность стада семги в реке Варзуге заключается в том, что оно, как утверждают ихтиологи, является «домашним», нагуливается в своих водах и возвращается, не заглядывая в иностранные. После икрометания, которое происходит обычно в сентябре-октябре месяце, семга снова скатывается в море. Во второй половине зимы из икры выходят личинки; затем молодь начинает самостоятельный образ жизни, проводя в реке 2-3 года. Достигнув 15 сантиметров длины, молодь скатывается в море и начинает быстро расти. И уже через год-два она возвращается на нерест, где ничем не питается, а живет за счет жира, накопленного в море.

Семгу ловили только на продажу. Она приравнивалась к северной пушнине и жемчугу – десятая рыба семга, как и десятое жемчужное зерно, отдавалось государству или церкви.

Сорт семги определялся не только временем вылова (летняя – «межень» и зимняя – «залом»), но и способом засола, который в разных селах обуславливал и различную цену на рынке сбыта. «Межень» была тощей и стоила в 2-3 раза дешевле осенней. По самой высокой цене продавалась осенняя семга (залом), ловившаяся по всему Терскому берегу. Но особенно славилась Кузоменская семга, очень вкусная, что объясняется чистотой воды. Каменные берега и песчаное дно не способствуют развитию наносных организмов, питание которых снижает качество рыбы, поэтому ее цена за пуд поднималась на местах до 14 руб. (для сравнения, Умбская семга шла от 3 до 6,5 руб. за пуд).

Поморские знатоки так определяли ценность семги: «Поной» – вкусная, но маложирная; «Варзуга» – мясо заметно нежнее, а осенняя почитается лучшей из всех беломорских сортов; «Кола» – крупна, но груба, солится скупо и небрежно; «Умба» – мясо плотное, жестковатое; «Кандалакша» – относится к худшим сортам.

В конце XIX века жители села Кузомень за сезон вылавливали до 10000 пудов семги.

«Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера» от 1 января 1914 года:

«*Издавна славился Терский берег двумя дарами своей суровой, печальной природы – семгой, которая в до Петровской Руси шла и к царскому и патриаршему и – жемчугом. А теперь, кажется, недалек уже тот день, когда над обоими этими исконными богатствами Терского берега с грустью придется поставить крест. И вот почему. Сотни лет ловили и ловят здесь семгу. Вначале ловили ее хозяева края – лопь и корела, потом пришли новгородцы, за ними надвинулась черная рать монастырских старцев и служек. Теперь ее ловят крестьяне «и тем живы бывают*».

Семга – это главный и, можно сказать, единственный источник существования подавляющего большинства местного населения, так как других постоянных и для всех до-

ступных промыслов здесь на месте нет, а к отхожим промыслам (мурманскому промыслу и работе на лесопильных заводах в селах Умбе и Ковде) население обращается с большой неохотой, лишь когда становится нечего есть. Многовековая ловля семги (которая не то, что треска, сколько ни лови, все не убывает), конечно, не могла не отразиться на ее количестве, и в настоящее время уже признан факт, что вообще на Севере замечается уменьшение количества добываемой промышленниками семги.

Вот таблица улова семги (в пудах), приведенная по волостям:

Год	Волость		
	Кузоменская	Тетринская	Умбская
1881	7530	2718	674
1886	7593	2853	2285
1891	8000	4775	3536
1896	7927	6623	2135
1902	7104	2729	5129
1906	3761	4508	2618
1909	8194	3106	5117
1910	6182	3087	2311
1911	4492	2752	2303
1912	5407	1713	997

Из таблицы видно, что в Кузоменской волости падение промысла замечается вообще с 1891, в Тетринской – с 1896 и в Умбской с 1902 года.

Таково в общих чертах положение семужьего промысла.

Ведомость о речных и морских рыбных промыслах в селе Кузомень за 1898 и 1905 годы

Промыслы	Оснащение	Пром-ники		Затраты	Добыча		Барыш	Убыток
		хозяева	покрут	руб.	пуд	руб.	руб.	руб.
1898 год								
1. Морской семужий промысел (весенний и летний)	20 карбасов 40 завесок 5 неводов	25	1	600	80	240		360
2. Речной рыбный промысел	14 карбасов 14 неводов	35	7	280	50	100		180
3. Озерный рыбный промысел	2 карбаса 20 сетей 2 невода	4		70	70	100	30	
1905 год								
1А. Морской семужий промысел (весенний и летний)	40 карбасов 90 завесок 2 невода	48	4	815	497	2493	1678	
1В. Морской семужий промысел (осенний)	15 карбасов 4 невода 532 завески 25 харв	136	38	28875	4573	45835	21960	
2. Речной рыбный промысел	4 карбаса 5 неводов	12	2	70	38	195	125	
3. Озерный рыбный промысел	3 карбаса 2 невода 20 сетей	3	2	50	50	75	25	

Список судовладельцев на 1900 год[78].

Богданов Яков Семенович – клипер.
Двинин Афанасий Алексеевич – клипер «Николай».
Заборщиков Яков Семенович – яхта, шхуна «Белое море».
Корехов Александр Федорович – яхта «Григорий».
Корехов Михаил Никифорович – яхты «Надежда» и «Мария».
Мошников Михаил Федорович (варзужанин) – клипер «Ксения».

Поморские лоции[79]

Во главе каждой группы, отправляющейся на промысел, стоял кормщик, наиболее опытный и знающий бывалый промысловик. Он был в ответе за успех и неудачу плавания и промысла перед совестью своей, перед сиротами, коль что случится, да на Страшном суде. Знания об этих плаваниях передавались из поколения в поколение и отражены в Поморских лоциях.

В борьбе с морской стихией мореходы познали, как много значит передача опыта. В меру своего умения начали они вести записи, описывать приметные и опасные места, убежища от грозной волны, от ветров и подходы к ним. Сыновья и внуки пополняли и уточняли эти записи для себя и для тех, кто пойдет за ними. Так складывалась «Книга мореходная» – путеводитель, справочник, спутник и надежды помора в тяжелые часы его дальнего плавания на многотрудных путях-дорогах. В прошлом веке этот путеводитель стали в отличие от официальной лоции называть «Поморская лоция», а теперь часто прибавляют «знаменитая». Составители же ее, первооткрыватели, испытавшие все тяготы, набравшиеся знаний на тяжёлом и опасном опыте, называли свою лоцию «Книгой мореходной».

Ни один владелец рукописной Поморской лоции не претендует на авторство, а замечает: «И опосля нас помор на промысел пойдёт, как же о себе след для него не оставить», «Я тоже морем живу, все от дедов получил, человек ведь я».

Поморы составляли свои карты, М.Ф. Рейнеке подтверждает мореходные знания поморов. «Наизусть помнят они румб и расстояния между приметными местами. Многие имеют рукописные лоции и карты, самими ими или опытнейшими кормщиками составленные по памяти».

Почти до конца XIX века ходил помор в «немецкий конец» и в Русь, идучи «по своей вере», т.е. руководствуясь рукописными лоциями и картами. Помор на опыте знал их достоверность и детальность указаний. Наблюдательность, зоркость, забота всё приметить, всё оставить в «науку» потомкам – вот отличительные черты Поморской лоции. Наши мореходы на деле оправдали беломорскую поговорку: «Путь дорога честна не сном, а заботою».

Рукописные лоции сохраняются еще в немногих семьях потомственных поморов как памятки, особо дорогие сердцу. Два-три музея гордятся ими как свидетелями поморской отваги, мужества, смекалки, товарищества и обширных знаний о северных морях. Обычно лоцию на судне кормщик хранил в подголовнике, а дома – за божницей. Возможно, и в наше время рукописные лоции хранятся еще у коллекционеров и у любителей старины.

В 1911 году в Кузомени мною[80] была переписана, с соблюдением точности всех особенностей текста, «Книга мореходная», принадлежавшая О.А. Двинину, а в прошлом – его деду, жившему в Сумском посаде, от которого перешла к сыну, а затем к внуку, переехавшему в Кузомень в 1909 году Позднее книга поступила на хранение в Архангельский

[78] Фонд Ф-1И, дело 53

[79] Гемп К.П. Поморские лоции и «Книга мореходная» О.А. Двинина // Гемп К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия.– Л., 1980.– С. 3-18.

[80] Гемп К.П.

краеведческий музей.

Поморские лоции – небольшие рукописные тетради к четвёртую или восьмую часть листа, объемом 20-60 листов. Переплет обычно кожаный, с обвязкой ремешком: он хранит тетрадь от невзгод плавания. Только одна из встретившихся мне лоций была в переплете из «сахарной бумаги». Текст тщательно писан полууставом. На полях немногочисленные зарисовки, некоторые до сих пор не расшифрованы. Время написания упомянутых выше лоций – XVIII-первая половина XIX века. Дополнения и приписки более позднего происхождения. В лоциях отложились уже накопленные ранее, в XIV-XVIII веках, знания относительно географии Белого, Баренцева и Норвежского морей. Эти знания отмечал еще С. Герберштейн (XVI век).

Тексты различных лоций не являются копиями одна другой, но они все же свидетельствуют, что поморы, будь они из Куи, Кузомени или Сумы, расстояния между которыми немалые, широко обмениваясь навигационными сведениями и маршрутами, часто опирались на одни и те же географические точки и в плаваниях руководствовались схожими наставлениями.

Язык лоции так же лаконичен, точен и выразителен, как и речь помора. При отсутствии карт в его распоряжении было только слово – предостерегающее, приковывающее внимание, вразумляющее и обнадеживающее, а изредка слово для одобрения. Слова вызывают образ. Обширные, детальные знания морских дорог, накопленные поморами, и преодоление ими всех трудностей в примитивных условиях плавания вызывают чувство гордости за русского человека.

Много ёмких, в два-три слова, описаний приметных мест, «глядений», вод и заходов, где можно «отстоять», когда начнет «заводиться противняк» или «несхожие ветры падут», встречаем в речи помора и в Поморской лоции. Предостерегают они о местах, где «уходу нет» – где невозможно укрыться от погоды, где «убой» – сокрушающий высокий накат, кипень. И часто коротко напоминают: «без меры ходит не можно» или «ходят знаючи», «не ходи на прибылую, наваливат». Этих слов достаточно, чтобы представить себе «костистые» прибрежья и силу прилива, например, в Воротах Лумбовского залива, в заливе Мезенском в устьях Мезени и Кулоя, в корабельных Мурманских воротах. Да, ярится вода, особенно на «костистом» дне, А вот емкое определение утесистого каменистого берега – «костогор», и все ясно.

Душевным словом характеризуют авторы Поморских лоций все, что помогает им в пути. Начался прилив – это идет «живая вода», пропустит судно через коржистые места, через перебор. «Закротела вода» – затихает течение перед приливом или отливом. Поднялся ветер попутный, пусть и довольно крепкий – это добрый ветер, с ним ход легче. Не забывая о трудности пути, помор любуется своим суровым морем. Описывая в лоции «опасные подводные камени», он ласково называет их «одинки», «бакланцы», «воронухи»,

«поливухи», не раз наблюдал, как они «на погоды играют». При ветре бьёт о них волна, взлетают брызги и пена. Он словом отличает легко проходимые «корошки», небольшие каменистые мели, от «корг» – эти могут доставить мореходу неприятности, у них и название иное.

Были у Поморских лоций неоценимые помощники – сложенные из камней гурии и деревянные кресты, которые поставили на берегах неизвестные други-товарищи. Когда они побывали на этих путях – неведомо, но память о себе оставили. «Гурьеватые наволоки», «крестоватые сопки» и «взглавья» мореход встречал в XVI-XIX веках и в Беломорье, и на Мурманской стороне, и на Маточке, и на Груманте, и сам ставил дополнительные.

Содержание лоции «Книга мореходная с означением мест сколько от одного до другого расстояния и приметы становищом»[81]:

«Ход из Сумы в Архангельск» (л. 1),
«Ход от Архангельска до Нордвегии» (л. 1об.),
«Терской берег» (л. 1об.-2об.),
«Ход по Норвежскому берегу» (л. 2об.-3),
«Обратно из Норвегии» (л. 3об.-4 об.),
«Из Архангельска в Поморье» (л. 4об.-5),
«Ход от Орлова в Онегу» (л. 5-5об.),
«Из Архангельска в Мезень» (л. 5об.-6),
«Подробны описания курсов» (л. 6-23 об.),
«Ход в Варзугу» (л. 24).
«Приметы Варзуги» (л. 24-24 об.).

В «Книге мореходной» указано около четырехсот пунктов (на Белом море, Мурманском берегу, на берегах Баренцева и Норвежского морей), к которым ходили поморы на промысел, для торговли и обмена.

3.1.2.2 Тоня

С древних времен все побережье Белого моря было поделено на тони. Они располагались через 0,5-1-2 километра друг от друга. Тоня – участок берега с примыкающим к нему морем. Здесь стояли тоневая изба, сушила для сетей, карбасы, амбарчик, якоря, ледник для сохранения пойманной рыбы, а также баня и колодец.

От села до села – двадцать, сорок, пятьдесят километров, но между ними всегда стояли тоневые избы. И даже, когда в них никто не жил, все равно в каждой избе лежали заготовленные дрова, береста, спички, чай, сахар, соль, немного крупы и муки. Обязательно стояла кадушка с соленой рыбой. Придут охотники, льды выбросят зверобоев, или просто случайный человек забредет. Берег всегда был готов прийти на помощь людям.

До конца XIX- начала XX веков отопление в промысловых избах осуществлялось по-черному, местные жители называли эти избы курными, редкий случай земляной пол у них покрывался настилом из досок. Говорили: «Тонская изба – не очень уютное помещение». Волокно на харвы пряли, а чтоб они были в воде не заметны (красок раньше не было) их в избах на тонях коптили, так они становились черными. В конце XIX века зажиточные хозяева на морских промыслах стали благоустраивать тони: строили печи по-белому, прорубали большие окна, настилали полы, делали дощатые крыши вместо наката из бревен.

[81] Поморская лоция «Книга мореходная с означением мест сколько от одного до другого расстояния и приметы становищом» хранится в фондах Архангельского областного краеведческого музея (№ 3432). Поступила в 1934 г. от О.А. Двинина, проживавшего в селе Кузомень. Она датируется, по палеографическим данным, концом XVIII- началом XIX веков. Рукопись принадлежала семье поморов Двининых. О.А. Двинин, последний владелец рукописи, получил ее от отца, жившего в Сумском посаде, по словам которого рукопись составил его отец, т. е. дед О.А. Двинина, живший также в Сумском посаде.

В районе села Кузомень было 64 тони[82]. Около каждой тони стоял крест «на добычу, на удачу», чтобы рыба лучше ловилась. Проходящий мимо обязательно молился. На отдаленные тони выезжала вся семья. Хозяева приводили с собой скот, брали необходимую домашнюю утварь, и дом в селе оставался пустым до декабря. Уходя на промысел на месяцы, замок не вешали – палку поперек двери поставят, и все. Это не означало, что входить нельзя, просто знак, что хозяина нет. Жизнь в селе замирала. Зато вдоль морского берега дымились костры, чадили печные трубы избушек-промыслушек. Там шла своя жизнь: ставили сети, крепили якоря к ним, выметывали завески; кроме того, на берегу дрова для зимы заготавливали, починкой разной занимались. С утра до вечера в трудах и в заботах.

Тоня, жилище моряка – место святое, приходить надо туда с чистой душой. Гости говорили в сенях: «Господи, благослови!» Им отвечали: «Аминь!» И только тогда следовало входить. «На рыболовецкой тоне встретят, поздороваются, зазовут к себе. Расспросят кто и откуда. Угостят ухой, жареной семгой. Накормят и проводят. Все делалось тактично, чтобы не обиделся человек»[83].

Любого прохожего встречали хозяйки и кормили до отвала. Угостить случайного человека – благо, это было не только проявлением гостеприимства, но и заклинанием удачи, достатка. К местам лова относились особо. Мусор нельзя было выбрасывать в море и реку. На тонях отходы от рыбы зарывали в яму или скармливали овцам.

На тоне по четыре «товарыша» сидело, кровати по углам стояли, каждый угол назывался «участком». Каждая семья располагалась на своем участке. У каждой кровати стоял стол. Над кроватью полица (широкая полка, предназначенная для хранения посуды, ладок с рыбой, крынок с молоком). Снасти чинили в избе. Придет помор на тоню – первым делом разуется и в воду зайдет. Зачерпнет пригоршню морского рассола, на все четыре стороны плеснет, руки на груди скрестит и запричитает заговор Миколе-угоднику на охрану тони. И только потом приступал рыбак к промысловым делам. «Сидеть на тоне» далеко не просто. В любую погоду, будь то ведро или ветер, дождь со снегом или волна, рыбаки от 4 до 8 раз в сутки выезжали на карбасе проверять и опорожнять невод.

На кузоменских тонях особенно хорошо ловилась семга в штормовую погоду. В шторм рыба к берегу идет, вот и попадает в сети. Как ветер с моря, так рыбакам самая работа. Выйдут они в море, а волны кругом карбаса дыбятся и за кормой рассыпаются с уханьем. А следом еще взводень, того и гляди накроет. В такую пору, случалось, и гибли промысловики. В народе говорили: «Кто на море не бывал, тот от души Богу не маливался». Хотя страха и не было. Видимо, от того, что поморы сызмальства к морю приучены. Проверят рыбаки сети, и к берегу возвращаются. А на берегу женки ждут. Заприговаривают, обнимая мужиков: «А опружило-то вас как! Андель Божий, ну-тко скорее в избушку сушиться!»

По вечерам приходили гости с других тоней, особенно молодежь. Потолкуют о промысловых делах, о сенокосе, об оленях поговорят. Женки своими делами занимаются: прядут куделю, вяжут, шьют, картят шерсть цыпахами. Вдруг какая-нибудь спохватится: «*Ой, женки, це мы сидим, а не поем ницего… Молоды, а не веселы. Не все же трудиться да молиться, надо и песней душу согреть*». И запоют. Бывало, распоются все, как под праздник – не остановить. Но время пришло, опять в море сети проверять. Сели в карбас: веселье с лица, силу в руки, терпенье в душу, уменье в голову[84].

---

[82] На конец 20-30 годов. По некоторым данным, в районе села Кузомень в 1905 году было 72 тони.
[83] Д.М. Балашов
[84] Н.Г. Яковенко «Терский берег» стр. 25

Ученый Лепехин, еще в 1772 году посетивший Кузомень, о морском лове отзывался так: «Был изумлен предприимчивостью местных жителей. Морские их промыслы были отменны, много сопряжены с великой отвагой и смелостью, риском».

Кончился лов – вытягивали якорь, сушили сети, убирали их в амбар. Для просушки семужьих сетей устраивали особые избушки – сетницы, где они сохли под действием ветров, дующих в специально устроенные в полу широкие щели.

Приехав домой после путины, поморы собирались у старшего, который получал квитанции на сданную рыбу. Делили доход. Угощались, пили разгонную.

В начале декабря собирали сходку: приходили рыбаки, приказчики, объявляли стоимость каждой тони. И с аукциона продавали тони.

Продажа рыболовных тоней на 1911 год согласно приговора Кузоменского сельского схода, состоявшегося в 1910 году[85]

Тоня	Кому именно продана	Стоимость
Трухинска	Корехову Ивану	15=05
Абросимовски новинки	-	-
Катаринска	варзуска	-
Больша Белькова	Федору Андр. Плотникову	2=00
Бутковска	Николаю Плотникову	5=00
Коневски новинки	Матвею Коневу	5=00
Мала Белькова	Марине Заборщиковой	10=05
Ларионовска	Артемию Пирогову	10=00
Мелка	Петру Корехову	36=25
Белянов	варзуска	-
Глубоцки новинки	Петру Двинину	30=25
Глубока	Михаилу Рогозину	30=80
Велики	Дмитрию Андронову	22=15
Зеленый крест	Андрею Ф.Богданову	26=45
Больша огородня	Егору Абакумову	30=55
Егоровска	Ефиму Рогозину	15=15
Мала огородня	варзуска	-
Красный крест	Сильверсту Тарабуеву	35=15
Шибалкина	Петру Плотникову	21=00
Разбойник	Петру Тарабуеву	20=35
Ручьевка	Василию П. Пономареву	15=35
Воротиха	Филиппу Пирогову	18=10
Пароходска	Ивану Н. Тарабуеву	20=05
Рекшиха	варзуска	-
Тюттеринска	Афанасию Тюттерину	20=05
Столбиха	Михаилу А. Панкратову	15=25
Двински новинки	Ивану И. Тюттерину	47=15
Шангина	Степану Богданову	15=35
Нова в Кошу	Александру Кирилловскому	30=00
Кошевски новинки	Степану Катарину	70=00
Баянна	варзуска	-
Загубье	Ивану Ил. Тюттерину	50=00

[85] Фонд Ф-4И, дело 26

Корабельна	Степану Двинину	65=15
Стара крестова	Варнаве Сидорову	67=25
Покровска	Николаю Тарабуеву и Филиппу Тюттерину	61=05 60=15
Яма	Петру Абакумову и Ефиму Евдокимовичу Коневу	61=15 57=00
Степановска	Артемию Абросимову и Филиппу Кривошеину	61=05
Крестовски новинки	варзуска	-
Нова крестова	Александру В. Богданову	50=00
Мошниковска	Василию Пр. Андронову	30=05
Двински новинки	Александру Я. Богданову	101=05
Дмитриевска	Федору Ал. Двинину	22=40
Глубока	Семену Пирогову	30=10
Глубоцки новинки	Улите Кузнецовой	37=05
Велика	варзуска	-
Песчанка	Власу Пирогову	15=10
Тюттерински новинки	Павлу Ивановичу Тарабуеву	15=55
Некрасиха	Егору Абросимову	35=05
Пироговска	Александру П. Двинину	45=35
Индерка	Ивану Пирогову	10=00
Рогозинска	Филиппу Аф. Тюттерину	45=55
Горениха	варзуска	-
Нова	Ивану Сергеевичу Богданову	47=00
Спорна	Евгению Ф. Тюттерину	50=05
Надежда	Михаилу Ал. Панкратову	45=15
Заборщиковска	Филиппу И. Тюттерину	47=40
Степановска	Ивану М. Андронову	40=45
Полинска	Василию Д. Абакумову	30=65
Савиновска	варзуска	-
Богдановска	Дмитрию П. Двинину	26=05
Кузьминска	Елисею Воронину	15=05
Индера	Дарье Дряхловой и Василию Абакумову	31=15
Индерски новинки	Степану Заборщикову	15=05
Пахомовска	Петру Н. Тарабуеву	10=00
Кусть	Захару И. Тарабуеву	5=05
Ольховка	варзуска	-
Новинки за Ольховкой	Андрону Панкратову	7=20
Буркинска	Филиппу Абакумову	0=05
Большо-черно новинки	Андрону Панкратову	0=05
Зориха	варзуска	-
Река Кица	Александру Заборщикову Василию Пономареву Константину Корехову	25=05 30=10 40=25

Торги производили в 1910 году староста Василий Абакумов, писарь Григорий Ал. Двинин.

От продажи водяных угодий выручили:
1908 год = 5000 руб.
1910 год = 4593 руб.
1911 год = 2012 руб.
1916 год = 193 руб. 47 коп.

В Кузомени средства, полученные от продажи тоней, распределялись по решению схода. Прежде всего, выделяли фонд на содержание двух школ, находящихся в волости, медицинского пункта и волостного управления; потом деньги на уплату в казну лесного и других налогов, а оставшиеся средства делили по душам.

В 1960 году на Чапомской тоне Истопка отловлены первые экземпляры дальневосточной горбуши, над акклиматизацией которой долго бились мурманские рыбоводы. Горбуша считается сорной рыбой, которая потенциально опасна для мальков семги, но в то же время является ценной рыбой. Через год горбуша густыми стадами заходит в реки на нерест, чем грозит будущему семужьему поколению.

Сейчас из более чем 60 кузоменских тоней остались действующих только две: Кица и Кошевская на наволоке. В 1563 году эти тони принадлежали Соловецкому монастырю.

Тоня Кица

15 июня 1563 года – «Сотная «съ книгъ описи» Двинянъ Якима Романова и Никиты Пятутина на волость Варзугу: «*...на усть Кичи (Кицы) тоня, ловят девятью карбасы; речка Кича (Кица), а в ней забор...*».

Сейчас забора нет, река перегорожена неводом. Его рыбаки смотрят каждый день. В июле 2011 года на тоне Кица сидели кузомляне: бригадир Тюттерин Павел Мартемьянович, рыбаки Двинин Виталий Юрьевич, Пиотрашко Сергей Германович.

Тоня Кошевская

«*По морскому берегу от Умбской межи Варзугские тони живущие: ...тоня на Кошевском наволоке на усть Варзуги реки...*».

Тоня Кошевская, 1957 г[86].

Состав бригады рыбаков: бригадир колхоза «Моряк» Заборщиков Мануил Степанович, звеньевой Заборщиков Павел Евдокимович, рядовые рыбаки Карпов Н.М., Фалеева Дарья Ивановна, Климова Елизавета Петровна.

Заявка от 22.10.1958 г.
Невод беломорский сельдевой 48-10-8 = 1 шт.
Невод семужный закрытый 28-4,5-3 = 3 шт.
Карбасов = 1 шт.
Канат Геркулес = 200
Канат п\с 45 мм = 100
Канат п\с 35 мм = 100

[86] Из дневника Заборщикова М.С.

Канат п\с 25 мм = 50
Пеноплав = 1000 шт.
Рамы б\нев. 115 – 6 = 1 шт.

Акт о списании орудий лова вследствие гибели от 25 августа 1957 года тоня Кошевская рыболовецкого колхоза «Моряк» прибрежного лова.

Бригадир Заборщиков М.С., звеньевой Заборщиков П.Е., рядовые рыбаки Карпов Н.М., Климова Е.П. Фалеева Д.И. составили настоящий акт о том, что 22 августа 1957 г. был сильный шторм, ветер юго-западного направления. Четыре невода находились в море, их унесло и обнаружить не удалось.

В июле 2011 года на ней сидели варзужане: бригадир Чунин Петр Руфимович, рыбаки Вопияшины Михаил, Валерий, Владимир Анастасовичи. Ежедневно смотрят 5 неводов. Квота – 20 тонн семги в год.

3.1.2.3 Покрученники. Мурманский берег

Семга была дорогостоящим товаром, селедка заготавливалась для себя и на продажу, а треска была поистине универсальной рыбой. Треска – основная рыба на застолье помора, ели ее соленой, вяленой, сушеной, варили из нее уху, запекали в латках, пекли кулебяки: «трешшочка завсегда хороша», «трешшочки не поешь – не поработаешь». Беломорской треской можно было как-то прокормиться, однако для товарного хозяйства она не годилась: слишком ее было мало, да и мелковата сама рыбка. Крупная треска в большом количестве водилась в Баренцевом море, и вот, самое позднее, с середины XVI века поморы начинают ходить в ежегодные промысловые экспедиции на Мурман. Наряду с крупной треской здесь ловилась и другая ценимая на Севере рыба – палтус и крупная зубатка. Так стал образовываться покрут.

Сохранился договор, заключенный между кузоменским богачем Иваном Заборщиковым и его наемными работниками, крестьянами Умбской, Тетринской и других волостей (Петром Березиным, Павлом Рогозиным, Яковом Дворниковым, Максимом Елисеевым и другими, всего с 14 промышленниками).

Поморов, которые шли к местным судовладельцам называли покрученниками. Они работали на хозяев по найму, не за деньги, а за треть улова. С наступлением весны уходили покрученники «во далекую сторону» на Мурманский берег, промышлять треску в Баренцевом море. Жили они в становищах в Харловке, Рынде, Териберке – голые места, суровые. Главное орудие на промысле трески – ярус. Он похож на обычный перемет, но в длину достигал несколько километров. На таком ярусе и крючков было до 14 тысяч. Сколько же нужно было помору труда и терпения, чтобы наживить эти крючки, выставить в море так, чтобы не спутать. А потом! Выловленную треску надо было обезглавить, распотрошить, засолить, сохранить. Руки рассолом морским да ветром ест, крючья остры, снасти мокры, скользки, а ярусу, кажется, и конца нет.

Только и мог вздохнуть рыбак, когда шторм на море. Да и тоскливо ему было дни терять. А как стихнет и все начиналось сначала, до осени, до холодных ветров. Тогда Мурманский берег пустел, поморы возвращались в село и вновь зимой село оживало. Возвращались поморы с промысла по-разному: кто с уловом, а кто с укором. Расчет с купцами вели: обменивая рыбу на муку, крупу, одежду, предметы быта и если еще что-то с улова осталось, получали деньгами. А кому на промысле не повезло – на поклон шли к купцу. Тот не отказывал, но пеню набрасывал. А уж если совсем бедняка припирала нужда, в покрут к судовладельцу нанимался.

Большинство покрученников всегда были в долгах. Долги переходили по наследству, от отца к сыну, из поколения в поколение. Это была кабальная форма организации труда. В XIX веке многие поморы стремились уйти из общины, чтобы избавиться от пут судохозяев – мироедов, подавали заявления с просьбой записать их в колонисты Мурмана. Колонию Харловку в конце XIX- начале XX века почти целиком заселили выходцы с Терского берега (Двинины, Лопские, Кожины, Стрелковы).

3.1.2.4 Зверобойный промысел

Занимались кузомляне и зверобойным промыслом. Как и семга, он приносил большие доходы. Промысловиков, занимающихся этим промыслом, называли торошниками. Выражение «ехать на торос» означает «ехать на добычу морского зверя». Торосовый промысел получил название от саамского слова «торос». В марте, когда солнце начинало пригревать, на льдинах часто скапливались понежиться: белухи, нерпы, гренландские тюлени, морские зайцы.

В это время почти все мужчины села уезжали на оленях на «торос» к востоку от Кузомени в горло Белого моря, между Пялицей и Поноем. Здесь сильное течение 2 раза в сутки (во время прилива и отлива) носило плавучие льды. Но на эти льды попасть было не просто. Все зависело от ветра. Подует с берега – ледяные поля далеко уносит, тогда нет охоты. А лед к берегу, становятся мужики на калги (лыжи, обтянутые тюленей шкурой, чтобы не скользили назад), багор в руки, калач за пазуху и вперед. Помор – зверобой опытный, знает, как к зверю подойти, как сразить его и как шкуру снять. Соберет их несколько штук (сала на каждой не один пуд), в тюк свяжет. Перекинет лямку за спину и к берегу. Тут уж моли Бога, чтобы благополучно дойти – чем ближе к берегу, тем больше опасности.

Больше всего гибло мужчин именно на промысле морского зверя. Нередко еще до возвращения с промысла в села доходила печальная весть: того затерло в ледяном крошеве – тертухе (ледяные обломки), другого придавило льдиной, третьего – унесло в море. Так целую неделю носило по морю на льдине Вопияшина Константина Васильевича[87]. «Редкий год у нас кто-нибудь на промысле не гибнет. Потому у нас промышленники, как уходят на «тороса» – со всеми наперед прощаются: с живыми родными, да и на кладбище сходят, с умершими побеседуют». Провожать зверобоев выходило все село, от мала до велика. Проводы были грустными – и слезы, и песни, и бабьи заголосья. В народе говорили: «Пойдешь на Поной – не вернешься домой». Отправляясь на «торос», каждый надеялся на благополучный исход. И за благополучное возвращение благодарили Господа Бога и вносили значительные денежные средства на богоугодные дела.

1775 год. В приходно-расходной книге Варзугского Петропавловского прихода сказано: «*крестьяне Тимофей Котлов со «товарищи», придя со зверобойного торосового промысла «доброхотно» дали 48 руб. 11 коп.; крестьяне Яков Тарабуев с «товарищи» 39 руб. 06 коп.*».

[87] Дед автора

Ведомость о зверином зимнем и весеннем промысле за 1911 год[88].

Промысловики	Кол-во добытого промысла					Сумма затрат, руб.	Сумма добытого промысла, руб.	Барыша, руб.	Убытка, руб.
	Лысец	Утельга	Конжуй	Белек	Заяц				
1. Петр Тарабуев		4				45	28		17
2. Степан Двинин		2				45	20		25
3. Павел Тюттерин	3	7	300			120	810	690	
4. Иов Абакумов	1	18	310			80	870	79	
5. Петр Сидоров	3	4	250			120	667	547	
6. Иван Андронов		4				45	28		17
7. Степан	8	4			1	20	100	50	

Зверобойный промысел и лов семги на 1 января 1914 года[89]:

Кузоменская волость: добыто зверей – 17145; лов семги – 6350 пудов.

Тетринская волость: 23640; 3572.

Статистические сведения о рыбных и звериных промыслах, состоянии скотоводства, лесной охоты, натуральных повинностях с 1905 по 1906 годы[90]:

Ведомость о весеннем зверином промысле за 1905 год по Кузоменскому Сельскому обществу. Торосовый промысел – лодок 3, ружей 11, хозяев 38, рабочие 15, сумма затрат = 1000 руб.

Добыто зверя: утелец – 36, конжуев – 35 , на сумму = 518 руб.

3.1.2.5 Моржовый промысел

Братья Семен и Алексей Заборщиковы в селе Кузомень считались крепкими хозяевами, к делу относились трезво, людей, нанятых на промысел, не обижали. Поэтому желающих отправиться в море на принадлежащей братьям шхуне «Гавриил Архангел» было в избытке.

Еще реки лед держали, а в Кузомени уже появились промышленники из Бабинского и Нотозерского погостов, из Поноя да окрестных деревень. Братья давали им работу с такелажами, со снастями, а сами присматривались, обещаний не сулили.

Определилась артель из 14 человек. Кормщиком решено было идти Алексею.

По старинной поморской традиции провожали всей деревней на Вешнего Николу, когда зима к лету повернула и птицы полетели к далеким арктическим островам. В этот день в селе церкви в колокола звонили. Простились поморы с родными. К путному кресту подошли. Поклонились до земли. Степенно спустились с песчаного берега к реке Варзуге, и скоро шхуна открыла паруса, растаяла на беломорских просторах.

По пути к Новой Земле все занимались привычным делом, готовили снасти, одежду чинили.

К концу мая, уже на подходе к северной части Новой Земли, стали попадаться поморам ледяные поля. Тут и промысел начался, и за ним не заметили, как шхуну льдом захватило, да так, что с 25 июня оказались в сплошном ледяном поле. Закончился июнь. Июль к середине подступился. Поморы поартельно выходили на лед добывать моржей.

14 августа самый младший из промышленников житель Поноя Дмитрий Никитин разбудил товарищей криком:

– Вода! Вода!!!

---

[88] Предписание кузоменского волостного старшины о взымании недоимок. 1912год. Фонд Ф – 4И, дело 27

[89] Государственный архив Архангельской области. Фонд Ф.6 – Губернский Статистический комитет, оп. 2 ед.хр. 378

[90] Фонд Ф-1И, дело 136

Все, кто мог, вскочили и увидели темную полоску, отходившую от шхуны к кромке ледяного поля. Через 2 дня судно достигло чистой воды. По катушке – компасу поморскому Алексей определил направление, и все с надеждой стали ждать приход на Новую Землю.

Не обманулся кормщик. И полтора суток не прошло, как достигли берега, к тому же и в месте знакомом, где стояла изба, срубленная промышленниками из Колежмы. На матице хорошо был виден календарь, вырезанный ножом теми, кто когда-то коротал здесь долгую полярную ночь.

Алексей распорядился насобирать можжевельника и трав и пить настой всем. Парус со шхуны сняли, соорудили из него шатер. Внутри камни нагрели – баня получилась – впервые за 3 месяца.

Отступать от людей смертушка стала, приободрились все. Но за ночь двое поморов умерли. Появились на взгорье могилы и кресты над ними, а на крестах тех вырезано:

«Крестьянин Нотозерского погоста Стефан Александров Абаляев».

«Умбской волости крестьянин Федор Тимофеев Тарасов».

Смерть помора вдали от дома родного – дело привычное. Погоревали сотоварищи да за промысел принялись. Каждый понимал – скоро осень, а без добычи вернуться, значит, голодную зиму коротать. Сентябрь холодом повеял. Ближе к Воздвижению Заборщиков направил судно в сторону родного дома. Только не везло им в этот раз. Попутный полуночник то свирепо рвал, то стихал, и шхуна замирала в ожидании воли Божией.

Шли дни, недели, а Кольский полуостров все не появляется. На обреченных к бездействию поморов набросилась цинга. За двое суток до подхода к Святому носу на воду были опущены тела кузомлянина Федора Приданникова и жителя деревни Поной Дмитрия Никитина. Десять измученных промышленников, сняв шапки, стояли и смотрели, как волны уносят тела их товарищей…

– Пять ребяток-то осиротело,– тяжело вздохнул Илья Клещев.

Скоро показался родной берег. Стали встречаться кочмары да яхты поморские – уважительно приветствовали возвращающихся с далекого промысла. Шхуна Заборщикова скоро прошла устье реки Поной, скоро уж должен был показаться остров Сосновец, как вновь взыгрался противный ветер такой силы, что вынуждены были моряки спрятаться в ближней к Сосновому погосту губе. Некогда в том месте было становище Качалово. К приходу шхуны жителей там уж не было, но осталась избушка, по поморскому обычаю дровами и снедью обеспеченная. Утром 4 октября умер кузомлянин Сидор Резин. В этот же день срубили товарищи крест на его могиле.

Спустя двое суток, наконец-то, поймали попутный ветер в сторону Кузомени, да, видать, не суждено им было этот путь пройти. Ночью на Белом море поднялась страшной силы буря. Шхуну Заборщикова буря застала у реки Большая Кумжевая. Поморы и понять ничего не успели, как их судно выбросило на берег за несколько аршин от воды.

Староста Пялицы Дмитрий Устинов завел Алексея Заборщикова в земскую избу, помог ему одеждой. В эту же ночь пялицкие мужики вывезли на оленях всех потерпевших крушение. Накормили и обогрели их. Груз со шхуны был перенесен на берег.

В 1870 году братья Заборщиковы поставили на взгорье, где погибло их судно, шестиметровый крест, на котором было написано: «*Горевавшим покрученникам шхуны Заборщикова. Море взяло С. Абаляева, Ф. Тарасова, Ф. Приданникова, Д. Никитина, С. Резина. 1868 г.*»[91].

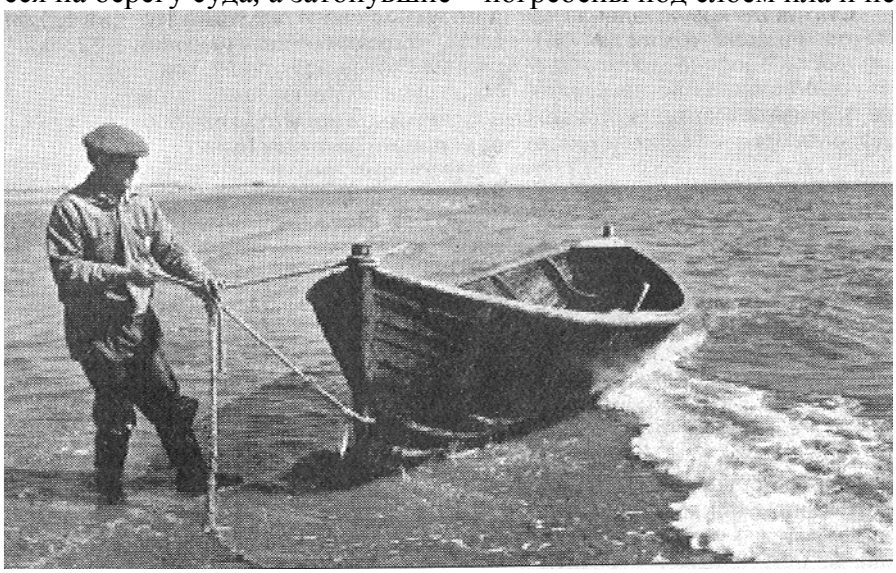
Чиновник по крестьянским делам Н.Н. Макшеев, познакомившись с жизнью поморов, писал в 1892 году: «*Весь Терский берег обставлен крестами… Местами они стоят десятками. Все они суть символы печали, немые свидетели разных бедствий и несчастий, тут пережитых. Судя по числу этих крестов, немало пролито слез о почивших кормильцах семей: отцах, мужьях, братьях. У берегов скалистых больше крестов, чем у берегов песчаных*».

[91] Газета «Полярная правда» 07.04.2000 г. М. Орешета очерк «Все было против: земля и небо»

3.1.2.6 Судостроение

Вся жизнь поморов была связана с водными просторами. Прирожденные мореходы, они шли на промысел зверя в Ледовитый океан, плавали на деревянных судах не только «в сторону датскую» – к берегам Норвегии, но и «в Русь – на Новую Землю, к Таймыру», на Шпицберген. Морем привозили товары, море давало пищу, одежду, достаток в доме. Море дарило жизнь, но море и отнимало ее. Было то добрым и ласковым, то грозным и коварным. Кто сказал, что никаких следов на море не остается? Каждый моряк там оставляет свой след. Только ни один из них не заботится о том, чтобы запомнить его. Такие уж моряки люди.

Судостроение – древнейшее из поморских ремесел. Строили без чертежей, мастерство и навыки передавались по наследству. К сожалению, сегодня многие приемы постройки деревянных поморских судов утеряны. Время безжалостно уничтожило оставшиеся на берегу суда, а затонувшие – погребены под слоем ила и песка.



Карбас

Лодьи, карбасы, барки, шитики, шняки, легендарные кочи и много других типов деревянных судов имели специальное назначение – для хождения по реке или по морю. Самым быстроходным судном, ходившим на дальние расстояния, была поморская **лодья**. Попутный ветер, надув большое количество парусов, заставлял лодью проходить до 300 км в сутки.

Паруса для судов шили из шкур морских зверей. Только такие паруса могли выдержать натиск северных ветров. К тому же они не обледеневали. Лодья строилась разных размеров. Более крупные могли поднимать до 12 тысяч пудов груза. Но чаще всего «лодейка» была одномачтовой, рассчитанной на 8-12 человек команды и на подъем не более 5 тысяч пудов груза.

В дальних скитаниях поморы странствовали на однопалубном плоскодонном судне – **коче**. Подводная часть судна имела округлую форму, а нос и корма приподняты. Благодаря такой обтекаемой форме, судно, попав в ледяные тиски, как бы выдавливалось льдами на поверхность, оставаясь невредимым. По этому же принципу строят теперь корабли российского военного флота. Для зверобойного промысла строили ледянки – маленькие двухвесельные лодки с узкими полозьями.

Главным промысловым судном в прибрежных водах был **карбас** – широкая и короткая лодка, которая могла идти и на веслах, и под парусом.

Шняка – это шестивесельная лодка без палубы и кают, с прямым парусом на легко убираемой мачте. Она рассчитана была на подъем около 300 пудов груза. Шняка была прочна, легка на ходу, способна к маневрированию, а главное – недорога. Люди, не имевшие мореходных судов, пользовались ею для торговых поездок.

По величине суда были разные и характеризовались по тоннажу: трех- и пятитонные назывались **брамами**. Кузомляне считались опытными мореходами, поэтому судостроение в селе было развито. К тому же в селе строились парусники, которые фрахтовались для перевозки грузов. Суда строили из сосны. Ствол выбирали длинный, метров 6-7, по ширине в кроне не менее 20 см. И не сучковатую сосну брали, а настоящую корабельную, нашу северную сосну.

Дора

Строевой лес рубили только в новолуние, ведь вырубленный на ущербе – сгниет. Велико ли дело дерево срубить да ко двору привезти! Это еще не работа. Вот распилить его тонкие доски (набоями назывались), обтесать до глади, пропарить, чтобы гибкими были, сделать корчи и колоды – тут-то попотеть приходилось изрядно. Но и это полдела. Основная работа была на берегу. Сначала определяли длину судна, потом размечали ширину (третья часть длины), а половину ширины отмеряли на высоту трюма. Сделав это, приступали к постройке.

На городки (своеобразные стапеля) прежде всего клали колоду, то есть основание судна – киль. К нему крепили корчи: к носу – форштевень, к корме – ахтерштевень. Это сделать было несложно, за день управлялись. Много времени уходило на то, чтобы в колоду «вростить» шпангоуты – ребра корабельные. Для этого и терпение требовалось, и мастерство особое. Выставили судну бока – трудную работу, считай, сделали. Потом набой к шпангоуту приладят, нагели вобьют. Доска к доске – растет суденышко!

Если терчанин морской карбас строил, то с борта на борт бимсы перекидывал, а на них палубу настилал. Под палубой трюм делал для груза и каюту для жилья. Две парусные мачты ставил: переднюю – фок-мачту, заднюю бизань.

Речной же карбас – беспалубный, он наполовину быстрее строился. Его изнутри и снаружи обошьют набоями, проконопатят, просмолят, потом покрасят – и делу конец[92].

30 апреля 1943 года.

Табель бригадира колхоза «Моряк» Заборщикова Мануила Степановича:

1) вырубка карбасных чурок и вывозка на Кицкое озеро

= 12 штук – 6 м.

= 10 штук – 4 м.

2) вывезено в Кузомень 3 шестиметровых чурки, олени колхозные.

1954 год.

Табель на один карбас 1,5 тоннный для Загубья шили с 11 июня по 19 июля Заборщиков М.С. и Корехов Ал.Ив.

Карбас состоит: из колоды (основание), набоев, опругов, мылиц – 2 коржаков, в нем кочета 4 штуки, уключины – 2, весла – 4 шт., нашесть, кормоватка – беть (для паруса), плица (для отлива воды), парус.

Карбас был предметом первой необходимости в хозяйстве для работ, связанных с водой. На нем возили почту и пассажиров. Карбас для рыбодобычи по размерам был большой, он обычно находился на тоне. Для езды по реке пользовались лодками, в Варзуге – поездницами.

[92] Н.Г. Яковенко «Терский берег»

3.1.2.7 Олени

Олень – самое безобидное животное на земле. Почти во всех семьях села были олени. Оленеводство поморы позаимствовали у саамов. Олень вел человека путями сезонных миграций. Весной из тундры к морю, осенью с берега моря на берега лесных озер. Олень обеспечивал человека всем необходимым для жизни, был его пищей, одеждой, материалом для изготовления орудий труда и охоты, вез его вещи, его семью, помогал охотиться на диких оленей и в снежную зиму согревал его в тундре теплом своего тела. Олень был солнцем саамов.

Так и помор любил оленя, заботился о нем, так как во всех хозяйственных делах, особенно зимой, был ему хорошим помощником. Из шкур оленей шили одежду, из шерсти набивали подушки и перины. Перина, набитая оленьей шерстью, называлась ровой. Меховая малица была традиционной одеждой оленевода. Пастухи-оленеводы шили тоборки и просмаливали смольной водой, с ног их не снимали, спали в них. Ноги не прели и закупорки вен не было.

Олень был ростом невелик, но выносливый. У семьи было по 2 оленя, а у кого-то и до 15. На оленях райдами (поезд, состоящий из нескольких оленьих упряжек) подвозили дрова, сено, ездили на промысел. Питался олень ягелем, который без труда доставал из-под самого глубокого снега. Летом ел траву и лакомился грибами. Русские крестьяне выпускали весной пастись оленей в огороженные участки, а на зиму запасали корма и держали их во дворах – оленниках.

Ягель заготавливали после сенокоса, дергали в сырую погоду, складывали в кучи, втыкали в них палки с метками, а после заморозков на оленях вывозили мерзлыми плитами к домам. Корма для оленей заготовляли немного, потому что эти животные способны прокормиться на ягеле всю зиму и добывают его сами. Обычно оленей, которых использовали для ежедневной работы, хозяева на ночь отгоняли на ближайшие ягельники в Кегору к Гагарьему или Долговскому озеркам, то есть в прибрежные сосновые боры.

Райда

Каждого оленя привязывали на веревке к дереву, и он в течение длинной полярной ночи, а иногда и несколько суток подряд ходил вокруг сосны и раскапывал снег, добывая себе корм. В круге диаметром до 15 метров весь ягель олени выедали полностью. Но со временем, чтобы сохранить ягельники (они восстанавливаются только через 15-30 лет, будучи выеденными до корешков), после отела, оленей стали выпускать на вольный выпас в тундру. Каждый хозяин вешал на шею своему оленю кейкало[93], а так же делали надрезы (клеймили) на ушах, если олень терял кейкало, хозяин определял по ушным надрезам.

В результате отсутствия надзора, домашние олени отбивались от стада, часто вливались в стада диких оленей и вернуть их обратно в стадо было невозможно. Весной после

[93] Деревянная выструганная дощечка 8 на 8 см. на кожаном ремешке с инициалами хозяина

отела олени разбредались и были на вольном выпасе, а по осени каждый хозяин шел искать своих оленей.

Оленей называли по возрасту. Так, самца, достигшего второго года жизни, звали урак, на третьем году – убарсом, на четвертом году – кундусом и только после пяти лет самца называли быком. Самку, достигшую второго года, называли вонделкой, на третьем году – вонделваженкой, на четвертом году – важенкой.

Родившихся оленей метили весной, вырезали клеймо на ушах (делали определенные вырезы на ушах). Определенные знаки были у каждого хозяйства. Они записывались в церкви, а в советский период – в сельсовете. Запись делалась в метрической книге. Такая книга велась с 1891 года. В настоящее время эта книга находится в музее поморского быта в поселке Умба[94].

3.1.2.8 Сенокосная пора

Кончилась длинная, холодная зима, наступило долгожданное лето. А тут и, глядишь, подошло время заготовки кормов. С Петрова дня (12 июля) начиналась сенокосная пора. Промешкаешь – без скотины останешься зимой. А ее, как-никак, в каждом дворе хватало: десяток овечек, пара-две оленей, у кого и корова была.

До коллективизации сенокосные участки общинные были и каждые три года распределялись на сельском сходе «по душам». Сено косили, гребли, стоговали в зароды. На сенокос выезжали семьями, целым селом, под парусами с песнями. Орудия производства – коса, грабли. Косили косой (горбуша) внаклонку. Тяжелая работа. К концу 30-х годов стали переходить на новый вид косы – стойка. Это уже легче.

Высушенное сено складывали (метали) в зароды. В средней полосе стога, скирды, а у поморов на Терском берегу – зароды. Зимой сено на оленях вывозили в село. Лодырей не любили. Как только такой появлялся, то гоняли его с косой по пожне до тех пор, пока лень-матушка из него не выйдет. Делали это так: впереди шли 2-3 хороших косца, за ними ставили лодыря, а потом вслед ему опытные косцы косили. Первые быстро вперед идут, задние подгоняют. Не поленишься!

На сенокосе, в основном, была занята молодежь. Поэтому шуток, различных розыгрышей друг над другом хватало. Косили с азартом, наперегонки. Идущий с прокосом первый косец все время слышал сзади возглас «догоню». И старался, как говорят, из кожи лез, чтоб его не обогнали. А как учили молодых косцов работать качественно, чтобы на прокосе не оставалось ни одного клочка нескошенной травы! И не дай Бог, если обнаружится этот злосчастный клочок. Сразу раздавались несколько голосов: «Привяжем!» А это значило, что с провинившегося могли спустить штаны и привязать «интересным местом» к нескошенной траве. Так что контроль за качеством был жесткий[95].

Большие неудобства на сенокосе доставляли комары, овода и мошка (нудой ее звали). В народе говорили: «*До Иванова дня*[96] *комара убьёшь – решето прибудет*». Самую

[94] Из записей Заборщиковой М.П.
[95] Н.Г. Яковенко «Терский берег»
[96] 7 июля

силу забирает комар. А после Ильина дня (2 августа) он убывать станет: «*комара убьёшь – решето убудет*». Для личного скота сено в ташках да саках[97] привозили с пожен. Овец в селе держала каждая семья, от них и кормились и одевались. Вечером со всех концов деревни раздавалось звонкое «цига-цига». Так созывали хозяева своих овечек в хлев, и те бежали на голос.

Сенокосные угодья 1915 года[98]

Названия	Кому	Сумма
Подтурки между Черными	Арсению Абросимову	0 = 30
Верхний конец Черного	Арсению Абросимову	2 = 60
Нижний конец Черного	Михаилу Ал. Панкратову	3 = 25
Ольховка в огороде	Николаю Заборщикову	2 = 80
Вершина Ольховки за огородой	Петру Еф. Абакумову	0 = 40
Наволоки темной	Ивану В. Абросимову	0 = 05
Разинов	Михаилу Пономареву	0 = 45
Солодягин	Петру Еф. Абакумову	0 = 60
Уской	Федору Ив. Двинину	1 = 20
Круглый	Ивану В. Абросимову	0 = 30
Новский	Ивану В. Абросимову	0 = 25
Широкий	Федору Ив. Двинину	0 = 30
Разинова пустошь	Федору Ив. Двинину	0 = 70
Осота между Ольх. и кустом	Илье Андронову	0 = 10
Пальники нижние	Константину Тюттерину	3 = 55
Пальники верхние	Филиппу Кривошеину	3 = 00
Кимеша с притоками	Василию Абакумову	0 = 50
Сенной мох	Петру Г. Богданову	0 = 60
Соколий ручей	Василию Двинину	0 = 05
Кицко у изб	Ивану Ив. Заборщикову	4 = 80
Кузнецовская на Сиговце	Артемию М. Тарабуеву	0 = 50
Большой Ольховец под Юлицей	Федору Ив. Двинину	0 = 05
Конец на Сиговце	Петру Дряхлову	0 = 65

[97] Сетки-мешки из старых неводов
[98] Фонд Ф-4И, дело 34

Ширковшина на Сиговце	Степану Катарину	1 = 50
Ольховец у родника	Степану Ал. Двинину	0 = 85
Мякоти нижней	Егору Фил. Тюттерину	1 = 60
Большая Логиниха	Константину Тюттерину	1 = 65
Падун по Кице	Филиппу М. Кривошеину	1 = 10
Булынды на Великом острову	Арсению Абросимову	2 = 95
Падун по Кице	Пирогову	0 = 80
Каботово	Василию Заборщикову	0 = 50
Кицкий ручей	Ивану В. Абросимову	1 = 05
Денисовщины	Павлу Тюттерину	1 = 85
Каботово	Василию Н. Заборщикову	0 = 30
Поле в Подневодье	Якову Заборщикову	0 = 70
	Ивану Серг. Богданову	

3.2 Фольклор

Это слово в переводе с английского языка означает «народная мудрость». Терский берег – своеобразный заповедник народного искусства. Оно зарождалось и развивалось в особых условиях: устоявшийся быт, отдаленность от городов, немногочисленное население. Кроме того, население было постоянным, менялось мало, и потому стойко сохраняло древние бытовые и художественные традиции. Сказки, песни, поговорки, загадки – были распространены по всей огромной территории России, но только на берегу Ледовитого океана можно было «прочувствовать» всю их захватывающую силу.

Пословицы, эти маленькие изречения житейской мудрости, существовали в обиходе человечества за тысячи лет до нашего времени. «Рука руку моет», «на безрыбье и рак рыба», «ни кола, ни двора» – все эти поговорки и пословицы, переходя из уст в уста, от народа к народу, докатились понемногу до старой Руси. Она облекла эти мысли в близкую ей языковую форму, включила в свой бытовой разговорный обиход и передала по векам нам.

Пословица на протяжении всей русской истории возникала на основе живого быта, была непосредственным и подлинным повседневным голосом народа. «Бог терпел и нам велел», «Бог дал, Бог взял», «без труда не выловишь и рыбку из пруда», «делу время, а потехе час»…

Загадки, как и пословицы, возникли также в глубокой древности и имелись издавна у всех народов. В основе загадки лежит суеверное представление первобытного о природе и ее явлениях.

Черная корова всех поборола. Белая корова всех подняла. (Ночь и день).

Двести овец один пастух пасет. (Звезды и месяц).

Пятьдесят поросят в один голос голосят. (Печка – каменка).

Шел долговяз – в сыру землю увяз. (Дождь).

Стоит козел над водой, трясет бородой. (Мох на болоте).

Знает русский фольклор и загадки-шутки:

Без чего хлеба не спечешь? (без корки).

У кого уши есть, а не слышат? (у ушата).

Я качаю, зыбаю,
Отец пошел за рыбою,
Мать пошла уху варить,
Дядка в лес дрова рубить,
Я должна белье стирать,
А Ванюше надоть спать.
Баю – бай! Баю – бай!
Поскорее засыпай!

Баю-бай! Баю-бай!
К нам приехал Мамай,
К нам приехал Мамай,
Просит: «Васеньку отдай».
А мы Васю не дадим,
Пригодится нам самим.

В Поморье есть байки, отразившие в себе особенности быта рыбаков – поморов. Все колхозы жили добычей семги. И маленькая байка отражает это:

Баю – бай! Баю – бай!
Рыбка семга, приплывай.
Рыбка семга, приплывай
Олексейку поджидай.
Олексейка подрастет,
Станет рыбку он ловить,
Станет маму он кормить.

В поморских пословицах, поговорках не только яркий, остроумный язык, но запечатлены особенности местной жизни. Например, поморы говорили: «*Тресочки не поешь, не поработаешь*». «*Чай не пил – какая сила; чай попил – совсем ослаб*». «*Морошка любит хорошие ножки*». Говор был своеобразный, бывало, дети набедокурят, бабушка сетует: «*Найте лембуй! Опять оменыши накапостили. Вот возьму вицу, да тропну*».

Вот запись, сделанная известным фольклористом Н.П. Колпаковой:

«*Сижу я однажды в селе Кузомень на Терском берегу в гостях у тетушки Настасьи Демьяновны, слушаю ее рассказы и бывальщины про старое время. Вдруг слышится стук.*

– Заходите!– кричит хозяйка, ворочая ухватом в печке. На пороге появляются занесенные снегом фигуры.

– Не мало ли вас, не надо ли нас?

– Здравствуйте, здравствуйте, проходите да хвастайте,– сияя улыбкой, отзывается хозяйка.– Небось замерзли. Скидывайте скорей одежду-то, у нас тепло. Сейчас самоварчик поставлю.

Она торопливо раздувает большой медный самовар. Вот самовар на столе. Из подполья появляются свежие лепешки – шаньги и вареное мясо, и ватрушки – «ягодники», густо намазанные сладкой морошкой.

– Кушай, Федосьюшка, кушай Танюшка,– угощает хозяйка,– чего беречь-то... Едомому товару недолог век.

– Спасибо, матушка, не потчуй, не трудись. Сказала – и ладно. Один раз дорог, не надо сорок,– отвечает кума, принимаясь за шаньги.

– Тетушка Настасья, у Лукерьи не бывала ли... – спрашивает веселая румяная Танюшка.

– И, милая! Не бывала я за весь месяц у Лукерьи ни пятой, ни ногой,– отзывается хозяйка дома, наливая дымящийся чай в маленькие чашечки, украшенные золотыми разводами.

– Намедни всем колхозом за рыбой ездили,– рассказывает кума Федосья – так это ладно вышло, дружно, семги много привезли. Уж известно – где лад – там и клад.

– Что за клад, коли все в разлад,– сочувственно поддакивает Настасья Демьяновна. Я не выдерживаю:

– Как славно вы разговариваете, тетушки! Что у вас в селе все так говорят...

Они удивлены.

– Да ведь мы, кажись, по-русски говорили, поди-ко да послушай по нашему берегу – у тебя и тетрадки не хватит на все наши присловья да прибаутки. У нас народ-то разговорчивый. Без углов дом не строится, без пословицы речь не молвится».

3.2.1 Поморская присказка

В старину весело, радостно проводили святки поморские ребятишки. В каждом селе, в каждой деревне в эти дни наряжались дети шелюханами и ходили из дома в дом с песнями, со звездой Вифлеемской, пели рождественский тропарь. Часто их в домах встречали взрослые шутками. Вот одна из них:

– Подьте, подьте отсель!
У меня сварен кисель.
Да не про вас!
Хлеб-соль подан,
Да не для шелюхан! – шутливо говорит хозяйка и все равно ребятишек впускает в избу, угощает сладостями, дает козульку.

В рождественские святки ездили в гости друг к другу из других сел. Вот так встречали гостей:

Проходите-ко-ся, заходите-ко-ся,
Гостюшки божены, желанны!
Чай, в дороге истомилися с голоду,
Поди, в дальней ознобилися с холоду?
Вы разуйтеся, разболокайтеся!
Чайку попейте – разогревайтеся.
Шаньги кушайте – не чинитеся!
На печь – матушку повалитеся!

Нынче не олени мчат гостей. Летят на Терский берег самолетом, едут в Варзугу автобусом. И присказки такие ласковые мало кто помнит, а жаль. Но и сегодня в избах терских поморов тепло от радушия хозяев. Гостей непременно обогреют и накормят рыбниками да ягодниками. А пироги, испеченные в русской печи, ни с чем не сравнишь![99]

3.2.2 Поморская речь

Говор старинных русских поселений Мурманской области, в основном, однороден. При наличии некоторых своеобразий он относится к поморским говорам северного великорусского наречия.

В 1967 году была записана живая поморская речь от Корехова Петра Павловича, которому было 83 года. «*Варзужана семгу ловили по реки большэ. Некоторы ловили у моря, на мори варзужане некоторы, вмести с нам, с кузомлянами вмести, дажэ на однех тонях ловили некоторы. А большинство – по реке они ловили там фсе. Тут вот за два километра деревушка – это тони варзуски*[100]*. Теперь нет лет сем, кажэца. Потом подальшэ там за четыре километра*[101]*, там опеть у них деревушка была, опеть это тонь там пятнадцать, наверно, у их было фсево. Потом там Колониха, вот теперь там ловят варзужане, там тоже ловили, да там Сиговка (за Колонихой в сторону Варзуги), да Че-*

[99] М. Карвонен. «Терский берег» №1 06.01.2006 год
[100] Подневодье
[101] Прилук

ремхово – это фсе варзужане на осень выежжали сюда по этим тоням ловить. Ловили оне, конечно, у них орудия лова таки маленьки харвы таки были, называлась харва. Она – сетка така и на колье ростягалась. Семга когда идет, и, значит, ударялась в эту в ечею – голова вот запутывалась…И потом поезда были у их таки, поездовали. Поезда, как, как. Нарот как бродит, так».

3.2.3 Кицка женка

В рассказе жительницы села Кузомень Терского берега Белого моря Кицка женка описывается как водяной дух в обличии женщины с рыбьим хвостом: она обитательница и «хозяйка» впадающей в реку Варзугу реки Кицы. «*Река Кица-то, она глубока, тиха, леса округ ее стоят дремучи – нечисти в этих местах жить и приятно. Вот поселилась на реки Кицка женка, «командует рыбой»*.

Поселились на Кицкой тони два брата Заборщиковы. Не богаты были братовья, за тоню-то, быват, из последнего заплатили. Только все у них неудача. Кольки разов сети выволакивали – все в них рыба уснувши и быт-то несвежа. Вот как-то вечером выволакивали они харвы. И почудилось им, что под харвами рыба кака-то большуща полыхнулась. Рыба-то рыбой, а голова с волосами, ровно у девки, и руки голы. Ах ты подла! – Это ты, быват, со зла нам всю рыбу портишь… Потужили братовья как ни есть и порешили Кицку женку переупрямить и хорошего лова добиться. Вот в полночь приходят братья на берег, молят, вызывают: «Кажись нам, нечиста сила». А она уж тут как тут, волосы распустила, хвостом хлобыщется, глазища свои бесстыжие так и пялит. «Чаго,– грит,– вам от меня нать...» А Заборщиковы ей и говорят: «Так, мол, и так, твои все это штучки, рыба у нас вся сонна ловится, скажи толком, сделай милость, чего ты от нас хочешь...» А женка Кицка и говорит: «Это я с печали да с горя».– «Како, мол, у тя, у нечистой силы, горе...» – «А то горе,– жонка отвечает,– что давно я человеческого мяса не пробовала. Дайте вы мне,– говорит,– свежей человечинки, так я вас таким уловом порадую – озолотитесь обои с одного вылова». Сказала, хвостом вильнула и была такова. А рыбаки словно ошалевши домой пошли.

Вскоре после этого на Кицком берегу начинают пропадать люди. То парня не доищутся маленького, то девки, то старухи. Люди все дивятся, плачут, а потом как-то странно слух пошел, что людей этих женка Кицка к себе требовала, а то улова всей деревни не будет. В нечистую-то силу у нас вековечно верили. А вот тольки, как именно эти люди исчезли – никто не видел. И стали про пропавших говорить шепотом – «утонули». И ниче более. Боялись об этом громко говорить, как бы нечиста сила не наказала. А только купцы на тех тонях богатели.

Туды к Заборщиковым Абросимовы переехали, за има – Рогозины. Все тем делом семужьим кормились и богатели. Много десятков годов шло. «Дело раскрывается» лишь после того, как чудом выживает брошенный на Кицкой тоне в воду мальчик. Его подбирают и выхаживают монахи с тони Соловецкого монастыря. Он ни имя свое, ни деревню никак вспомнить не мог. Так безвестным у монахов и жил. А пошел в возраст – обет дал за свое чудесно спасение в монастырь постриччись. И так его монахи к своей жизни склонили, что он ни об чем другом и не помышлял. А вот как-то со старцем нечаянно отправился (собирать на чудотворную икону, в том числе в своей бывшей деревне) да мать увидел – враз прочунел, все спомнил, все рассказал, как дело было.

Хотели было начальству жаловаться – да купцы, видно, всем становым и урядникам уши позолотили. Не слышат ничего да и баста. Хотели всем миром с убивцами своей рукой разделаться – монахи отговорили: «Господь,– говорят,– свою милость к младенцу показал, благоговейте перед чудом, а убийц ихняя совесть сама накажет. А вы не троньте: блаженни, мол, милостивии». Так народ их и не тронул.

Только с тех пор люди на Кицком пропадать перестали. А Заборщиковы богатый вклад в Соловецкий монастырь тем годом отправили».

3.3 Традиции

3.3.1 День рыбака

Каждый год во второе воскресенье июля отмечается главный поморский праздник – День рыбака. По сложившейся традиции, все кузомляне и гости села собираются в клубе на праздничное торжество. Под руководством завклуба Заборщиковой Елены Николаевны с участием сельской молодежи, школьников и даже дошколят проходит увлекательный праздничный концерт. Затем накрываются столы, где главное блюдо – сёмга! Её подают в нарезку и запеченную в тесте[102].

Отведали рыбки – нужно попеть песен, чтобы на сердце радость была. И льются волшебные звуки старинных песен про любовь и родное село. Вот, к примеру, одна из старинных кузоменских песен «На берегу сидит девица»:

На берегу сидит девица.
Она шелками, шелками шьёт платок.
Работа чудная такая,
И шёлку ей, шёлку ей не достаёт.
На её счастье парус вьётся –
Корабль на берег, на берег пристаёт.
– «Моряк любезный, нет ли шёлку.
Хотя немного, немного для меня?»
– «Но как для этакой красотки
У меня есть разные, разные шелка.
И есть алый, и есть белый –
Какой угодно, угодно для тебя.»
– «Мне самый лучший, самый белый.
Я для самой, для самой графини шью.»
– «Так не угодно ли подняться
На нашу палубу, палубу мою?»
Она взошла, парус поднялся,
А шкипер шёлку ей, шёлку не дает.
Сам про любовь страны далекой
Он песню чудную, чудную поёт.
Под шум волны, под звуки песни
Она уснула, уснула крепким сном.
А пробудившись, видит море.
Ой, море синее, синее кругом.
– «Моряк, пусти меня на берег,
Мне тошно от волны, волны морской.»
– «Проси что хочешь, но не это –
Мы не расстанемся, не расстанемся с тобой.»
– «Нас три сестры: одна за графом,
Вторая герцова, герцова жена.

[102] Кулебяка

А я всех младше, всех красивей.
Простой морячкой, морячкой быть должна.»
– «Не беспокойся, дорогая,
Оставь печальны, печальные мечты.
Ты не простой морячкой будешь,
А королевой, королевой будешь ты!

Грустная история у этой песни. Жили в Кузомени три сестрицы. Одну выдали за графа, другую – за герцога, а третью, младшенькую, под белыми парусами увез шкипер в далекую Голландию. Недолго красавица жила на чужбине – заболела. Супруг привез жену в Кузомень. Здесь её и похоронили.

3.3.2 Родники

«*Во всех деревнях ключи били. Но особенных было три: Собачий (Варзуга); Кашкаранцы (Крестовый) и Медвежья гора (Кузомень).*

У нас был родник в Медвежьей горе – 45 ключей било. Обкатывались родниковой водой, если кто давал какой-нибудь завет, если он болен. В праздник Тихвинской Божьей Матери ходили на тот ручей. Денежки кидали. Если больному на поправку – вода успокоится, если наоборот – сильней забьет. До полудня раньше ходили. У моей бабушки рука болела. И дедушка сказал: «Если у моей жонки поправится рука, я в Медвежьей горе поставлю крест». Поставил там крест.

Раньше чай пили только из родниковой воды, из колодца воду брали только на стирку. Мы брали не с Медвежьей горы, а поближе – на том же берегу, но у самого моря. Раньше ключи били выше. Мы оба родника чистить ездили селом каждую субботу. Теперь не расчищают – некому. Монетки в оба родника бросали.

С издавна бытуют рассказы, как человек заболевает вследствие неуважительного обращения с водой. Такого человека приходилось лечить специальным образом – «прощать», т. е. просить прощения у воды. При переходе через реку или ручей всегда говорили: «Ручеек-кормилец! Прости и благослови, чем я согрешила». После 6 часов вечера воду из реки не брали, считалось, что в это время вода отдыхает, спит. Ночью из реки брали воду только для лечения, именно «спокойную воду». Водой лечили от болезней, от сглаза, от испуга, психического расстройства. Ее брали из реки с благодарностью, с присказками: «Здравствуй, речка наша мать, дай водички нам набрать[103]».

3.3.3 Ледоход

Когда лед провожали – из ружей стреляли, ну не все стреляли, трое – четверо мужиков. А народ-то весь выбегал на реку. Маленьких нас тащили и обливали водой. Или, кто больной, мылись. Говорили при этом: «*Как ты, кормилица, идешь, так пусть болезнь идет от раба божьего (такого-то)*».

3.3.4 Поморская козуля

Поморы на Севере пекли козуль. Им особенно радовались дети. Хлебные фигурки оленей, коней, тюленей, рыб служили для терчан талисманом (оберегом) от злых сил, недугов и болезней. Хозяюшки оставляли одну-две козули в доме, чтобы Счастье не покинуло его. Берегли их на чистой салфеточке у божницы.

Прост рецепт приготовления теста для козуль: вода, соль да ржаная мука, но таинство каждого компонента бесспорно. Вода – Жизнь, сила, очищение. Мука – Хлеб, здоро-

[103] От Заборщиковой Марии Петровны, 1914 г.р.

вье, богатство. Соль – оберег от нечистой всякости. «На воду, соль и хлеб супостата нет»,– так говаривали. Веря в чудодейственные силы козуль, поморы дарили их, сопровождая особыми словами с назначением. Олени и кони вещали дому богатство в новом году, здоровье каждому от мала до велика. Тюленей, птиц дарили рыбакам, чтобы им сопутствовал богатый улов рыбы в летнюю путину, чтоб море было приветливое, спокойное, а зверя и птицы побольше водилось. Исцеление наступало от двурогого оленя. «Пободать» его рожками больные места и очень поверить в его силу: с постели поднимался неходячий, отступала боль, являлись силы, «ноги и руки слушались», поднималось настроение, хлеб насущный хотелось во рту подержать, а чай слаще меда становился. Невестам и молодым девушкам дарили коней с заплетенной в тройную косичку гривой – как символ Веры, Надежды, Любви».

Козули раньше пекли на Рождество, перед Новым годом, на праздник Коляды. Пекут их сейчас в поморских семьях и на рождение ребенка, на свадьбу, новоселье. Обрядовое печенье на южном побережье Кольского полуострова входило в ритуал народного праздника «Коляда».

Месили тесто, в основном, мужские руки – был в этом особый обряд (ведь «мужской дух отгоняет злые силы от творения теста!»). Лепили их к Рождеству десятками, по нескольку подносов. Вспоминают старые поморы, что некоторых особо искусных мастеров водили из дома в дом лепить козули. Сам факт присутствия фигурок в доме, по преданию далеких предков, магически влиял на настоящую и будущую жизнь людей. Поморы верили, что если они польют на землю воду, то пойдет обильный дождь и не даст погибнуть урожаю, если напекут большое стадо животных из теста,– приумножится количество скота в их дворах, будет больше дичи в лесах».

Тетерка – семейное счастье, любовь, радость в детях.

Медведь – хозяин леса, хозяин жизни.

Нерпа – талисман удачи (охотнику, рыбаку), удача в задуманном деле.

Лиса – природный ум, найдет выход из любой ситуации.

Коровка – здоровье.

Баран – прибыль, богатство.

Всадник на коне – впереди во всех делах.

Олень – главная фигурка – оберег, чтобы счастье и удача не покинули семью.

3.3.5 Полено

Про этот поморский обычай рассказала Конева Лариса Ивановна, которая на открытие заново построенного клуба принесла полено. Полено – не просто дрова, а символ тепла и уюта в доме в холодные зимние вечера. Поэтому поморы, чтобы в доме новосёлов было всегда тепло, несли на новоселье полено или охапку дров.

3.3.6 Крест

Крест – символ спасения, символ самого Спасителя Иисуса Христа. Это была добрая христианская традиция – воздать Богу молитву (с покаянием, просьбой, обетом, хвалой), указать путь (на местности или море), охранять кого-либо, закрепить память о событии или человеке, освятить место или действие поддерживалась нашими дедами многие столетия. В прошлом веке весь Терский берег был усеян крестами.

Огромные кресты мореходы ставили в память товарищей, удач или неудач (а их было немало) и как опознавательный знак. Приметами крестин были барельефы, врезанные медные иконы, навесы для защиты от дождя и снега. Крестовая форма знака и особые приметы каждого позволяли мореходу не только опознать местность, но и определить направление своего пути: поперечина креста всегда на любом берегу была направлена «от ночи на летник», т.е. с севера на юг.

На заглавном листе поморской лоции[104] часто был рисунок креста. На первой странице некоторых лоций была записана молитва, которая свидетельствует о том, что мореходы знали, и какой страдный путь уходят: «Грядем во имя твое, спаситель наш, Иисус Христос, в путь. Благослови творение твое и помилуй; во дни наши, и нощи, и во все часы всю надежду на тебя уповаем, и в бедствиях от морских бурь или от злых людей пошли, господи, святителя своего и скорого помощника Николая-чудотворца на избавление нас грешных. Аминь». Были и краткие молитвы: «Ход наш морской на летню страду долгий, благословения твоего, спаситель, Иисусе Христе, боже наш, просим, на тебя уповаем, да поможешь нам всечасно и не оставишь в бедствиях на волнах морских и пошлешь нам ветры попутные и возвратимся в благополучии и с удачей к крову своему. Аминь» (Лоция Щепетовой). Были и еще короче: «Во имя отца, и сына, и святого духа и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!»[105].

---

[104] См. подпункт 3.1.2.1

[105] Гемп К.П. Поморские лоции и «Книга мореходная» О.А. Двинина // Гемп К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия.– Л., 1980.– С. 3-18.

3.4 Поэзия

Тоска по Родине[106]

Как в преданье старом говорится,
Родится на свете человек –
Звездочка на небе загорится,
Сверху чтоб светить ему весь век.

Звездочка моя зажглась зимою
Высоко над Варзугой-рекой,
А теперь сияет над Княжою,
Охраняя дом мой и покой.

Здесь мой дом, моя семья, работа.
Только иногда тоска найдет –
Побывать на родине охота,
Домик над рекою меня ждет.
Очень в детстве побывать охота
И на русской печке полежать.
С возрастом в руках, ногах ломота,
На печи тепло и благодать.

Снится по ночам, как будто мама
Кулебяки с печки достает.
Родина зовет к себе упрямо,
Жить спокойно сердцу не дает.

Чтобы свое сердце успокоить –
Песни сочинять про край родной,
Чаще навещать и вечно помнить
Отчий дом над Варзугой-рекой.

Пролетела жизнь моя в заботах,
Не считала никогда года.
Думала, что буду молодая,
Старость не догонит никогда.

Стала голова моя седая,
Но душа, как прежде, молода.
Продолжаю жить, не унывая,
Светит в небе мне моя звезда.

Еловый мыс[107]

Между берегом Белого моря
И рекою Варзугой стоит
Кузомень – в песках, поющих с горя,
Место 330 лет хранит.
Кузомень – еловый мыс название,
Только вырубили лес давным-давно.
И текут пески, как в наказание,
С моря на реку и на село.

[106] Панкратова Н.Н.
[107] Панкратова Н.Н.

А когда-то лес вокруг шумел,
Простирался от реки до моря.
Вырубили лес, не уцелел,
И пески гуляют на просторе.
Хоть несет песок в село и реки –
Место, всем открытое ветрам,
Кто родился тут, привязан он навеки
К кузоменским милым берегам.
Кто, впервые увидав пески, вздыхает:
Мол, унылый и запущенный здесь край.
Старожилы ничего не замечают:
Для них родина священна – тихий рай.
Кузомень – еловый мыс название,
В устье реки Варзуги стоит.
Как гласит народное предание,
Каждого своя звезда хранит!

Моя песня о Родине, о море[108]

Лейся, песня моя, на просторе,
Над рекою и морем лети.
Я люблю свое Белое море,
Кузоменские наши пески.
Я люблю свое Белое море,
С детских лет я с ним крепко дружу.
На песках стоит наша деревня,
Своей родиной я дорожу.
Босоногое детство в деревне
Было лучшее в жизни моей.
В Белом море купались и в речке,
Не тянуло до южных морей.
Мы все лето без обуви бегали,
Ноги грели в горячем песке.
Не болели, заботы не ведали.
Лучше не было места нигде.
Была Кузомень очень красивая.
А колхоз назывался «Моряк».
Много было тоней возле моря,
Много рыбы ловилось в сетях.
Летом много работы в колхозе,
Прихватить можно светлую ночь.
Приучили нас с детства к работе –
В сенокосе колхозу помочь.
Сенокос начинали с Петрова дня.
Рыбаки приходили с тоней.
Косы, грабли готовили загодя,
Чтоб работали все веселей.

[108] Панкратова Н.Н.

Очень рано детей поднимали,
Выезжали на пожни с утра.
По росе сенокос начинали,
Днем стояла обычно жара.
Начинали косить старожилы,
Солнце с ветром сушило траву.
Сено дети гребли, ворошили,
На носилках носили к стогу.
После жаркой работы с покоса
Мы купались в обед на реке.
Золотая пора сенокоса
Начиналась с ухи на костре.
Возвращались в деревню под вечер
По реке в карбасах под шум волн.
Всю усталость рукою снимало
В клубе вечером под патефон.
После танцев у моря гуляли –
Летом круглые сутки светло.
Песни пели, шутили, купались,
Летней ночью у моря тепло.

Я люблю свое Белое море,
Я люблю отчий дом над рекой.
Здесь прошли мои детство и юность.
До сих пор нахожу в них покой.
Постарела моя деревенька,
Для меня все равно – край родной.
Тянет летом родная сторонка
Посидеть у окна над рекой.
Как красивы рассветы над Варзугой.
А ночами над Кицей роса.
После дождика – солнышко с радугой.
Ой, какая стоит красота.
Моя песня – о Родине, море,
Сочинила ее для себя.
Если вы с Белым морем знакомы,
Вы поймете, конечно, меня.
Я хочу, чтобы песня летела
И всех, за душу брала она.
В моей песне великая сила:
В кузоменских песках рождена.

Кузомень[109]

Здесь рос когда-то лес густой,
И вековые ели.
Как только зашумит прибой,
Ему в ответ скрипели.
Но время шло. И в этот край
Охотник раз забрался.
Срубил избу, затем сарай –
Навек обосновался!
Не думал он, что вдоль реки
Селенье скоро будет:
Охотники да рыбаки
Леса вокруг разбудят.
Под стук веселых топоров
Ложились ели мягко...
Преград не стало для ветров,
Пополз песок украдкой.
Он много времени лежал,
Укутанный корнями,
Удобный случай «поджидал» –
И тот пришел с годами.
Теперь кругом одни пески
Раскинули владенья.
...Стоит все также вдоль реки
Рыбацкое селенье.

Белое море[110]

Белое море, ты в летние ночи,
Белый в себе небосвод отразив,
Тихую-тихую песню бормочешь –
С детства знакомый ленивый мотив.

Спит, отдыхает стихия морская.
Ветер и тот этой ночью утих.
Парочка, молча обнявшись, шагает.
Смотрит тюлень любопытный на них.

Белое море, ты, в штормы вздыхая,
К берегу гонишь волну за волной.
Чайка, устало вдали пролетая,
Крыльями машет над самой водой.

Ветер обрывками пены играет,
Хлопает дверью на старой тоне.
Тучи, угрюмые тени бросая,

[109] О.А. Абросимов
[110] О.А. Абросимов

Жмутся к песчаной холодной земле.

Белое море, ты зимними днями
Белый наденешь наряд на себя:
Белыми-белыми, белыми льдами
Крепкий мороз заколдует тебя.

Видно поэтому Белым зовется:
Белые ночи и белые льды.
Белая чайка вдали пронесется.
Белый прибой от кипящей воды.

Кузомень[111]

Есть много деревень хороших,
Но мне родней всего одна.
Она, среди песков поющих,
Стоит водой окружена.

Для всех ветров она открыта,
Как души всех живущих в ней.
Людей, которых с каждым годом
Люблю всё крепче, всё сильней.

Перед которыми отступит
Любая страшная беда.
Клянусь Вам, что не позабуду
Свою деревню никогда!

Какой бы ни была разлука –
Я всё равно сюда вернусь.
Скажу деревне, как подруге:
«Люблю тебя, тобой горжусь!»

Есть много деревень хороших,
Но мне родней всего одна.
Названья в мире нет прекрасней,
Зовётся Кузомень она.

На прощание[112]

Пролетело весёлое лето,
В дивном крае полярного дня,
Обращаюсь с прощальным приветом
К вам ко всем и к здешним местам.

Загляделась я в синие дали
Обронила частичку души.
Потому так печально прощанье,
Вспоминаются первые дни.

[111] Д. Кашапов
[112] Автор неизвестен. Текст списан со школьной доски.

Всё что было – неповторимо
Это всё пролетело как миг,
Это в памяти будет хранимо
Очень долго, а может всю жизнь.

Скоро буду в пустом безмолвии
Среди серых коробок-домов
Одиноко ходить по городу,
Вспоминая просторы песков.

И над сизою гладью моря
Как контраст кузоменских песков
Будет сине-бездонное небо
С редким кружевом облаков.

И еще мне не раз будет сниться,
Когда вдруг загрущу одна,
Чьи – то волосы цвета пшеницы
И зелёные чьи – то глаза.

И проснувшись в балдёжном кошмаре,
Я очнусь – это был просто сон.
Это просто осталась память
Может быть поло... мечтой.

4 Достопримечательности

4.1 Белое море

Уж ты, море, море Белое
Море синее, да студеное,
Ты кормилец наш, ты поилец наш,
Ты прими поклон наш,
море Белое,
Ты прими благодать
людей поморских всех.

Белое море было первым морем Северного Ледовитого океана, с которым познакомился русский человек. На его просторы русские мореходы спускались по порожистому Выгу, тихой Нюхче, полноводным Онеге и Двине. От устья одной реки до устья другой «дружились» они к берегу «матерой» вдоль южного, восточного и западного заливов Белого моря. Этот далекий и тяжелый путь шли на веслах и бежали под парусом. Издавна известна поморская поговорка: «На море тихо – не лихо, да гребля лиха». При ветре, под парусом путь одолевали легче и быстрее, но не каждый ветерок помогает, вот во время гребли и приговаривал мореход: «Припади-ко ветерок, да не порато поркой, да не покосной».

Эти поговорки, как «досюльные», т. е. стародавние, помнят теперь только старые поморы Мурманского и Беломорских берегов, а молодёжь подзабывать их стала – ходят на моторных лодках, да и рейсовые пароходы между населенными пунктами ходят чаще[113].

Поморская пословица гласит: «Море – наше поле». Вся жизнь поморов была связана с морем. Морем привозили товары, море давало пищу, одежду, достаток в доме. Море дарило жизнь, но оно же и отнимало ее. Было то добрым, то грозным и коварным.

«Море лосеет, всхохлилось... воды заболели, зажили, взошли...» – пожалуй, только жители Беломорья говорят о нем так, словно это живое существо.

[113] Гемп К.П. Поморские лоции и «Книга мореходная» О.А. Двинина // Гемп К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия.– Л., 1980.– С. 3-18.

У западных картографов с древних времен насчитывалось до 15 различных названий Белого моря. Русские вышли на берег Северного Ледовитого океана впервые еще в X веке. Славянские народы север обозначали белым, а юг – синим цветом. Можно предположить, что, согласно цветовой символике, Белое море – это Северное море. В новгородских грамотах 1296-1466 годов Белое море называлось просто Море, а в «жалованной грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю на Соловецкие и другие острова» (1459-1469 годы) оно указывалось как Море-Окиян.

На карте Птолемея залив Ледовитого океана, соответствующий по координатам Белому морю, назван Спокойным морем.

В 1516 году у западных картографов Белое море отмечалось как «Белое озеро». Поморы, а за ними древние летописцы, Белое и Баренцево моря именовали Студеным, но только в конце XVI века это название закрепилось только за Баренцевым, так как Белое море, на карте Петра Планция, с 1592 года стало обозначаться Белым.

«Белое место» – «земля, не облагаемая феодальными поборами», а «беловодье» – никем не заселенная, вольная земля»[114]. Таким образом, в русском языке, благодаря походам новгородцев, могло и возникнуть название «Белое море» в смысле «Свободное море». Границей Белого моря считается линия между мысами Святой Нос (Кольский полуостров) и Канин Нос (Канин полуостров). Наволок Святой Нос – как протянутый меч в древнем споре – лег между Белым и Баренцевым морями. А вода между этих морей бурно перемешивается в неистовом сулое. Сулойское течение возникает на большом перепаде глубин, никогда здесь море не бывает спокойным, от века – гиблое место.

Существует также мнение, что море назвали Белым англичане, пришедшие впервые в это море в мае 1553 года. Их поразил белый цвет берегов, еще покрытых снегом. В конце XVI- начале XVII веков Швеция заключила с Россией Столбовой мир. В специальном «разъяснении» оговорены были «условия ловли рыбы» в Северском море. Финны в XVI веке именовали Белое море Западным.

«Книга Большому чертежу» (1627 года) называет наше море Соловецкое.

Гандвик – «колдовской залив», одно из древнескандинавских названий Белого моря.

4.2 Мыс Корабль

Одним из интереснейших мест на Терском берегу является знаменитая скала Корабль, расположенная между Кузоменью и Кашкаранцами. Поморы уверяли, что издали, если смотреть на мыс с берега моря при отливе, она имеет сходство со старинным парусником, потерпевшем крушение. Известность мысу Корабль принес аметист – один из самых ценных и почитаемых камней древности. Легенда гласит, что очаровательная юная Аметис (Аметио), одна из нимф и спутниц Артемиды, отвергнув любовь бога вина и веселья Диониса, спасается бегством от навязчивых преследований хмельного гуляки. Настигнутая разъяренным от вина и страсти Дионисом, она взывает о помощи к своей покровительнице – богине охоты и целомудрия Артемиде, и та превращает ее в камень. Ди-

[114] По В.И. Далю

онис предпринял попытку оживить Аметис, брызнув на окаменевшее тело виноградным вином, но камень остался мертвым, только стал багряно-фиолетовым и таиственно мерцающим. С тех пор и повелось считать, что аметист воплотил в себе, помимо внешней красоты, еще и внутреннюю, строгость нравов, благочестие и вечную верность.

Аметист является любимым и каноническим камнем всех христианских церквей. Он упомянут в Исходе как один из двенадцати священных камней на наперстнике первосвященника Аарона. Считается, что это камень смирения, набожности, философского созерцания и предвидения, строгости в жизни. Его называют «апостольский, епископский, пастырский», а на Руси – «архиерейский камень» и используют для украшения предметов религиозного культа – алтарей, окладов икон и церковных книг.

В средневековой Европе фиолетовый самоцвет был необходимым украшением богатых вельмож и вплоть до XVII века не уступал по стоимости бриллианту, а на Руси до конца XVIII века красноватая разновидность аметиста «вареник» или «аметис» ценилась дороже рубина. Ювелиры всех стран охотно использовали этот драгоценный камень: корона царицы Ирины Годуновой украшена аметистами густо – фиолетового цвета, чередующимися сапфирами; в Эрмитаже можно полюбоваться резными камеями с изображениями Геркулеса и головы Минервы; в Оружейной палате Московского Кремля – обрамлением из аметистов в переплете «Морозовского евангелия» и окладах икон «Вседержитель» 1648 года и «Смоленская богоматерь» примерно того же периода.

Можно предположить, что эти аметисты с Мыса Корабль, потому что его стали использовать в ювелирных украшениях примерно с XVI века. Это был единственный источник отечественного аметиста до конца XVIII века, вплоть до открытия уральских месторождений.

Слава месторождения мыса Корабль восходит корнями к самому началу освоения и колонизации Терского Наволока (Кольского полуострова). Первые упоминания об аметисте из этих мест появляются уже с XVI века. Добыча щеток и кристаллов велась старателями из числа поморов и монахов преимущественно в зимнее время, в период межсезонья путины. В настоящее время эти разработки, которым не меньше 200-300 лет, можно определить по траншеям, расположенных в лесу, засыпанных песком и отвалами.

В архиве Соловецкого монастыря, которому принадлежали эти земли, никаких данных не сохранилось. Весь этот район принадлежит аметистам – разновидности кварца, окрашенного солями алюминия в фиолетовый цвет. В этом районе красный терский песчаник разбит множеством мелких и крупных трещин, по которым в отдаленные геологические эпохи не раз и не два поднимались холодные и горячие растворы. Они застывали, кристаллизовались, становились минералами, которые нарастали друг на друга, образуя причудливые сочетания, и теперь весь этот район представляет собой своего рода минералогический музей, где главное место принадлежит аметистам, которых здесь насчитали до 96 разновидностей – от бесцветных, чуть зеленоватых кристаллов, через различные оттенки лилового, дымчатого до черного мориона. Месторождение это уникально, другого такого нет во всем мире.

В 50-60 годах двадцатого столетия ленинградские геологи начали промышленную добычу аметистовых щеток на мысе Корабль. Красные песчаники очень тверды – ни зубилом, ни ломом их не возьмешь. Приходилось пользоваться взрывчаткой. Гремел взрыв – и куски аметистовой жилы летели в воздух, падая далеко от месторождения и даже в море. После взрывов образовывались целые груды отвалов. Взрывной метод добычи аметистов

привел к тому, что 80 % аметистовых щеток было уничтожено, а забракованные и малоценные остались валяться в отвалах.

Ручей, который впадает в Белое море рядом с бывшим лагерем геологов, носит название Лодочный. Огромный камень отсюда, усыпанный множеством красивейших сверкающих кристаллов, выставлен на первом этаже областного краеведческого музея в городе Мурманске. Решением мурманского облисполкома в январе 1986 года аметисты мыса Корабль объявлены памятником природы. Только жаль, что памятником мыс объявлен тогда, когда аметистов там не стало – жила давно выработана.

С точки зрения геологии, месторождение «Мыс Корабль» залегает в рифейских красноцветных песчаниках, образовавшихся в условиях мелководных бассейнов около одного миллиарда лет назад. Напоминанием о тех далеких временах в некоторых местах остались следы, обнажающиеся на поверхности песчаника в виде окаменелых «знаков ряби» – волн, застывших на сотни миллионов лет; диагенетические пятнистые текстуры – и все это можно встретить среди кузоменских песков[115].

4.3 Морошка

Испокон веков на Руси морошку, свежую и моченую, подавали к царскому столу как самую ценную северную ягоду. На Севере ее и сейчас называют Царской ягодой.

В дореволюционной России морошка была известна повсеместно. Большой популярностью пользовались морошковые квасы и морсы. В скандинавских странах по сей день морошку приравнивают по ценности к золоту.

Морошка – это кладезь полезных качеств и целебных свойств. В плодах морошки содержатся белки, сахара, пектиновые вещества, клетчатка, органические кислоты (аскорбиновая, янтарная, лимонная, салициловая, яблочная), антоцианы, дубильные вещества, фитонциды. Кроме того, морошка богата микроэлементами, особенно кроветворного ряда магний, калия, железо, алюминий, фосфор, кобальт, кремний и витаминами С, В1, В3, РР, А. Масло семян морошки содержит большое количество натуральных активных компонентов, самыми ценными из которых являются антиоксиданты и жирные кислоты (омега-6, омега-3, витамин Е).

Витамина С в морошке содержится в 4 раза больше, чем в апельсине. По содержанию провитамина А морошка превосходит морковь. Поскольку в морошке много калия, она способствует защите от онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний.

На Севере говорят: «Морошку запасать – болезней не знать!» Список болезней, в лечении которых применяют морошку, огромен. Морошка хороша в диетическом и лечебном питании. Ягоды морошки обладают противомикробным, потогонным, вяжущим, кровоостанавливающим, спазмолитическим действиями. Корни и листья морошки применяют как мочегонное средство, при почечнокаменной болезни, авитаминозе, нарушении обмена веществ, от простуды и цинги.

[115] Терский район. Памятники природы и достопримечательности Мурманской области

Не зря вкус северной ягоды ценили при дворе в Петербурге. «Высылать ежегодно… к Высочайшему столу Ея императорского величества… до 40 ведер морошки в бочонках»,– получил распоряжение из Петербурга архангельский губернатор, в ведении которого находился Кольский полуостров.

– Бочку моченой морошки надо взять, как крест на груди,– говаривали в старину поморы, сравнивая целебные свойства этой ягоды с защитой высших сил. Без нее «цинга одолеет насмерть»,– считали они. И Александр Сергеевич Пушкин, видимо разделяя точку зрения поморов, умирая, просил принести ему моченой морошки.

Изображение морошки присутствует на финских монетах номиналом в 2 евро.

Для того, чтобы сохранить чудо-ягоду в натуральном виде, надо засыпать спелую ягоду в стеклянные банки, послойно пересыпать ее сахаром, оставить на три дня, а потом на холод. Начинаешь выкладывать морошку – и видишь, что формы ни одна ягодка не теряет. Прекрасно сохраняется спелая морошка, залитая родниковой водой.

Самый древний способ хранения морошки приведен в книге Иоганна Шеффера, написавшего о Лапландии 300 лет назад. В рукописи говорится, что саами варят морошку на медленном огне. Полученным соком, добавив немного соли, заливают спелые ягоды. Если эту смесь залить в берестяной сосуд и закопать в землю, то морошка сохраняется до весны свежая, словно только что собранная.

Кроме морошки, в лесу собирают голубику, чернику, бруснику, красную смородину, малину, воронику.

4.4 Жемчуг

Жемчуг – органогенное образование, возникающее в мантии некоторых пресноводных и морских двустворчатых моллюсков. Состоит из углекислого кальция с примесью других веществ. Кроме обычных – белых с перламутровым блеском, встречаются жемчужины розового и даже черного цвета.

Жемчуг, украшавший парадное платье Ивана Грозного, которое хранится в Грановитой палате в Кремле, привезен из Варзуги. Отделка окладов икон Соловецкого монастыря и сельских храмов Терского берега также не обходилась без варзугского жемчуга. Существовала классификация жемчуга: «Скатный» – круглый (катается по блюдечку во все стороны); «бочечка» и «плашка» – соответствующей формы. «Плашек» больше попадало, плоских жемчужин. Украшения с отделкой из жемчуга на Кольском севере были широко распространены. Женщины, даже небогатые, носили в праздники головные уборы, унизанные местным жемчугом.

В наше время жемчужный промысел запрещен полностью, а речная жемчужница занесена в Международную Красную книгу и Красную книгу России.

В первой статье «устава сельского хозяйства» указано время лова жемчуга: «ловить жемчуг с половины июля до половины августа» (ст. 1055). Между тем, ловля жемчуга в реках Кольского полуострова в пределах Терского берега: Варзуге и ее притоках Пане и Кице; Муне – притоке реки Умбы – и некоторых других производится сплошь все лето со спада вешней воды и до наступления осени.

Ст. 1056. Жемчуг отыскивать в реках, имеющих чистую свежую воду, и где в особенности пескари, уклейки и форели водятся.

Примечание. В таковых реках жемчужные раковины имеют гнезда на дне в ямах, где много песку и хряща, в который они глубоко зарываются. Лучший жемчуг водится в тех раковинах, которые при солнечном свете видятся в воде раскрыты. Ловцы втыкают в раковины соломинки или тонкие прутики и, когда раковины замкнутся, то посредством соломинки или прутиков оныя из воды вытаскивают.

Ст. 057. При ловле жемчужных раковин должно различать самцов от самок: раковины первых бывают тверже и шероховатее, а последних глаже и мягче. Раковины самцов надлежит не взламывая опускать осторожно назад в воду, ибо в оных жемчуга никогда не содержится.

Такова теория ловли жемчуга, выраженная в категорических велениях закона. А практика показывает, что ловят жемчуг саками, щипцами и т.д., ловят каждую раковину, имевшую несчастье попасться в глаза промышленнику, причем каждый ловец в лето поднимет из воды не одну, быть может, даже десяток тысяч раковин. «Вызнявь ракушку», как здесь говорят, обратно в воду ея не опускают, а выкладывают дня на три на солнцепек, пока она не скиснет, и уже только тогда начинают вскрывать, причем случается у неопытных промышленников, что из тысячи вынутых из воды раковин жемчужина попадет только в одной, хотя в то же время есть и такие (их немного) специалисты, которые не вынут почти ни одной пустой, без жемчуга раковины.

Ст. 1059. «Промышленники должны оставлять в реках некоторые места, не вынимая из оныхъ раковинъ, дабы последние вовсе не переводились».

Ст. 1060 указывает, что «из раковин вынимать должно один только спелый жемчуг».

Ловля жемчугом является для местного населения хорошим подсобным заработком, особенно, если цены на жемчуг, вообще подверженные частым и сильным колебаниям, стоят высокие, например, летом минувшего 1913 года жители села Варзуги, которые одни только и занимаются здесь этим промыслом, выручили от продажи 10-12 тысяч рублей. Легкость и выгодность промысла привели к тому, что ловлей жемчуга занимается всякий, кому не лень, и это обилие промышленников сказалось на объекте промысла – число жемчужных раковин сильно сократилось»[116].

Через сто лет мы можем смело говорить, что от жемчужного промысла остались одни воспоминания. А ведь северные жемчужины были богаты разными цветами и оттенками: от серебристо-розового до угольно-черного. В 1867 году уникальная коллекция варзугского жемчуга получила признание на всемирной выставке в Париже. Жемчуг был самым древним и излюбленным украшением русских людей. Им украшались: головные уборы, оплечья великих князей, запястья и кокошники их жен, оклады образов, церковные ризы. Искусно отделывали жемчугом свои наряды и поморки: нагрудники праздничных сарафанов, вороты платьев, повойники (головной убор замужней поморки).

Сохранился старинный повойник, принадлежащий Вопияшиной Пелагее Кандидовне. Он расшит золотыми и серебряными нитями, украшен тремя жемчужинами.

[116] Ан. Поповъ

5 Поморы

Кузомень – родина многих известных поморов, прославивших Русский север: рыбаков, мореходов, писателей, сказительниц, ученых, политиков.

Двинин Павел Александрович – бывший Кузоменский рыбак, стал крупным научным сотрудником.

Двинин Павел Матвеевич – один из руководителей экскурсионного бюро г. Ленинграда.

Корехов Павел Петрович и Рогозин Афанасий Михайлович – известные на Мурмане капитаны.

Двинина Галина Александровна (1915 г.р.) – заслуженная учительница «Отличник народного просвещения».

Двинин Евгений Александрович – краевед, писатель.

Двинин Парфений Иванович – участник 1 мировой войны, награжден Георгиевским крестом.

Плотников Яков Федорович – участник русско-японской войны 1904-1905 годов, награжден темно-бронзовой медалью[117].

Абакумов Александр Петрович – Указом Президиума Верховного Совета СССР 13 апреля 1963 года награжден Орденом «Знак почета», бригадир колхоза «Всходы коммунизма».

5.1 Богданова (Скворцова) Анна Александровна (13.08.1925-23.04.1978)

В 1925 году в селе Конечное Вологодской области, в крестьянской семье Скворцова Александра Степановича и Ольги Александровны родилась дочь Анна. Через некоторое время родились еще две дочери, Вера с Надеждой, и сын Александр.

В 1941 году Анна Александровна закончила школу и поступила в Череповецкий техникум. Закончила его, получив специальность техника-механика автотранспортного дела. Стала работать, но работа по специальности не нравилась. В 1945 году поступила в Череповецкий учительский институт. Она стала учителем истории, закончив институт в 1947 году. Судьба забросила молодую учительницу на Север. Направили работать в Колу, в школу рабочей молодежи, а через год – в Кузоменскую среднюю школу.

Кузомень... С этим селом связана вся жизнь Анны Александровны. Здесь она вышла замуж за местного парня, симпатичного, улыбчивого и очень стеснительного. Богданов Дмитрий Дмитриевич был из семьи потомственных рыбаков, выбрал в жизни совсем другую профессию. Его тянуло к технике. Со школы увлекся радиоделом, позднее изучил киноустановку, и после школы работал киномехаником, а потом связистом.

Дмитрий и Анна полюбили друг друга. Свадьбу гуляли всем селом. Вскоре молодая семья пополнилась. Сына назвали Сашей. Потом родился Павлик. Молодые родители не могли нарадоваться на сыновей. Но счастье оказалось недолгим. Дмитрий Дмитриевич трагически погиб летом 1953 года, когда ехал в отпуск, встретившись в поезде с бандитами.

В 1960 году Анна Александровна заочно закончила Ленинградский пединститут им. А.И. Герцена, а в 1964 году ее назначили директором школы. Устроилась семейная жизнь. Анна Александровна вышла замуж за фельдшера Ашкина Ивана Петровича, который один растил дочь. В 1962 году у них родился сын Петр, а через некоторое время – второй, Леня.

Учились дети хорошо. Все получили среднее и высшее образование. Их успехам радовались родители, гордились ими. Сами тоже старались не ударить в грязь лицом. Ан-

[117] Фонд Ф-1И, дело 136

ну Александровну, как отличного работника просвещения, не раз отмечали наградами: в 1967 году – Почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР, а в 1976 году указом Президиума ВС СССР – орденом «Знак почета». 23 апреля 1978 года не стало Анны Александровны, она трагически погибла. Стоит среди бегущих дюн невысокий обелиск, который напоминает всем нам о добром и хорошем человеке[118].

5.2 Богданов Павел Дмитриевич (01.02.1953-17.08.1990)

Павел родился в семье Богданова Дмитрия Дмитриевича и Анны Александровны. Рос скромным пареньком. В компании сверстников держался просто, был немногословен. Учился Павел хорошо. Иначе нельзя – положение обязывало. Мама директор школы, разве мог сын в чем-то ее подвести? Авторитет мамы слегка подавлял его мальчишеские эмоции. Но наедине с собой Павел давал волю своим чувствам. Он мечтал. Мечтал о небе. Недалеко за селом среди песчаных барханов во время войны упал самолет. Там, около разрушенных временем и полузанесенных песком его останков, собирались пацаны. Кто готовился к экзаменам, кто просто загорал. Распластавшись на горячем песке и раскинув руки, можно было долго наблюдать парящих в небе чаек. О чем тогда думал Павел, глядя в синее бездонное небо? О полете? О том, как его самолет парит, подобно чайке, в этом безбрежном океане?

Его мечта осуществилась. Он окончил летное училище в Сасове Рязанской области. Молодой пилот Павел Богданов был направлен на работу в Мурмаши.

В авиаотряде старшим наставником Павла стал Иван Данилович Акимушкин. И вот полеты на Терский берег стали регулярными. Младший брат Леня хотел быть похожим на него. Он всякий раз прибегал к самолету, когда прилетал Павел. Однажды И.Д. Акимушкин сказал Лене: «А ну-ка, садись! Прокатим его, Павел?» И Леню посадили за штурвал. Старший брат, улыбаясь, стоял сзади и смотрел, как брат «ведет» самолет. Сколько потом было восторгов дома! Не осуществилась мечта Лени стать летчиком – подвело зрение.

Было в жизни Павла много хорошего, но судьба обошлась с ним сурово. Над ним висел какой-то жестокий рок, а счастье оказалось кратким мигом, похожим на полет падающей звезды. Так уж вышло, что, едва начав жизнь, он и его старший брат Саша потеряли отца. Эта трагическая потеря была лишь началом цепи несчастий в жизни Павла.

Двадцать пять лет – время цветущей юности, время буйства молодых сил. Именно тогда произошла еще одна трагедия, которая надолго омрачила жизнь Павла. В апреле 1978 года не стало мамы, Анны Александровны. Для Павла мама была самым близким человеком, и вот ее не стало. Какое-то время Павел еще летал по прежнему маршруту на Терский берег. Но, видимо, невмоготу было пролетать над родной Кузоменью, над тем местом, где потерялась его мама. А тут подвернулся случай: предложили переучиться и летать на вертолете. И он согласился. Снова стал летать, но маршруты были другие. Приходилось летать на Диксон, сопровождая ледоколы. Летал на разведку ледовой обстановки.

17 августа 1990 года вертолет Павла Дмитриевича летел из Ловозера и неожиданно потерпел катастрофу. Погибли все. Эхо взрыва едва ли всколыхнуло безбрежный воздушный океан. Океан, хозяином которого был Павел. И он ушел от нас, словно маленькая яркая звездочка, украшавшая небо, которая сорвалась и упала на землю[119].

5.3 Богданова (Хуснутдинова) Ольга Дмитриевна

Ольга Дмитриевна была родной сестрой Богданова Дмитрия Дмитриевича. Самобытный поморский говор впитала она с молоком матери в раннем детстве. Позже, закончив учительский институт и работая в школе, читая ребятам поморские сказки и были, вспоминала она свое детство, маму, бабушку, и будто вновь слышала их родные голоса.

---

[118] «Терский берег» 12 июля 2000 года, Кушков Н. Кузоменская учительница

[119] «Терский берег» 25 августа 1999 года. Н. Кушков. Полет падающей звезды.

Ольга Дмитриевна была хранительницей поморского фольклора, знала множество поморских песен, былин, сказаний, речений. К любому событию в жизни находила она добрую поморскую присказку, меткое, мудрое слово.

Ольга Дмитриевна была участницей художественной самодеятельности города Кандалакши, где она проживала. За ее плечами – больше сотни выступлений на праздниках и торжествах в клубах и школах, воинских частях и детских садах. Как на свидание, с волнением и трепетом, наряжалась она в поморский костюм. Выходила на сцену горделивой походкой в длинном малиновом сарафане, отделанном черными кружевами, фартуке, повойнике и повязке, расшитой бисером, с шалью на плечах. Наша землячка – лауреат II Всесоюзного фестиваля народного творчества, победитель областного смотра-конкурса, лауреат Всероссийского праздника поэзии в г. Калинине.

«Храните такой удивительный говор!» – писали Ольге Дмитриевне из Москвы работники Гостелерадио, снимавшие передачу с ее участием. И болгарские корреспонденты из журнала «Дружба» специально приезжали в Кандалакшу для того, чтобы рассказать про нее читателям журнала.

Проверена годами дружба Ольги Дмитриевны с Натальей Колпаковой – известным ученым-этнографом и писателем, автором книги «Терский берег» и многочисленных статей о культуре нашего края. Любовь к Беломорью, его людям и неповторимому устному народному творчеству поморов многие годы питает души этих женщин. Одна – в книжках своих, другая – в выступлениях, шуткой-прибауткой, пословицей иль поговоркой, сказкой иль былью одаривают людей.

Мудрый поморский наказ из уст Ольги Дмитриевны:

Затепли свечу воску ярого,
Вспомни жизнь земную покинувших,
След-завет нам оставивших...
Послужи Родине трудом ратным,
Озари ее светом разума,
Возвеличь ее сердцем добрым.
Оставь ей потомков рачительных,
Воспой ее словом верным!
Это Родине – благодарность твоя,
Счастье твое, награда тебе[120].

5.4 Богданов Валентин Владимирович (24.11.1929-20.04.2009)

Богданов (Гусев) Валентин Владимирович (Иванович) родился в поселке Кереть (Чупа) Карельской АССР третьим ребенком в семье Гусева Ивана и Марии Матвеевны. Вскоре после родов умирает мать и трагически погибает отец. Двух старших детей (Анатолия и Людмилу) отдают в детский дом, а годовалого Валентина забирает в Кузомень родная тетка по материнской линии – Фелицата.

Бездетные Богданов Владимир Степанович и Фелицата дали Валентину не только свою фамилию и отчество, но и воспитали как родного сына. Валентин Владимирович получил семиклассное образование, поступил в мореходное училище, но на третьем курсе по медпоказаниям был отчислен. Вернулся в Кузомень, и с 1943 года до пенсии добросовестно трудился в родном колхозе рыбаком. Родной брат Валентина – Гусев Анатолий Иванович – погиб во время Великой Отечественной войны, похоронен в деревне Назимово.

12 января 1958 года состоялось бракосочетание Валентина Владимировича с Котловой Феклой Кировной из Тетрино. Котлова Фекла Кировна (1926 г.р.) семнадцатилетней девушкой пришла она в родной колхоз «Терский рыбак» и проработала до 1958 года. За доблестный труд была удостоена медали ВСХВ.

---

[120] Л. Панова. «Терский коммунист» 27.06.1989 года.

Свидетельство Г № 127410

Котлова Фекла Кировна, повар РС №5236 колхоза «Терский рыбак» Терского района, является участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1957 года и награждена медалью участника ВСХВ.

Москва, 12 июля 1957 года

В Кузомени Фекла Кировна работала прачкой, потом санитаркой в Кузоменской сельской больнице до 1974 года. Больницу закрыли, и тогда она пошла работать в рыбкоп на пекарню. Кормила нас очень вкусным хлебом. И здесь ее труд был отмечен медалью.

За многолетний добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета СССР решением исполкома Мурманского областного Совета народных депутатов от 14 апреля 1982 года награждена медалью «Ветеран труда».

5.5 Богданов Федор Васильевич (01.05.1904-07.04.1963)

Среди бывших крестьян Соловецкой вотчины, поселившиеся в 1799 году в Кузомени, был Богданов Василий с шестнадцатилетним сыном Андреем. В 1806 году у Андрея родился сын Терентий, в 1834 году – внук Ефим, а у правнука Василия Ефимовича в 1904 году появился на свет сын Федор. В многодетной семье Василия Ефимовича и Ирины Алексеевны Федор был четвертым ребенком.

В 1904 году умер Богданов Василий Ефимович, и все заботы легли на плечи Ирины Алексеевны. Федор школу посещал не более месяца, некогда – нужно было помогать матери по хозяйству. До войны работал в родном колхозе рыбаком. В июне 1941 года, как и многие селяне, ушел на фронт. Но в этом же году, получив тяжелое ранение, был комиссован из армии. Одно время работал кладовщиком в рыбкоопе, потом в колхозе – рыбаком. Был бригадиром рыболовецкой бригады, ходил на зверобойный промысел на Мурманский берег.

В 1928 году Федор Васильевич женился на кареглазой красавице Мошниковой Серафиме Прокопьевне из Варзуги. Родились дети: Анатолий, Леонид, Галина, Иван, Евгений, Людмила, Лилия, Нина, Тамара, Татьяна. Было две двойни. Серафима Прокопьевна была награждена орденом «Материнская слава», любила читать Библию. Семья большая, детей много – всех надо накормить, обуть, одеть. Держали овец, корову, оленей. Старшие сыновья, Анатолий и Иван, помогали отцу шить карбаса, мастерить сани. Ушатами заготавливали грибы, ягоды.

В настоящее время в селе проживают дочери, внуки и правнуки Федора Васильевича и Серафимы Прокопьевны. Их внуки и правнуки свято чтут поморские традиции: во время хорошего лова рыбы ею от всей души угощают односельчанам. Только истинные поморы-рыбаки сумели сохранить эту древнюю традицию. Низкий им поклон!

5.6 Двинин Евгений Александрович (1906-1965)

Евгений Александрович Двинин – человек, с чьим именем связана хрущевская «оттепель» в краеведении, автор замечательных книг по истории Кольского Заполярья и художественных произведений, один из основателей мурманского телевидения.

Родился он в Кузомени в семье рыбака. У его матери Анны Яковлевны и отца Александра Павловича, кроме Евгения, родилось еще 6 детей. Но это не помешало каждому из них найти свою дорогу в жизни. Его отец, Александр Павлович, стал завхозом первой в селе коммуны, затем бригадиром первой на селе рыболовецкой артели. Так как родители большое внимание уделяли образованию своих детей, они легко и с удовольствием учились. Самым любимым их занятием было чтение.

Не был исключением и старший брат – Евгений (Еня, как ласково называли его родные и близкие), пошедший в школу с 6 лет. С этого момента мальчик старательно по-

стигал азы наук, а оценка «отлично» никогда не оставляла его – где бы ни учился Евгений Александрович. Тяга к перу, желание поделиться своими мыслями остались у него до конца дней. Он всегда находил возможность и время писать. И вместе с тем, Евгений Александрович очень любил родной край – его людей и природу, особенности быта и жизни в нелегких условиях Севера, его историю.

Уже в 1933 году в Москве выходит его очерк «Колхозы Мурманского побережья». С той первой работы и можно вести отчет его серьезной краеведческой работы. Позже Двинин добровольцем отправится на Великую Отечественную войну. В августе 1941 года в боях под Кестеньгой был тяжело ранен. После выздоровления работал в армейской газете «Часовой Севера». За образцовое выполнение заданий командования в 1942 году награжден орденом Красной Звезды. В последующие годы работал сотрудником газет Сталинградского и Киевского военных округов.

Демобилизовавшись в 1946 году, учился в Высшей партийной школе и одновременно на заочном отделении Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. Вернувшись в Мурманск, работал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Мурманского горкома партии, директором областного краеведческого музея (1951-1953 годы), заместителем начальника управления культуры облисполкома, с 1954 по 1958 год возглавлял областной комитет по радиовещанию и телевидению. Все эти годы он оставался верен своему любимому делу – краеведению. Из-под его пера выйдут очерки и добротные книги: «По родному краю» (1952 год), «Край, в котором мы живем» (1959 год), «Порт четырех морей», «Отчий дом», статья о Мурманской области в Большой Советской Энциклопедии и т.д.

В архиве Двинина Е.А. находится рукопись неоконченного рассказа «У синего моря»; письма от друга и писателя Решетова; от учеников Кузоменской средней школы с просьбой прислать воспоминания о ней к 100-летнему юбилею школы и письмо от известной писательницы Веры Кетлинской.

В своем письме В. Кетлинская благодарит Двинина за его творчество, за то, что он «не повторил за некоторыми историками ложь» про ее отца. Отец Веры Кетлинской – адмирал К.Ф. Кетлинский, будучи в 1917-1918 годах главным начальником Мурманского укрепленного района, являлся одним из основных участников событий революции на Мурмане. Сталинская историография относила Кетлинского к числу контрреволюционеров. Е.А. Двинин же отказался упоминать его в своих произведениях как врага народа[121].

5.7 Двинин Осип Дмитриевич (1876-1924)

У каждого времени – свои типы людей. Начало 20-го столетия в России ознаменовалось революционными потрясениями. Политические ссыльные – социал-демократы и эсеры появились в Кузомени в 1903-1904 годах. Это ткач Бугров, столяр Федор Пахомов, слесарь Петр Гусев, врач Иван Савин, учитель Александр Лукин и др.

В 1905 году в Кузомени возник тайный социал-демократический кружок. В октябре 1905 года политические ссыльные были амнистированы и уехали из села. Наставником сельской молодежи стал учитель Кузоменской школы Антон Андреевич Витюгов.

Наиболее рьяным борцом за «светлое будущее» среди кузомлян был крестьянин Осип Двинин. По имущественному состоянию его нельзя считать бедняком. В 1907 году он имел промысловый карбас, 5 завесок (снастей для лова семги), получил дохода от рыбного промысла 260 рублей. Семья его состояла из жены и малолетней дочери. По описи 1912 года чистый доход от лова семги указан в размере 250 руб. и от заработка на лесопильном заводе 125 руб. Скота он имел 1 корову и 2 овцы.

В декабре 1904 года, когда крестьяне избрали О. Двинина десятским (ответственным за порядок по 10 домохозяйствам), чиновник по крестьянским делам Николай Раевский на предоставленном ему списке избранных сделал надпись: «*О. Двинин заведомо*

[121] Ушаковские чтения 2004 г. И.Н. Лисовская

пьяница и какой из него будет десятской?» Среди сельских «кружковцев» О. Двинин выделялся резкостью суждений.

В январе 1907 года за разбойные действия на пристава Каняева был арестован и направлен в Кемскую тюрьму. После победы советской власти О.Д. Двинин стал первым председателем Кузоменского волисполкома. В 1917 году находился в районе Кандалакши на железной дороге, являлся «активистом Совета», затем был арестован белогвардейцами и направлен в Печенгскую тюрьму, где умер в 1924 году.

5.8 Двинина Нина Тихоновна (1921-2000)

Нина Тихоновна родилась в поморской семье Богданова Тихона Ивановича и Татьяны Филипповны. Была старшей в семье, кроме нее было еще пятеро детей. Закончила четыре класса, так как после смерти отца надо было помогать матери поднимать младших. Во время войны была направлена в Колу на курсы трактористов. После того, как мужчины-трактористы ушли на фронт, Нина села на трактор и стала первой женщиной-трактористкой на Терском берегу. В 1947 году вышла замуж за земляка Двинина Семена Степановича, пришедшего с фронта. Через год родился единственный сын Николай. Нина Тихоновна работала в колхозе «Моряк», затем после объединения в колхозе «Всходы коммунизма» трактористкой, затем, когда в село пришло электричество – на дизельной станции. Была депутатом районного совета. Является заслуженным колхозником, ударником социалистического труда.

5.9 Двинин Семен Степанович (1909 - ?)

Семен Степанович воевал в пехоте, награжден орденом Красной Звезды. В первые дни войны был ранен. Да как! Стрелял в него снайпер, и пуля прошла навылет в двух миллиметрах от сердца.

– Счастливый ты,– сказал ему тогда доктор,– долго, значит, жить будешь, раз смерть через тебя прошла и не оглянулась.

В мирное время Семен Степанович работал председателем колхоза «Моряк». Бывший председатель колхоза рассказывал, что колхоз давал 100 тонн сена, картофеля до 40 тонн, турнепс, репу, капусту.

5.10 Заборщикова (Абросимова) Анфиса Николаевна

...Удивительное кладбище в Кузомени. Огромные кресты, врытые в песок – без могильных холмиков, их ветер с моря выдувает. И среди крестов – женская фигурка, выбитая из камня. И имя на постаменте – Эмилия. Странное имя для этих мест. Эмилия была норвежкой. Купец Алексей Петрович Заборщиков, дедушка Анфисы Николаевны, ездил в XIX веке в Норвегию, семгу норвегам продавал. И привез оттуда красавицу-жену.

Родила она ему дочь, и при родах умерла. Поставили этот памятник родители норвежки, а внучку увезли. Позже Алексей Петрович женился, и было у него три сына: Александр (1847 год), Николай (1883 год) и Семен (1886 год). Семья жила богато, даже прислугу держали. Алексей Петрович имел многочисленные стада оленей в Поное. На его средства для лопарей были построены церкви: в Поное, в Лумбовке, в Йоканьге, в Сосновке. Благодаря средствам, выделенных Алексеем Петровичем на ремонт Успенской церкви в селе Варзуга, этот уникальный памятник сохранился до наших дней.

У сына Николая Алексеевича в 1919 году родилась дочь Анфиса. Анфиса Николаевна принимала активное участие в жизни села. Она вспоминает: «*Это была первая агитбригада на Терском побережье. 17 парней и 3 девушки. Руководил нашей агитбригадой, сочинял стихи и частушки всеми нами любимый товарищ Иван Богданов. Помогал ему Герман Абакумов. Агитбригадчики высмеивали нерадивых и ленивых, крепко критиковали за хозяйственные недостатки, даже самому председателю доставалось!*

Любили мы выступать не только с таким материалом, но готовили еще физкультурные номера. В колхозе оценили наш вклад в воспитание людей и сшили агитбригаде костюмы. На радостях мы решили поехать в соседнее село Чаваньгу. Снарядили для такого случая пятитонную браму. В Чаваньгу нас несло под парусами попутным ветром, а на обратный путь ветер не пал. Пришлось на веслах двигаться (50 км).

А в заключение всего нам объявили выговор за самовольную отлучку. Мы, конечно, не обиделись, а к вечеру свежий критический материал был готов, и у себя в колхозе выступили. Протянули и председателя, что нам выговор влепил. Утром вызвали нас в правление колхоза и говорят: «А что, ребята, выговор-то с вас снять надо, хорошо выступаете». Тем временем пришла благодарность и из Чаваньги. Так нас и помиловали».

5.11 Заборщикова Мария Петровна (1914-2000)

Корехова (девичья фамилия) Мария Петровна родилась в семье потомственного рыбака Корехова Петра Павловича, человека смелого и мужественного. Он мог в одиночку на карбасе ходить морем в Архангельск. Мария появилась на свет в семье боголюбца. Отец ее, Петр Павлович, был человеком религиозным, и детей приучал к обрядам православным. Он не был дьяконом, но с удовольствием пел на клиросе. В воскресенье после обедни водили малышей на причастие. С раннего детства вливали в ребенка, как в сосуд, знания о Боге, православной вере предков.

Из воспоминаний Марии Петровны: «*Папа подарил мне перед смертью учебник «Закон Божий» для церковно-приходских школ и еще одну заветную книжку религиозного содержания. Наказал беречь их. Но была в селе одна старушка, как бы сказать помягче, не в себе. Прослышала я, что надо ей под голову положить такую книгу и тогда она успокоится. И отдала я книгу в то семейство. А ночью приснился мне сон. Бежит ко мне мой татко и кричит: «Одну-то вещь тебе дал – и ту не смогла сберечь». Такой укор был в его словах, что не удержалась и забрала книжку назад*».

Мария Петровна вышла замуж за кузомлянина Заборщикова Петра Степановича. Окрестил и породнил их комсомол. И не только любовь соединила навек их судьбы, а борьба за Советскую власть, за самую светлую и справедливую долю поморов. Петр Степанович прошел и через войну. О том, как воевал, говорят многочисленные награды.

Дом, в котором выросла Мария Петровна, до сих пор сохранился, ему более 100 лет. Из этого дома ушли на фронт ее братья Алексей и Николай Кореховы, и не вернулись с войны. В конце войны Мария Петровна работала председателем Кузоменского сельсовета. Об окончании войны ей сообщила по телефону в три часа ночи заведующая отделом пропаганды райкома партии Е. Караваева. Она же предложила провести митинг не позднее шести утра.

Мария Петровна поручила молодежи сообщить по домам, чтобы люди к шести подошли к клубу. Много собралось селян. Женщины, у которых отцы, мужья, сыновья, братья погибли, сильно плакали. В голос.

Заместитель председателя Иов Дмитриевич Абакумов стал выступать и не мог говорить. У него три сына погибло и дочь утонула с пароходом «Поморье» во время войны (на мину попали).

Все годы до самой старости отданы Марией Петровны работе в райисполкомах области, в сельском совете в родном селе. Благодаря ее записям, удалось рассказать про быт и обычаи поморов. Она прожила 86 лет, похоронена в Умбе. Светлая ей память.

5.12 Заборщиков Петр Степанович[122]

С первых дней призыва воевал на Карельском фронте. Глубокий след в сердце солдата оставили бои в Долине смерти. Военная специальность у него была минометчик. Сержант по званию, был коммунистом и парторгом. В 1944 году освобождал Северную Норвегию, город Киркенес, где дважды был контужен, один раз с пятидневной потерей памяти. В боях за Киркенес в 1944 году погиб его брат, Заборщиков Ефим Степанович, он тоже был парторгом пулеметной роты.

«У поселка Торфе батальон,– вспоминает ветеран,– внезапно попал под ураганный огонь противника. Ночью прибыли наши «катюши» и выбили врага с занимаемой высоты».

Газета «Большевистская трибуна» 1 мая 1945 года писала о Заборщикове Петре Степановиче: «Он первым врывался в траншеи противника, почти в упор расстреливал немцев. Вместе с ним шли бойцы из других областей и республик нашего Союза. Они хорошо знали, что им здесь приходится защищать. Их воспитал П. Заборщиков, парторг подразделения». Грудь П. Заборщикова украшали медали «За боевые заслуги» и «За отвагу».

5.13 Заборщиков Эммануил Степанович (29.06.1902-26.11.1981)

Эммануил Степанович был первенцем в семье Заборщикова Степана Николаевича и Анны Иовлевны. Позже в семье родилось еще 5 детей:

Устина – 1905 год;

Петр – 1908 год;

Ефим – 1910 год;

Серафима – 1913 год;

Ольга – 1918 год.

Эммануил Степанович получил двухклассное образование в Кузоменском сельском училище народного просвещения. В 1924 году был призван на военную службу. После окончания службы вернулся в родное село. 24 февраля 1928 года состоялось бракосочетание Эммануила Степановича и Тюттериной Надежды Георгиевны (20.09.1906–22.05.1983). Как женщина, родившая девятерых детей, Надежда Георгиевна была награждена орденом «Материнская слава» 19 сентября 1950 года. Семья была большая, держали корову, овец, оленей.

Эммануил Степанович всю свою жизнь посвятил работе в колхозе «Моряк». Сидел на разных тонях, часто в должности бригадира. Умел шить карбаса, доры, лодки, мастерил сани. Из оленьих шкур шил пимы. Про него в селе говорили: «мастер на все руки». Его доблестный труд был отмечен наградами: медаль «За оборону Заполярья» в 1945 году; в 1975 году было присвоено звание «Ветеран колхозного рыболовства»; а в 1979 году – «Заслуженный колхозник».

Дети выросли и разъехались, только одна дочь Нина Эммануиловна вышла замуж за Двинина Модеста Федоровича и осталась в Кузомени. Много лет она проработала на почте, а точнее с 1945 года по 1979 год. В настоящее время Нина Эммануиловна – единственный старожил села, которому за 80.

5.14 Ивакины

Ивакин Геннадий Филиппович родился в Кировской области. Вятский, как он сам говорил. В 1947 году после окончания Кировского педучилища вместе с сестрой Лидией

[122] Тельминова А.Г., «Терский коммунист» от 28 августа 1987 г.

Филипповной был направлен заведующим Пялицкой начальной школы. В 1948 году работает в Стрельне, а в 1950 году – учителем начальных классов в Тетрино. Здесь он встретил свою будущую супругу, Кривоногову Зою Павловну.

Зоя Павловна родилась в селе Варзуга. В 1932 году поступила в начальную школу, а после ее окончания перешла в Кузоменскую семилетнюю школу. После окончания уже Умбской средней школы работала в клубе в родном селе. Затем в 1943 году – в райкоме комсомола. А в 1944 году закончила курсы учителей начальных классов при Мурманском педучилище.

В 1952 году Зоя Павловна и Геннадий Филиппович поженились, у них родилась дочь Наталья. В 1953 году супругов Ивакиных перевели в Кузоменскую школу, где директором в то время был Студенов Василий Федорович.

Кузомень – это слово для супругов Ивакиных означает, наверное, все: вся жизнь, все радости и боли. Кузоменские пески – что в них такого привлекательного? Отчего тоскует сердце по тем пустынным пейзажам, по тем клочкам зелени, которые упорно сопротивляются бегущей песчаной поземке? Не объяснить.

В 1954 году в семье Ивакиных пополнение: родился сын Сергей. Новые заботы не отодвинули всех других на задний план. Зоя Павловна продолжала трудиться в школе, работала как методист, пропагандист, агитатор, участвовала в работе клуба. До 1955 года она преподавала русский язык в среднем звене, а Геннадий Филиппович был учителем начальных классов. Затем Зоя Павловна снова уходит в начальную школу.

Но в 1970 году меняется программа. Директор школы А.А. Богданова прямо сказала, что на этом этапе не видит никого, кто бы лучше Зои Павловны справился с программой 4-5 классов и классным руководством в четвертом классе, и предложила помочь. Она, как всегда, согласилась. А Геннадий Филиппович был избран председателем исполкома Кузоменского сельсовета. На этой должности он проработал до 1982 года, то есть до закрытия восьмилетней школы в селе и перевода ее в Варзугу.

Есть что вспомнить супругам Ивакиным о Кузоменской школе. Сколько интересных школьных вечеров, спортивных соревнований! В школе был театральный кружок, который вела учительница иностранного языка Клавдия Ивановна Дербенева.

Супруги награждены многочисленными Почетными грамотами, медалями «За доблестный труд». В 1978 году они награждены медалями «Ветеран труда», медалями, перед которыми все другие награды меркнут[123].

С теплотой и любовью мы, «первоклассники 1959-1960 учебного года», вспоминаем нашего первого учителя Ивакина Геннадия Филипповича, который научил нас читать и писать. С благодарностью: Абакумова Люба, Ашкина Таня, Богданова Вера, Богданов Саша, Двинина Саня, Ивакина Наташа, Конев Паша, Климов Саша, Мошников Вова, Пономарева Тоня, Пономаренко Вова, Пирогов Толя, Плотникова Катя, Сидоров Саша, Тарзанов Саша, Тюттерин Володя, Юсова Ира.

5.15 Коневы

Фамилия Коневых упоминается в метрических книгах Петропавловской церкви села Варзуги с 1776 года. У Конева Ивана и жены Параскевы (1769 г.р.) родился сын Матвей в 1808 году, внук Евдоким в 1836 году, правнук Матвей в 1867 году.

Более подробные сведения удалось найти про Матвея Евдокимовича. Конев Матвей Евдокимович (9 августа 1867 г.р.) вступил в брак 30 января 1889 года с Абросимовой

[123] «Терский берег» 02.10.1999 год. Н. Кушков Судьба четы Ивакиных

Александрой Лаврентьевной. Семья была большая, родилось 10 детей: Филипп, Иван, Павел, Ксения, Александр, Маремьяна, Агриппина, Илья, Анастасия, Александра.

Конев Иван Матвеевич (21.07.1891-1941) в 22 года вступил в брак 17 января 1914 года с Панкратовой Анной Михайловной (20 лет). У них в 1919 году родился сын Степан, в 1922 году – Николай, в 1926 году дочь Лариса, в 1932 году – Юлия. Семья Ивана Матвеевича занимала с морской стороны половину родительского дома, в другой половине жили сестры Ксения и Александра. Этот дом в полуразрушенном виде сохранился до наших дней. Жили дружно, помогали друг другу. Держали скотину, занимались рыбной ловлей, охотой. Иван Матвеевич планировал начать строительство нового дома в 1941 году, но смерть помешала этому плану. Мечту отца осуществили его дочери – Лариса и Юлия, построив прекрасный новый дом.

Жена, Анна Михайловна, всю жизнь проработала в колхозе. Это была тихая, скромная, верующая женщина, соблюдавшая все посты. Внучка Лариса вспоминает: «До глубокой старости ходила к морю с санями, везла оттуда дрова и доски – это в 80 лет-то. Настолько была сильная женщина, несмотря на месячные посты».

Сыновья Степан и Николай, как и многие кузомляне, во время Великой Отечественной войны ушли на фронт. Конев Степан Иванович (1919-1942), рядовой, стрелок, погиб под Житомиром. Конев Николай Иванович (1922-1970), танкист, прошел всю войну и закончил ее в Кенигсберге (Калининград). После войны жил в городе Черняховске, женился. В 1953 году родилась дочь Лариса, которая воспитывалась в семье его матери, Коневой Анны Михайловны, и его сестер, Ларисы и Юлии.

Конева Лариса Ивановна
(05.04.1926-19.12.2008)

С 16 лет начала свою трудовую деятельность в колхозе. Она вспоминала, как неделями занимались озерным промыслом на Бабозере (40 км), ходила на ботах на морской промысел на Мурманский берег. Затем ее избрали секретарем сельского совета, она закончила курсы бухгалтеров и в этой должности до пенсии проработала в сельском совете. Всегда красивая, сильная, трудолюбивая, добрая, неравнодушная к чужому горю. Она говорила: «Пока живы – делайте добро».

Конева Юлия Ивановна (29.07.1932-27.08.1999) всю жизнь проработала продавцом в продовольственном магазине. Имела награды, медаль за хорошую работу.

5.16 Кривошеин Филипп Михайлович[124] (1888-1931)

Он не был коренным кузомлянином, но был одним из организаторов и наиболее активных членов подпольного кружка в Кузомени, созданного весной 1905 года при содействии политических ссыльных. С раннего детства он работал рыбаком на Мурмане и возил рыбу в Норвегию. Долгое время, уже в Кузомени, он служил в почтовом ведомстве и развозил на оленях почту по деревням в восточную сторону, вплоть до Поноя. Из Поноя он привез жену в 1910 году. Построил дом, но он вскоре сгорел. Трудолюбивый хозяин выстроил новый дом в центре села, в четвертом ряду близ церкви.

[124] Л. Казаков. «Терский берег» от 26.07.2003 года

После 1917 года Кривошеин Ф.М. долгое время был внештатным корреспондентом в районной и областной газетах. Работал ответственным секретарем Кузоменского волостного комитета коммунистической партии. В 1931 году Ф.М. Кривошеин погиб при загадочных обстоятельствах в городе Архангельске. Осталось четверо дочерей. В 1939 году семья переехала в поселок Лесной (Умба).

5.17 Панкратов Николай Антонович[125] (1910 - ?)

Панкратов Николай Антонович встал на защиту Родины с первых дней войны. Воевал на Мурманском направлении пулеметчиком. В мае 1942 года – тяжелораненый – отправлен в госпиталь. В августе снова вернулся в родной полк, но в сентябре шальная пуля опять вывела его из строя. В январе 1944 года снова возвращается на фронт. Завершающие бои, захват немецкого аэродрома, взятие Киркенеса. Затем Белорусский фронт. И снова, уже третье, ранение. Трижды смерть пыталась сломить Николая Антоновича. Но остался жив пулеметчик, словно зная наперед, как много важных дел ждет его дома.

Мурманское направление, Норвегия, Польша, Берлин. Ордена Красной Звезды, Отечественной войны, Славы, медали. Таковы вехи его боевого пути. Находясь вдали от дома, на огромных просторах защищал он свою маленькую родину – Кузомень, а в лице ее – Россию. Сразу после войны Николай Антонович работал председателем сельского совета, потом – в инспекции рыбоохраны.

5.18 Пирогов Петр Иванович[126] (24.05.1903-1973)

Пирогов Петр Иванович родился 24 мая 1903 года в селе Кузомень. Он рано познал тяжелый труд рыбака-помора в дореволюционной России. В эти годы (начало XX столетия) Кузомень, как волостной центр, была местом ссылки политических заключенных. Среди революционно настроенной молодежи села был и Петр Пирогов. Он уже в 1921 году вступил в ряды РКСМ, а с августа 1925 года он – член ВКП(б).

В 1922-1923 годах Петр Иванович окончил Ленинградский Коммунистический университет и был одним из грамотных руководителей того времени. С 1923 по 1927 годы он исполняет обязанности секретаря, затем председателя Кузоменского волисполкома. В 1929 году П.И. Пирогов принял активное участие в организации колхоза «Моряк» в Кузомени. Он же был избран и первым его председателем. За два года колхоз стал одним из крупных и прибыльных в районе. Доход каждого колхозника стал в три раза больше, чем у середняка – единоличника. Опыт работы П.И. Пирогова, по рекомендации райкома партии, был распространен по всему побережью. В апреле 1933года П.И. Пирогов переехал в Умбу, где стал работать председателем Терского райисполкома.

С первого и до последнего дня Великой Отечественной войны П.И. Пирогов находился в рядах Красной Армии. Воевал на Карельском и 3-м Украинском фронтах. Был политруком роты, комиссаром отряда разведчиков, заместителем командира по политчасти

[125] Тельминова А.Г., «Терский коммунист» от 28 августа 1987 г.
[126] «Терский берег», Н.Г. Яковенко

отдельного батальона. Дважды был ранен. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны второй степени, несколькими медалями.

После войны П.И. Пирогов вернулся в Умбу и снова был избран председателем исполкома Терского районного Совета. Умер Петр Иванович в 1973 году.

5.19 Плотников Николай Федорович (07.05.1911-20.05.1971)

В исповедальной книге Успенской церкви села Варзуги за 1776 год есть такая запись: «Петра Плотникова вдова Марфа». Род Плотниковых идет от Петра, которого не было в живых в 1776 году. В 1757 году него родился сын Михаил; внук Дмитрий в 1790 году; правнук Андрей в 1822 году, который в Крымскую войну вёл переговоры с англичанами.

У Андрея Дмитриевича было двое детей: Анна и Фёдор. У Фёдора Андреевича было 18 детей и три жены. Первая жена, Заборщикова Мария Ивановна, умерла от скарлатины после года совместной жизни. Вторая жена, Дворникова Феврония Фёдоровна из Кашкаранцев, умерла в 32 года, родив 7-х детей. В 1889 году в городе Архангельске в Благовещенской церкви состоялся третий брак Фёдора Андреевича с Поповой Варварой Александровной из деревни Поповической Шенкурского уезда Архангельской губернии. Варвара Александровна родила 11 детей, но в живых осталось только семеро. Несмотря на большую разницу в возрасте (25 лет!), жили дружно. Держали корову, 5 овец, 6 оленей. Фёдор Андреевич с 1872 по 1875 годы работал волостным писарем, а с1905 по 1914 годы – лесным объездчиком. Это он посадил первое дерево на селе.

Плотников Николай Фёдорович родился в 1911 году 17-м ребёнком в многодетной семье Фёдора Андреевича. В 11 лет Николай остался без отца. Но, несмотря на это обстоятельство, он получил семилетнее образование, сумел постичь все тонкости поморского быта. До войны работал в родном колхозе «Моряк» рыбаком. Всегда трудолюбивый и ответственный его часто назначали бригадиром.

В 1938 году за перевыполнения плана на 255% был награжден Почётной грамотой и направлен в Москву на ВДНХ. В 1936 году Николай Фёдорович женился на варзужанке Вопияшиной Мавре Константиновне. До войны родились Юрий, Валентин и Людмила, а после войны – Виктор, Татьяна, Катерина и Галина.

Во время войны воевал на Карельском фронте Волховском и Мурманском направлениях в батальоне связи (ОБС-7) линейным надсмотрщиком. Был контужен. Принимал участие в Свирско-Сортаваловской (июнь 1944 года) и Петсамо-Киркенесской операциях. Награжден медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Заполярья». С войны вернулся в 1945 году и устроился связистом на почте. Болел. Умер в 1971 году.

5.20 Пономарев Михаил Михайлович (1912-1970)

Михаил Михайлович родился в Кузомени в семье потомственного рыбака Пономарева Михаила Павловича, который, будучи солдатом революционного Волынского полка в Петербурге, участвовал в свержении царизма и борьбе с белыми. Это он, Михаил Павлович, в 20-е годы обнаружил стоянки древнего человека в районе Кузомени, и, благодаря его находкам, начали проводиться археологические раскопки.

Еще удалось узнать, что в 1876 году в июле месяце шняка[127] кузоменского крестьянина Федора Пономарева доставила из Архангельска начинающего естествоиспытателя А.И. Кельсиева «в вожделенную Лапландию», так как добраться до берегов Кольского полуострова было делом не простым.

Пономарев Михаил Михайлович был пятым ребенком в семье Михаила Павловича.

До войны работал в колхозе «Моряк» рыбаком. В Финскую кампанию с 1939 по 1940 годы воевал в 47 стрелковом полку. С первых дней Великой Отечественной войны, как и все односельчане, ушел на фронт. Воевал в составе Шестой героической батареи 143-го артиллерийского полка под командованием лейтенанта Григория Лысенко на Мурманском направлении – телеграфистом.

Когда врагам удалось окружить советских солдат, командир приказал развернуть орудия во все стороны. Прямой наводкой артиллеристы били в упор по врагу. Когда кончились снаряды, отважные воины пошли в рукопашную контратаку. Когда егеря захватили позицию батареи, там они увидели убитых и раненых да взорванные пушки. В живых остались те, кто был на задании, в их числе был Пономарев Михаил Михайлович. Подвиг Шестой героической комсомольской батареи навсегда остался в памяти.

Трудными солдатскими дорогами войны в составе 417 гвардейского артиллерийского полка Михаил Михайлович дошел до Берлина. Его ратный труд отмечен медалями «За оборону Заполярья», «За отвагу», «За победу над Германией».

После войны работал в колхозе, потом на почте связистом. Умер в 1970 году.

5.21 Сидорова (Пирогова) Елизавета Ивановна

Долги осенние ночи на промысле...

В старое время не было ни журналов, ни радио на тонях. А выезжали целыми семьями на промысел семги. Мужчины ловят, а женщины варят да стряпают, чинят да шьют. Дети тут же. Вот и сказывали вечерами сказки. Иные сказки долгие были – на два, на три вечера хватало... И уж хорошего сказителя на Терском берегу высоко ценили.

В Кузомени лучшей сказительницей была Елизавета Ивановна Пирогова (сестра краеведа П.И. Пирогова). Вспоминала: «*Бабушка моя кузрецка была родом*[128] *да така памятна! Так я от ней научилась...*»[129].

Жила в деревне Кузомень бабушка, Сидорова Елизавета Ивановна. Много моя бабушка знала сказок. Выучилась она сказывать сказки, когда была совсем еще маленькой, у своей бабушки. А ее бабушка – у своей. А самая первая бабушка училась сказкам у ветра, что гнал волны на берег, у деревьев, у птиц. Она прислушивалась к крику чаек и шепоту листвы, говору речки и молчанию валунов.

Я никогда не видела бабушки из Кузомени, а представляю ее так. Она маленькая, худенькая, очень старенькая. Время ее иссушило, а жизнь умудрила. На ней простой синий сарафан и белая кофта, на голове повойник, поверх него платок.

Смотрит она на людей, как будто спрашивает: «А по-мудрому, по-хорошему ли вы живете?» Она добрая. Во всех ее сказках побеждают смелые, добрые и заботливые герои. Им всегда помогают волшебные силы. Одному помогает деревянный посошок, другому – какая-то неведомая птица «Пава», третьему – «Сивушка, бурушка, вечный воронок». Ее сказки напоминают пушкинскую о мертвой царевне, «Золушку» Перро, но в них больше от жизни: всякие приметы, поверья, старинные слова. Все сказки бабушки из Кузомени красивые.

Бабушка Сидорова умела всматриваться в родные места и вслушиваться в знакомые голоса, поэтому ее речь красивая.

Нина Е.[130]

[127] Парусная лодка пяти сажен
[128] Из деревни Кузреки
[129] Фольклорист Балашов Д.М.

5.22 Тарабуевы

Первое упоминание о роде Тарабуевых встречается в приходно-расходной книге Петропавловского прихода села Варзуги за 1775 год. В ней сказано: «*...крестьяне Яков Тарабуев с товарищами, придя со зверобойного торосового промысла, «доброхотно» дали 39 руб. 06 коп.*».

Это Яков дал продолжение своему роду: родился сын Гаврил, в 1805 году – внук Григорий, правнуки – Андрей в 1831 году и Николай в 1832 году. У Николая Григорьевича и Агриппины Яковлевны в 1855 году родится Иван, а в 1859 году – Петр, который будет на царской службе в чине унтер-офицера. В 1885 году в семье Тарабуева Ивана Николаевича родился третий сын – Павел. В 1926 году состоялось бракосочетание Павла Ивановича и Панкратовой Федоры Михайловны. У Павла Ивановича это был третий брак, первые две жены умерли молодые, детей не было. Федора Михайловна родила ему трех дочерей и четырех сыновей, он был старше жены на 16 лет.

После приезда ссыльных в село (1903-1907 годы) Павел Иванович стал «политиканом», он и его старший брат Захар хоть и не состояли в подпольной политической организации, но всячески их поддерживали.

В 1920 году в селе Кузомень возникла первая на Терском берегу ячейка РКП(б), Павел Иванович был одним из ее основателей. Его жена, наоборот, была верующим человеком. В 19 лет Федора Михайловна перенесла страшную болезнь – тиф, в те годы много жизней унесла эта болезнь. В 20-х годах в Кашкаранцах умерли муж и жена Гундаловы, остались дети. Младшенького Александра (1915 г.р.) Павел Иванович забрал к себе. Гундалов Александр Максимович в конце 1939 года был призван в армию, погиб в бою 10 августа 1941года, похоронен в братской могиле в Финляндии.

В начале 30-х годов Павел Иванович работал на Устье на складах, куда завозили продукты и товары. Семья имела корову, оленей, овец. В начале 1940 года купили дом (1910 года постройки), в котором выросли все дети, внуки и по сей день приезжают правнуки. Весной 1940 года Павел Иванович ушел на Финскую войну, попал в плен, бежал. Незадолго до Великой Отечественной войны он заболел и был комиссован. По прибытии домой, в семье умирает годовалый сын Вадим, а в июле 1941 года умер от онкозаболевания сам Павел Иванович.

Федора Михайловна осталась одна с малыми ребятишками на руках. Жили бедно. Пришлось отдать в няньки 12-летнюю Клаву и 9-летнюю Тоню за питание (еду) и одежку. Федора Михайловна работала в колхозе ночным сторожем на скотном дворе, приходилось сидеть на тоне, заниматься сельскохозяйственными работами.

В 1948 году в возрасте 19 лет дочь Клавдия от колхоза была направлена на лесозаготовки в Кандалакшу. Где-то по дороге в Кандалакшу она замерзла. По сей день родные не знают, где ее могила. Когда-то море выбросило на берег утонувшую девушку против села Кузомень. Селяне ее похоронили на своем кладбище. До конца своих дней Федора Михайловна ходила на ту могилку. Придет с кладбища и скажет: «Будто опять к Клавушке сходила, так же где-то безродная лежит».

Старшая дочь Зоя после войны уехала в Колу, где до пенсии проработала на пивзаводе компрессорщиком холодильных установок. Алексей и Александр после службы в армии уехали жить и работать в Никель. Сын Альтус в 16 лет поступил в ремесленное училище городе Кандалакше. После службы в армии остался на Украине. И только Антонина осталась дома. В возрасте 18 лет вступила в колхоз «Моряк». Через год была направлена в Мурманск на учебу в сельскохозяйственную школу, после ее окончания работала дояркой, затем заведующей молочно-товарной фермы. Рыбачила на Мурманском берегу. После объединения колхозов несколько лет работала учетчицей в конторе.

В 1968 году была избрана депутатом сельского Совета, в связи с чем была отозвана из колхоза на два года для работы бухгалтером в централизованную Кузоменскую бухгал-

[130] Л. Пантелеева. С любовью к родному краю. 1988 год

терию. В эти годы в сельском Совете работали три двоюродные сестры рода Панкратовых: Заборщикова (Корехова) Мария Петровна – председатель Кузоменского исполкома, Конева Лариса Ивановна – главный бухгалтер и Тарабуева Антонина Павловна – бухгалтер. Их матери были родные сестры.

По истечении срока депутатства в апреле 1978 года снова вернулась в колхоз и работала птичницей до закрытия птицефермы. В 1958 году вышла замуж за Карпова Николая Михайловича, с которым прожила 39 лет, вырастили трех дочерей и двух сыновей, помогали растить и внуков.

Во время Великой Отечественной войны в Терском районе спасались сотни эвакуированных семей из Костромской, Кировской и других областей. Там люди голодали и чтобы как-то выжить, они ехали по вербовке на Терский берег. Здесь был тыл, и можно было прокормиться рыбой. Так, в Кузомени летом 1942 года появилось много беженцев. Среди них была вдова из Кировской области (получила похоронку на мужа в начале войны) Карпова Глафира Михайловна с двумя сыновьями 8-летним Николаем и 2-летним Виталием. На какое-то время эту семью приютила Федора Михайловна в своем доме, пока сельсовет не расселил их на постоянное место жительства. После войны многие вербовщики вернулись на свою родину, а Карповы остались в Кузомени. Глафира Михайловна жила в гражданском браке с Богдановым Осипом Владимировичем. Он занимался оленеводством, она – домашним хозяйством, хорошо шила – принимала заказы. После смерти Осипа Владимировича работала уборщицей в клубе. В 1971 году уехала на родину к младшему сыну, который после службы в армии уехал в Кировскую область.

Старший сын Николай еще до службы в армии вступил в колхоз «Моряк», и до пенсии отработал с одной записью в трудовой книжке – рыбак. Был работящий мужчина. Женщины в селе постоянно к нему обращались за помощью: кому валенки подшить, кому пекло к печи сделать, кому сани отремонтировать. Однажды к нему обратилась соседка Двинина Калиста Александровна, чтобы он сделал ей пекло, так как старое расщепилось. Он сделал, соседка была очень довольна. Прошло немало времени, она ему говорит: «Ведь пекло-то, Николаюшко, твоим я еще и не пользовалась. Принесла, повертела да жалко стало такую красоту в печь пихать, так и лежит на чердаке, а я старым мучаюсь». Николай Михайлович закончил 4 класса, и с 12 лет вникал во все тонкости поморского быта, практически умел делать все. Был очень крутого нрава.

Большую роль в воспитании внуков сыграла Федора Михайловна – добрейшей души человек, она всегда была рядом и накормит, и пожурит, и по головке погладит. Все хозяйство держалось на ней. Кто бы в избу не зашел: родня, соседи, геологи, цыгане или земляки из соседних сел – для всех находилась чашка чая и пироги. Самовар всегда стоял кипящий, а пекла Федора Михайловна почти каждый день. Она была постоянно в работе, даже разговаривая, умудрялась вязать носки, рукавицы не глядя на прутки (спицы). В жизни ни на кого не повысила голос. О родителях, сестрах, братьях всегда говорила с большим уважением: «тата, мама, тета Анна, тета Глафира, тета Марья – сестры». И сестры отвечали ей тем же уважением, среди них была какая-то природная мудрость, хотя все они были малограмотны[131].

5.23 Тюттерин Николай Филиппович[132]

Николай Филиппович родился в Кузомени в многодетной семье помора Тюттерина Филиппа Ивановича и Платониды Степановны в 1905 году. И как истинному помору, ему не составляло большого труда справиться с внезапной моряной, сориентироваться по какому-нибудь неприметному мысу, не заблудиться в лесу, выловить рыбу без крючка или наживы. Или стачать валенки, или сшить карбас, или построить дом. Нет в этом ничего особенного: поживете у моря – оно всему научит.

[131] Тарабуева Т.В.
[132] Г. Ковалев. «Терский коммунист», 19.01.1980 года

В годы войны Николай Филиппович оборонял Кузомень. Но это было не воинское формирование, а скорее, местное ополчение. Пожилые мужчины, инвалиды, вооруженные дробовиками, жили на казарменном положении в интернате школы. Вставали в шесть утра, делали зарядку, работали (Николай Филиппович вместе с женой разгружал пароходы), в случае тревоги занимали место на крыше – там был наблюдательный пост. Николай Филиппович на действительную службу не был призван из-за ранения: одна рука у него не сгибалась. Был он пулеметчиком в финскую кампанию, где его серьезно ранило.

Однажды над Кузоменью появился самолет – «харрикейн». Объявили тревогу, но она оказалась ложной. «Харрикейн» летел с советским экипажем.

В полете случилась неполадка, загорелся двигатель. Самолет упал в районе села Кузомень. Летчикам удалось спастись, их отправили в Умбскую больницу, а у поврежденной машины сельчане поставили охрану.

Останки «харрикейна»

Очевидец этого события, Плотникова Мавра Константиновна, вспоминала, что, когда возвращалась с сенокоса, видели падающий самолет, а за ним черный шлейф дыма. Долгие годы два двигателя от самолета лежали в песке, а сейчас это место можно найти с трудом.

Супруга, Александра Степановна, во время войны работала грузчиком на рейде. Море у Кузомени мелкое, суда бросали якоря далеко, в трех километрах. Там груз принимали на брамы и на них уже доставляли к берегу. С берега шел груз для фронта: колхозные сливки, картофель, шерсть, рыба. Много тогда переделали руки Александры Степановны. А к тяжелой работе они всегда были привычные: море научило. Бывало, еще девчонкой на шестах поднимала она вверх по Варзуге – к покосам – груженые лодки. По четыре дня иногда пальцы не сгибались из-за вспухших мозолей.

После войны Александра Степановна работала санитаркой в Кузоменской больнице. Сильные ее руки сослужили хорошую службу больным, и врачи, когда подошло время уходить на пенсию, прощались с ней весьма огорченные: буквально без рук остались. Три Почетных грамоты остались с той поры в доме у Тюттериных. А молодым девчонкам говорила: «Бабы маются, а девки замуж собираются». Умная и работящая была женщина.

6 Документы, приговоры и акты

Ф-4И, дело 2.

Ведомость о приходе и расходе хлеба в торговом магазине.

На 1 августа 1862 года муки в торговом магазине = 3259 пуд. 11 фун.

Старшина Корехов. Вахтер Андронов.

Объявление

От Архангельской Палаты Государственных Имуществ объявить, что находящийся в Кузоменском постоянном торговом магазине хлеб, как прежней заготовки, так и ныне вновь отправленный, должен продаваться по следующим, Палатою определенным ценам: МУКА один руб. 20 коп., РОЖЬ один руб. 10 коп. и ЯЧМЕНЬ девяносто копеек за пуд.

23 июля 1863 года Советник И. Стрелков.

Ведомость о состоянии хлебных запасов к 1-му числу Августа месяца 1863 года по Кузоменскому отдельному сельскому обществу.

В 1862 году принято муки от поставщика крестьянина Семена Петровича Заборщикова = 398 пуд. 39 фун.

В 1863 году принято муки от поставщика крестьянина Федора Корехова = 4000 пудов.

Поступило муки – 4398 пуд. 39 фун.
Продано – 168 - -
Выручено денег – 176 руб. 40 коп.
Остается на лицо – 4230 пуд. 39 фун.

Сельский старшина Петр Корехов.

Ведомость, составленная на Волостном сходе Кемского уезда Кузоменского отдельного сельского общества о крестьянах, нуждающихся в покупке хлеба за наличные деньги из торгового хлебного магазина в 1863 году.

		Взрослых лиц	Малолетних
1.	Богданов Ефим Терентьевич	2	1
2.	Рогозин Алексей Трифонович	5	3
3.	Панкратов Епимах Клементьевич	7	1
4.	Воронин Семен	7	2
5.	Плотников Константин Дмитриевич	11	4
6.	Катарин Афанасий Васильевич	9	-
7.	Дряхлов Михей	5	1
8.	Андронов Степан	10	2
9.	Двинин Андрей Григорьевич	2	-
10.	Абакумов Степан Федорович	6	2
11.	Резин Сидор Прокопьевич	3	-
12.	Тарабуев Николай Григорьевич	13	2
13.	Тюттерин Афанасий Иванович	10	3
14.	Панкратов Сергей Силуянович	7	4
15.	Волков Ануфрий Киприянович	3	2
16.	Кирилловский Григорий Родионович	9	2
17.	Панкратов Александр Степанович	3	1
18.	Тарабуев Нефед Васильевич	2	1
19.	Абакумов Григорий Ларионович	9	2
20.	Абакумов Степан Тимофеевич	7	1
21.	Сидоров Василий Ефимович	4	2
22.	Кузнецов Прокопий Матвеевич	2	2

1866 год. Выдано крестьянину Филиппу Терентьевичу Богданову за квартирование в собственном его доме гг. Чиновников, мирового посредника = 12 рублей.

Выдано крестьянину Михаилу Никитичу Корехову за содержание у него в собственном доме на квартире 2,5 месяца судебного следователя = 11 рублей.

Выдано крестьянской вдове Агриппине Яковлевне Тарабуевой за избу в ней собираемую сельский сход = 4 рубля.

Выдано крестьянину Леонтию Ивановичу Резину за караул казенного магазина с хлебом за 4 месяца = 6 руб. 66 коп.

Ф-4И, дело 1, стр 53.

Опись документов Кузоменского сельского управления 1861-1881 годы.

1863 год. «О выдаче паспортов крестьянам Кузоменского общества».

1864 год. «О распределении между крестьянами дозволенной к привозу из-за границы беспошлинной соли для посола рыбы».

1865 год. « Об отводе крестьянину Михаилу Корехову места под постройку дома на месте, где существовал казенный питейный дом».

1865 год. «Об открытии в с. Кузомени хлебного торгового магазина».

1865 год. «Об открытии в с. Кузомени сельского училища с переводом его из с. Варзуги».

1867 год. «О наряде и отправлении в Кемь выборного для набора сельских заседателей в Уездные: Суд и Полицейское управление».

1868 год. «Об открытии в Кузомени и Варзуге двух временных больниц для содержания иных больных».

1868 год. «О принятии 15 пудов ВЫСОЧАЙШЕ пожертвованного для безденежной раздачи пороха».

1870 год. «О командировании в Архангельск старшины Корехова для встречи Государя Наследника, а в последствии в Колу для встречи В.К. Алексея Александровича».

1870 год. «О получении с крестьянина С. Михайлова денежных повинностей за 1870 год».

1872 год. «Об устройстве порохового погреба в Кузомени, о перевозке пороха и об открытии продажи такового».

1872 год. «О порядке отправления и приема почты на пароход «Качалов».

1878 год. «Дело о постройке в Кузомени для училища деревянного дома».

Ф-1И, дело 17. Циркуляры губернской канцелярии по воинской повинности.

М.В.Д. Кольского уездного исправника 8 января 1886 года города Кола Архангельской губернии Кузоменскому Волостному старшине Мошникову.

Архангельский уездный Воинский начальник от 18 сентября 1885 года уведомляет, что проживающие во 2 стане Кольского уезда запасные нижние чины в случае призыва должны быть направлены в г. Кемь прямо с места жительства. О чём Вам и даю знать для руководства и в потребном случае для исполнения.

Доводил до общества староста Кузоменской волости Иван Двинин.

Маршрут отправки призывников от с. Кузомень до г. Кеми: Кузоменская станция – 45 верст; Кашкаранская – 35; Оленицкая – 30; Кузрецкая – 30; Умбская – 30; Порьегубская – 30; Ковдская – 21; Чернорецкая – 44; Керетская – 22; Полубоярская – 18; Боярская – 22; Булдырская – 12; Пильдозерская – 17; Гагарская – 20; Умангорская – 20; Поньгамская – 27; Летнорецкая – 23; – г. Кемь.

В 1886 году отправка призывников из Кузоменской волости была осуществлена на 15 подводах.

Ф-1И, дело 26. 7 мая 1889 год. Список десятским, отбывающим дежурства при становых квартирах и освобожденных от дежурства для конвоирования арестантов.

1890 год. 2 стана

Кузоменская волость:	Число дворов
Кузомень	115
Варзуга	128
Кашкаранцы	31
Сальница	5

21 апреля 1890 года. **Приказ Кузоменскому волостному правлению № 1706** *«Циркуляры и предписания губернских органов о состоянии казенных сборов, сбора пожертвований на памятник Нахимову и другие сведения об арестованных, содержащихся при Кузоменском волостном правлении».*

Губернатор князь Голицын.

Ф-1И, дело 32. «М.В.Д. Приставу 2-го стана Кольского уезда № 264 от июля 1892 года.

Кузоменскому Волостному Правлению

Вследствии предписания Кольского уездного Полицейского управления от 19 июня за №19 полученного мною 11 сентября даю знать волостному правлению о том, чтобы оно приняло меры к устранению в с. Кузомени проституции и привлекло бы виновных крестьян, как женщин так и мужчин за развратное поведение к законной ответственности по волостному суду.

Пристав 2-го участка Таратин

Ф-1И, дело 29.

1894 год. *Полицейского урядника 6-го участка Кольского уезда поместить в доме Волостного правления в 2-х комнатах квартиры Волостного писаря.*

Ф-1И, дело 37.

Акт об отводе земель под крестьянские постройки.

1894 г. мая 31 дня Кузоменский сельский староста Ефим Семенович Богданов записал в акт следующее: крестьянин Кузоменской волости и селения, Евдоким Николаевич Заборщиков заявил, что он желает пристроить к своей старой избе, находящейся в 1-м ряду селения Кузомени между домами крестьян Емельяна Ив. Заборщикова и Осипа Егоровича Воронина, другую переднюю деревянную одноэтажную избу.

Ф-1И, дело 35.

9 марта 1895 года. На основании статьи 191 Уст. Угол. Суд., сообщаю Правлению, что крестьянка деревни Кузомени Марина Федоровна Корехова приговорена мною к заключению в тюрьме на 1,5 месяца по обвинению ее в преступлении.

Приговор этот вступил в окончательную законную силу.

Мировой судья

Ф-4И, дело 14.

1905 год. *Его Высокородию Господину Чиновнику по крестьянским делам 2 участка Александровского уезда.*

Крестьяне Кузоменского сельского общества: Иван Андронов, Петр Абакумов, Иван Тарабуев, Кирилл Дряхлов, Никита Панкратов, Михаил Александрович Панкратов, Нефед Абакумов, Михаил Рогозин, Иван Мел. Андронов, Александр Конев, Григорий Конев, Андрон Панкратов, Тимофей Пирогов, Архип Сидоров, Василий Андронов, Андрей Абро-

симов, Семен Пирогов, Елисей Воронин, Иван Корехов, Антон Кривошеин, Петр Тарабуев и Матвей Конев

Прошение

Крайняя нужда заставляет нас обратиться к Вашему Высокородию с покорнейшей просьбою сделать со своей стороны начальническое распоряжение о выдаче нам в ссуду хлеба на каждого едока, согласно прилагаемому списку, и одному пуду муки на месяц.

Резолюция от 11 апреля 1905 года:
по пуду на едока, всего 127 пудов разрешаю выдать.

Чиновник по крестьянским делам 2-го участка.

Ведомость о поступлении окладных казенных сборов по Кузоменской волости за 1905 год

1. Государственный поземельный налог
2. Подесятинный сбор
3. Лесной налог
4. Страховые платежи
5. Выкупные платежи

Ведомость о натуральных повинностях крестьян Кузоменской волости за 1905 год

1. Содержание в исправности дорог
2. Квартирная повинность: отводная для проезжающих должностных лиц – 1 квартира на год.
3. Содержание ночных караулов – 2 человека в ночь
4. Дежурства десятских: при становой квартире, Волостном Правлении, полицейском уряднике, ночном обходе по селению, отводной квартиры во время проезда начальства, для сопровождения арестантов, в дни прихода срочного парохода для встречи начальства, доставка пакетов от Пристава и Урядника.
5. Сторож при Волостном Правлении
6. Церковный сторож
7. Земская изба для сбора сельских общественных сходов.

28 сентября 1905 года №1046
Кузоменскому сельскому старосте

Вследствие предписания Чиновника по крестьянским делам 2-го участка Александровского уезда от 25 сентября 1905 года за №669, предписываю Вам немедленно принять энергичные меры по взысканию хлебных недоимок с крестьян вверенного общества и 3 октября утром прибыть лично в Кузомень – в Волостное Правление.

И.д. Волостного Старшины Заборщиков Писарь Дряхлов

Табель о состоянии пожарной части села Кузомени на 1905 год

Чанов – 5, ушатов – 23, ведер – 7, лестниц – 7, багров – 20, топоров – 19, парусов – 5, ломов – 5, вил – 10, коромысел – 17, швабр – 10, лопат – 9, веревок – 125 сажен.

Ф – 1И Дело 173. Призывной список по Кузоменскому обществу 1906 года

1. Богданов Тихон Иванович 15.06.1885 г., крестьянин с. Кузомень, русский, холост, православный, малограмотный.
2. Корехов Петр Павлович 18.12.1884 г., кр-н с. Кузомень, православный, русский, холост, по образованию принадлежит к 3-му разряду Педагогического Совета Кемского Городского училища 20.08. 1896 г. № 418\52.

3. Плотников Петр Николаевич 21.08.1885 г., кр-н с. Кузомень, православный, холост, русский, грамотный.
4. Андронов Василий Иванович 02.01.1885 г., кр-н с. Кузомень, православный, холост, русский, грамотный.
5. Тарабуев Павел Иванович 29.06.1885 г., кр-н с. Кузомень, православный, русский, холост, по образованию принадлежит к 3-му разряду Педагогического Совета Кемского Городского училища 21.08.1899г. № 527.
6. Абакумов Петр Егорович 29.06.1885 г., кр-н с. Кузомень, православный, русский, единственный сын, женат, знает грамоту. Имеет право на льготу первого разряда, как единственный сын в семье.

Настоящий список прочитан Кузоменским сельским сходом 30 января 1906 года

Волостной Старшина – Заборщиков;
Сельский Староста – Корехов;
Волостной Писарь – Дряхлов

Документы по паспортному режиму 18.01.1906-5.01.1907 годов.

31.01.1906 года. Милостивый Государь Волостной Старшина покорнейше прошу вас выслать мне новый паспорт. Старому паспорту скоро срок, потому домой не к чему ехать. Нанялся здесь на навигацию на судно в матросы. Д. В. Мошников.

Адрес мой: Посад Сума Архангельской губернии Кемского уезда на Соловецкое подворье.

Богомолец Дмитрий Васильевич Мошников, варзугской.

В Кузоменское Волостное Правление Александровского уезда

Препровождая при сем просроченный паспорт за №151 с. Варзуга Ефима Кирилловича Мошникова, Учрежденный Собором Соловецкого монастыря просить Кузоменское Волостное Правление немедленно выслать новый паспорт Мошникову.

(Поступили заявки на получение нового паспорта на имя Гундалова Гордея Степановича, Богданова Трифона Ефимовича).

14.02.1906 года. Прилагая при этом деньги 40 коп., покорнейше прошу Волостного Правления по истребовании из Уездного Казначейства – выслать мне с семейством паспортную пятилетнюю книжку (белого цвета) взамен выданной из Правления 23.03.1901 г. №19.

Крестьянин с. Кузомени Ст. Михайлов

Адрес: с. Ковда Архангельской губернии. Продавец казенной винной лавки №83 Степан Яковлевич Михайлов.

Об участии северян в выборах государственной думы в 1906-1912 гг.[133].

В декабре 1905 года Николаем II был издан закон о выборах в государственную думу. В назначенный срок 11 выборщиков из Мурманско-колонистской, Умбской, Кузоменской, Тетринской, Понойской волости собрали в г. Александровске в здании Народного дома Попечительства о народной трезвости. Для голосования были выдвинуты 5 кандидатов: это крестьяне-рыбаки С.А. Подымников 29 лет из Умбы, Тонин Н.П. 42 года из Колы, Матрехин Я.В. из Поноя, С.Л. Тарабуев 59 лет из Кузомени, М.М. Кожин 30 лет из Чаваньги. Особо отмечалось, что все кандидаты грамотны. Наибольшее количество избирательных шаров (6 против 4) получил М.М. Кожин, зажиточный рыбак, имевший мелкую торговлю.

[133] Ушаковские чтения. Федоров В.П., стр. 71

Ф-4И, дело 18. Приговоры Кузоменского сельского схода о выборах должностных лиц, разделении рыбных и сенокосных угодий на 1907-1909 годы.

19 августа 1907 года.

1. Кузоменский сельский сход Кузоменской волости в числе 66 человек их числа 114 всех домохозяев общества, имеющих право голоса на сходе, собранные сего числа сельским старостою Тюттериным на сельский сход по разным общественным делам, слушали предложение старосты назначить из своей среды в Государственную думу: Ивана Ивановича Заборщикова – 56 лет и Александра Алексеевича Двинина – 52 года, под судом и следствием не состояли.

2. Тем же приговором постановили: разрешить раздел Двинина Галактиона Алексеевича с сыном Василием на 2 самостоятельных семейства: 1 семейство – Двинин Галактион Алексеевича 56 лет, жена Матрена Семеновна 56 лет, дети: Григорий 25 лет, Яков 23 года, Никита 21 год, Мария 18 лет; 2 семейство – Василий Галактионович Двинин 30 лет, жена Василиса Григорьевна, их дети Александра – 1 год и Никандр – 2 месяца.

3. Постановили: послать телеграмму на имя Его Императорского Величества Государя Императора, в которой просить Его Величество защитить против чиновника по крестьянским делам Мухина, насильно заставляющему подчиниться незаконному приговору Кузоменского соединенного сельского схода.

4. Выдать согласно словесного приговора сельского схода от 27.05.1907 г. Матвею Двинину за промер р. Варзуги и выставку вех по ней = 1 рубль.

5. **1908 год.** Постановили: дать копию с приговора крестьянину Василию Ефимовичу Двинину в том, что он единственный сын и кормилец его родной матери Екатерины Константиновны Двининой 53 года и его родной сестры Феофании Ефимовны 18 лет.

   Брат его от 1-й жены его отца Федора Ефимовича Двинина 40 лет с своим семейством: женой Акулиной 35 лет, дети – Яков 16, Иван – 9, Елизавета – 14, Мария – 6, Ольга – 5 лет, с 1890 года живет отдельно и их содержанием не удовлетворяет; ввиду этого единственным кормильцем Екатерины Двининой и ее дочери Феофании считается ее сын Василий Ефимович Двинин.

6. Тем же приговором постановили: торговлю вином в шинках с. Кузомени запретить, если кто продаст хотя одну 1\40 ведра, то о таковых доносить полиции или Акцизному контролеру.

7. Избрать обывательскую квартиру на 1908 год у Михаила Ник. Корехова.

8. Нанять подрядчиков для поправки оленной огороды, именно: в 10 версте = 85 сажен подрядили Лариона Тарабуева за 7 руб.; на той же версте = 60 сажен Ивана Корехова за 6 руб.; в 13 версте = 97 сажен Власа Пирогова за 13 руб.; 15 верста = 97 сажен Федора Богданова за 10 руб. 30 коп., при этом доставить по 3 жердины новых на каждое прясло, крепить столбы с упорами; с прочностью на 7 лет.

9. Дополнительные пожарные сборы за 1907 г. = 65 руб. 80 коп. пополнить из сельских сумм.

10. Слушали предписание г. Чиновника по крестьянским делам о назначении помещений с посудой и постельным бельем для помещения больных на случай эпидемии холеры, постановили: избрать помещение для эпидемических больных холерой дом умершего крестьянина Александра Ф. Корехова.

11. Имели суждение о том вреде, какое приносит населению водка, вред и зло от пьянства каждому ясны и описывать их совершенно излишне, скажем только, что население вследствие плохих промыслов, подряд 3-й год пользуется казенными продовольствен-

ными ссудами, но обороты винной торговли оправдывают ее существование, мы имеем в виду не только казенную торговлю, но и незаконную продажу в многочисленных шинках, но ни полицией и акцизным надзором не обращается должного внимания. Приняв во внимание, что многие из населения злоупотребляют спиртными напитками, а от этого разоряется хозяйство, настоящим приговором постановили: просить г. Чиновника по крестьянским делам ходатайствовать перед правительством о закрытии в с. Кузомени казенной винной лавки с 1 июля 1908 года и о прекращении незаконной торговли вином.

12. Тем же приговором постановили: утвердить настоящим приговором за Ириной Лукичной Панкратовой (бывшей Тарабуевой) и ее сестрой Марией Лукичной Тарабуевой деревянный дом, состоящий из 2-х комнат с усадебным местом, находящийся в с. Кузомени и оставшийся по смерти их отца Луки Ларионовича Тарабуева в наследственное пользование его дочерям Ирины и Марии Тарабуевым.

13. Тем же приговором постановили: просить г. Пристава 2 стана Александровского уезда выселить из с. Кузомени в свое место жительства с. Оленицу Умбской волости крестьянина Савелия Кожина со всем его семейством, так как означенный Кожин человек порочный, занимается сам и его семейство кражами, поэтому для нашего общества он очень считается вредным и второго крестьянина с. Тетрино Алексея Ефимовича Лопского с его женой Пелагеей Егоровной выселить в с. Тетрино, так как Лопская Пелагея тоже занимается воровством, сам Алексей Лопский – не занимается этим.

14. Постановили: просить Его Высокоблагородие Господина заведующего рыбными и звериными промыслами Архангельской губернии разрешить крестьянам Кузоменского сельского общества построить забор в р. Кице, впадающей в р. Варзугу; забор имеет быть построен в 3-х верстах от устья р. Кицы, выше сенокосных угодий «Каменка» у «Белого Камня», где был и в прежние годы около 40 лет тому назад.

15. Крестьянам Варзугского общества в р. Кице ловить семгу строго запрещается, виновные в этом будут подвергаться штрафу за каждый раз 50 рублей и будут отбираться карбаса, снасть и промысел, который окажется у промышленника в карбасе.

16. **1909 год.** Слушали предписание Кузоменского Волостного Правления от 2 января 1909 года, в котором правление спрашивает не имеет общество каких законных причин к переселению в колонисты Мурманского берега в становище «Харловку» крестьянина Ивана Фокиевича Двинина, постановили: донести в правление через старосту, что законных препятствий к переселению Двинина в колонию не имеется.

17. Назначить сельских расходов на 1909 год именно:
старосте – 36 руб.; сельскому писарю – 78 руб.; сторожу училища – 48 руб.; на отопление училища – 52 руб., освещение его – 10 руб.; наем земской избы – 5 руб.; на покупку 10 саж. дров для Волостного Правления – 15 руб.; пошлина на дрова – 2 рубля; пожарных сборов за общественные строения в 1908-1909 гг. = 32 руб.; на мелкие расходы для училища = 7 рублей. Всего – 285 руб. 95 коп.
Из вырученных от продажи тонь за 1909 год = 3827 руб. 55 коп. разделить на 331 душу; присчитывается по 11 руб. 56 коп. на каждую солдатскую душу; всего на 10 душ – 115 руб.
Из вырученной суммы 3827 руб. 55 коп. исключить на солдатские души 115 руб. 60 коп.;

18. волостные расходы – 273 руб. 34 коп.; сельских – 285 руб. 95 коп.; доверенным ярлыков – 9 руб.; за избы – 4 руб. 50 коп.; священнику – 3 руб.; остаток – 3136 руб. 16 коп. разделю на 321 раскладочную душу, причитается 9 руб. 77 коп. на каждую душу – раскладочную.

19. Вдовицам, не имеющих платежных раскладочных душ, строевого леса, жердей и колья для домашних надобностей не давать, так как они не могут уплатить лесной налог, а давать только дрова и хворост.

20. Имели суждение о том, что необходимо в 1909 году произвести ремонт местному сельскому М.Н.П. училищу, у которого выгнил весь фундамент и погнила местами часть крыши. Постановили: просить Инспектора Народных училищ Архангельской губернии отпустить из средств казны на ремонт училища = 300 рублей.

21. 1. Постановили: разрешить постройку деревянного дома длиною 7 сажен и шириною 3 сажени крестьянину Андрею Лаврентьевичу Абросимову на просимом им месте рядом с домом Ефима Конева в одну общую с ним линию и разрывом 6 сажен.
    2. Разрешить Власу Пирогову постройку деревянного дома длиною 7 сажен и шириною 3 сажени на просимом им месте в одну общую линию с домами Акулины Рогозиной и Григория Прыгунова с разрывом в 6 сажен.
    3. Разрешить церковному старосте Кузоменского прихода постройку дровяника для церкви длиною 8 сажен и шириною 5 сажен в четвертом ряду.
    4. Разрешить отвод места под постройку деревянного дома Артемию Богданову длиною 7 сажен и шириною 3 сажени рядом с домом Семена Тюттерина.
    5. Разрешить отвод места Александру Яковлевичу Богданову под постройку дома длиною 6,5 сажен и шириною 3 сажени в одну общую линию с домом Ольги Вопияшиной.
    6. Разрешить отвод места Александру Фил. Воронину под постройку деревянного дома длиною 7 сажен и шириною 3 сажени в одну общую линию с домом Александра Яковлевича Богданова.

22. Обывательскую квартиру на 1909 год избрали Ивана Заборщикова.

23. Соляным вахтером избрали Пирогова Ивана на трехлетие.

Книга прихода и расходов за 1907 год[134].

Выдано Александру Ефимовичу Кирилловскому за окраску и подпись печатным шрифтом доски у сельского училища = 70 коп.
Выдано Матвею Двинину за промер р. Варзуги и выставку вех по ней = 1 руб.
Выдано доверенному оленной огороды Сергею Пирогову для расчета с поправщиками огороды = 15 руб.
Выдано Лариону Тарабуеву за постройку новой огороды = 1 руб.
Выдано Егору Абросимову за постройку оленной огороды = 16 руб.
Выдано Лаврентию Абросимову за поправку 1 ушата и 2-х кадок в училище = 30 коп.
Израсходовано на покупку бумаги у Якова Абросимова = 40 коп.
Выдано Степаниде Катариной на освещение земской избы за 1907 год = 50 коп.
Получено с крестьян сельских сходов за 1907 год = 161 руб.
Принято по приговору сельского схода от 23 декабря № 28 и 14% с суммы затраченной за тони = 608 руб.

Ф-4И, дело 22. О выборах должностных лиц 1909-1911 гг.

3 января 1910 года. Постановил сельский Кузоменский сход: избрать уполномоченных для проверки поступления денег Плотникова Якова, Тюттерина Павла, Абакумова Василия. 3 марта 1910 года. Выбрали Плотникова Николая Константиновича десятником сельской внутренней службы. Десятидворых выборщиков: Плотников Яков, Абросимов Арсений.

[134] Ф-4И, дело 19

Ф-4И, дело 23. Книга прихода и расхода мирского капитала 1909 года.

26 января выдано Сергею Пирогову – 3 руб.; Кириллу Дряхлову – 5 руб.; Александру Кирилловскому – 10 руб.; Петру Катарину – 3 руб.; Федору Ефимовичу Двинину – 3 руб.; Ивану Корехову – 5 руб.; Михаилу Рогозину – 2 руб.; Филиппу Абакумову – 7 руб.; Ивану Абросимову – 7 руб.; Михаилу Панкратову – 3 руб.; Федору Ивановичу Богданову – 5 руб.; Андрею Ивановичу Богданову – 3 руб.

Ф-4И. Май 1910 года. Наняли построить помещение для пожарной машины длиною 4 аршина, шириною и высотою 3 аршина Степана Терентьевича Богданова за 17 рублей.

Пожарный староста: Богданов Артемий Иванович (1913-1915 гг.)

На ремонт крыши Дмитриевской церкви выделены 50 рублей в 1910 году, на украшение храма – 150 рублей в 1911 г.

Ф-4И, дело 25. Книга прихода и расхода общественных средств в 1911 году.

Выдано по счету Ивана Ивановича Заборщикова для училища 4 пуда керосина, 5 пачек спичек по 11 коп. (55 коп.), 6 бутылок чернил (42 коп.), 1 стекло в лампу (7 коп.).

Итого: 10 руб. 80 коп.

В декабре 1911 года поступили деньги в сумме 67 руб. 50 коп. на отопление училища, волостного правления, фельдшерского пункта. Дрова поставляли: Богданов Андрей Федорович, Панкратов Михаил Александрович, Богданов Александр Яковлевич, Двинин Петр, Плотников Петр, Плотников Федор, Тарабуев Андрей Петрович, Тарабуев Николай Селиверстович, Тарабуев Иван, Абакумов Андрей.

1912 год. Выдано волостному старшины Ивану Когачеву за вывозку училищных вещей с парохода в сентябре месяце – 1 рубль.

Ф-4И, дело 27. 30 января 1912 года. Согласно решения Кузоменского Волостного Суда, состоявшегося 29 декабря 1911 года и на основании 139 ст. Общ. пол. о кр.; покорнейше прошу удержать из заработка крестьянки с. Кузомени Пономаревой Феклы Ивановны в пользу крестьянина Павла Федоровича Кожина – 12 рублей 00 копеек.

Январь 1912 года – сельский староста Абросимов.

Ф-4И, дело 29. Книга прихода и расхода общественных средств за 1913 год.

24 января 1913 года. Выдано Ивану Николаевичу Тарабуеву за предоставление 2 сажен дров к училищу – 4 рубля, Петру Плотникову – 4 рубля, Александру Богданову – 2 рубля.

20 февраля 1913 года. Получено из Кузоменской почтово-телеграфной государственной сберкассы за №6 по книжке за №119 – сто рублей. Сельский староста – А. Абросимов.

Выдано жалованье за август 1913 года: сельскому старосте Арсению Абросимову – 5 руб.; сельскому писарю Ивану Дряхлову – 6 руб. 85 коп.; сторожихе при училище Плотниковой Анне – 5 руб. 10 коп.

12 ноября 1913 года. Получено от Леонида Федоровича Плотникова за купленную им тоню «Абросимовскую» для ловли семги – 5 руб. 70 коп.

15 декабря 1913 года. Выданы церковному старосте Ивану Ильичу Тюттерину пожертвованные обществом в церковь – 50 рублей.

22 декабря 1913 года. Выдано лесному объездчику Федору Плотникову пошлину за дрова для Волостного правления, фельдшерского пункта и сельского училища, всего 6 рублей.

Ф-4И дело 28. Приговоры Кузоменского сельского схода о выборах должностных лиц, отпуске лесных материалов на домашние надобности, разделе сенокосных угодий и др. за 1913-1914 годы.

Январь 1913 г. Кузоменский сельский сход Кузоменской волости из числа 112 всех домохозяйств, имеющих право голоса присутствует 75 человек. Сельский староста Арсений Абросимов. В обществе имеется земельная община, состоящая из 149 дворов.

1. Просим г. Лесничего Умбского Лесничества об отпуске нам крестьянам Кузоменского сельского общества лесных материалов для домашних надобностей. А именно: 1490 бревен, 596 куб. саженей дров, 2980 жердей, 4470 кольев и 149 куб. саженей хвороста. Вырубка означенных лесных материалов должна быть произведена по урочищам р. Варзуги, выше селения Варзуги, по рекам Кица, Юлица, Ромбаки и на Кицком озере. Тем же приговором постановить: для освидетельствования на местах порубки и скатившегося леса к селению Кузомени и острову Ловецкому назначить добросовестных от селения на 1913 год Семена Яковлевича Абросимова и Петра Ефимовича Абакумова.

2. Сход постановил: избрать на трехлетие с 1913 по 1916 гг. пожарного старосту по сельскому обществу крестьянина Артемия Ивановича Богданова 40 лет. Избранный поведения хорошего, под судом и следствием не состоял.

3. Апрель. Нанять пастухов к оленней общественной огороде для пастьбы оленей в огороде. И выдать пастухам задаток.

Постановили: нанять пастухами к крылу на устье р. Варзуги Екима Степановича Горбунцова и к нижнему крылу Филиппа Иосифовича Абакумова с платой за каждого оленя при поимке осенью, первому по 60 коп., второму 1р. 50коп. с оленя.

Наняли в обход для осмотра ограды Андрона Панкратова с товарищем, двух выше нанятых пастухов и доверенного по огороде Артемия Пирогова с вознаграждением каждому из них по 75 коп. в сутки.

4. Так же приговором постановили: нанять пастухом к коровам крестьянку Марину Степановну Рогозину с оплатой по 1 руб. с коровы в лето и на хозяйских харчах. Кормить пастуха и платить деньги за каждую корову. Чтобы пастух угонял стадо коров из села в 5 часов утра и возвращался в 6 часов вечера. Коров гонять на пастбища к местностям Колониха и Каботово. Начать пастьбу коров с 28 мая.

5.Тем же приговором постановили: нанять взаимообразно из мирского сельского капитала на выписку безпошлинного для крестьян с. Кузомени чая – 340 руб. с уплатой % по 6 коп. с рубля.

Деньги 340 руб. и % 20р. 40коп. возвратить в мирской капитал не позже 1 января 1914 года. Чай выписывать от фирмы «Поповых» ценою 2 рубля за фунт, пакетами в 1 ф. – 500 шт.

Уполномочить крестьянина Филиппа Ивановича Тюттерина в получении чая, хранить его у себя и выдавать согласно списку. Полученные деньги с крестьян за чай с % сдавать сельскому старосте для пополнения казны.

6. Тем же приговором постановить: избрать на трехлетие с 1913 по 1916 гг. вахтером к комитетскому торговому магазину и волостной ссудной хлебной кассе Кирилла Иовлевича Дряхлова – 50 лет. Избранный поведения хорошего, под судом и следствием не состоял.

7. Кузоменский сельский сход постановил: находящуюся свободную сенокосную землю на острове Ловецком против с. Кузомень и принадлежащую обществу – разделить для покоса травы на срок 20 лет. Раздел этой земли произвести на 333 ревизских наличных души, числящихся в настоящее время.

8. Слушали словестное заявление крестьянина с. Кузомени Григория Алексеевича Рогозина об уступках ему места усадебной земли, находившейся под домом умершего крестьянина Григория Прыгунова. По обсуждении сего постановили: просимое место под домом Прыгунова уступить на вечное пользование Г.А. Рогозину.

9. Май 1913 года. Мы, ниже подписавшиеся крестьяне Архангельской губернии Александровского уезда Кузоменской волости, кузоменского сельского общества с. Кузомени крестьяне – домохозяева в числе 65 человек (из 112 всех домохозяев, имеющих голоса на сходе) по созыву нашего сельского старосты Арсения Абросимова, в его присутствии, где имели рассуждения об открытии у нас в Кузомени казенной винной лавки. По обсуждении сего вопроса единогласно постановили: просить г. Чиновника по крестьянским делам 2-го участка Александровского уезда возбудить ходатайство перед высшим начальством об открытии у нас в с. Кузомени казенной винной лавки для продажи вина местному населению по установленной казенной цене. Повод к открытию казенной винной лавки в том, что достача в настоящее время вина (покупка его) за дальностью расстояния в виду плохих путей сообщения очень затруднительна и очень дорога, а в особенности во время распутицы, когда ходоку, отправленному из с. Кузомени до с. Варзуги, расстояние 18 верст, за покупкой вина 15-20 бутылок, приходится платить за труды 2 рубля и даже больше.

10.Ноябрь 1913 года. Слушали предложение г. Чиновника по крестьянским делам 2 участка Александровского уезда от 28 октября 1913 года на имя волостного старшины об открытии в с. Кузомени двухклассного училища с двумя ремесленными отделениями столярно-токарного и кузнечно-слесарного на выраженных сельским сходом условиях в приговоре своем от 4 апреля 1912 года.

11. Слушали словестное заявление Николая Константиновича Плотникова об разделе его с сыном Петром на два самостоятельных семейства. Выслушав просьбу Плотникова, сход постановил – считать их в отдельных семействах. Состав семей будет таков:

1-я – отец Николай 58 лет, сыновья Егор – 21 год, Константин – 13 лет, дочери Августа – 25 лет, Александра – 19 лет.

2-я – Петр – 27 лет, жена его Наталья – 22 года.

Долг ссудной кассы 25 рублей. Рассудимым выплатить – отцу 15 рублей и сыну 10 рублей.

12. Слушали словестное заявление Ивана Николаевича Тарабуева об разделе его с сыном Павлом на два самостоятельных семейства:

1-я семья: отец Иван – 59 лет, его жена Клавдия – 58 лет, их дочь Ульяна – 26 лет, сын Захар – 33 года, его жена Фелиста – 28 лет, их дети: сын Петр – 6 лет, дочери Марья – 3 года, Нина – 1 год.

2-я семья: Павел – 28 лет и его жена Анна – 25 лет.

Долги распределили так: комитетских – 24 рубля, ссудной кассы – 35 рублей и мирского капитала – 19 рублей. Приговором утвердили 1-я семья выплатит 2 части всех долгов, а на 2-ю одну треть долгов.

13. Слушается словестное заявление вдовы Елизаветы Кореховой и сыновей ее: Петра и Николая Павловичей о желании их разделиться на 2 самостоятельные семьи. Состав семей таков:

1-я – мать Елизавета 55 лет, ее сыновья Николай – 26 лет и Алексей – 20 лет.

2-я семья Петр – 29 лет, его жена Глафира – 21 год.

К сему числу за ними состоит долг: комитетских – 63 рубля, ссудной кассы – 62 рубля, мирского капитала – 13 рублей. Долги распределили на 1-ю семью две трети, на 2-ю треть всех долгов.

14. Слушали словестное заявление Мефодия Осиповича Абакумова о желании его разделиться с сыном Гавриилом на два самостоятельных семейства.

1-я семья: Мефодий – 56 лет, сын Андрей – 20 лет, дочери Елена – 20 лет, Анна – 18 лет.

2-я семья: Гавриил – 26 лет, его жена Ульяна – 27 лет, сын Мирон – 2 года.

К сему числу состоит за общим семейством комитетских долгов – 14 рублей, хлебной ссудной кассы – 37 рублей и мирского капитала 10 рублей. Указанный долг распределяют так: отцу – 10 рублей комитетского долга, 26 рублей хлебной ссудной кассы и 10 рублей мирского капитала, остальные долги подлежат уплате сыну Гавриилу.

15. 27 ноября 1913 года пришли на выборы 75 человек из числа 116 всех домохозяев, имеющих право голоса на сходе. Выбирали на Волостном сходе сельских полицейских десятских, десятидворых и церковных сторожей к Дмитриевской и Покровской церквям на 1914 год. По обсуждении постановили избрать полицейскими десятскими:

Кривошеина Филиппа Михайловича, Абакумова Николая Петровича, Сидорова Алексея Архиповича, Абакумова Андрея Мефодьевича, Пирогова Филиппа Николаевича, Панкратова Михаила Никитича, Двинина Степана Александровича, Двинина Алексея Петровича, Дряхлова Петра Семеновича, Абакумова Петра Егоровича, Тюттерина Евгения Филипповича, Тюттерина Михаила Ан.

Десятидворыми на Волостной сход: Двинина Василия Галактионовича, Заборщикова Василия Николаевича, Пономарева Василия Павловича, Панкратова Антона Федоровича, Плотникова Якова Федоровича, Двинина Александра Константиновича, Тарабуева Лариона Мефодьевича, Пирогова Сергея Николаевича, Тарабуева Петра Николаевича, Абросимова Матвея Павловича, Тарабуева Захара Ивановича, Двинина Матвея Алекс.

Церковным сторожем к Дмитриевской церкви – Абакумова Василия Дмитриевича,

к Покровской церкви – Панкратова Андроника Трифоновича, которому оказывать помощь Абакумову В. во время церковных служб в воскресенье и праздники в течение всего года. Избранные поведения хорошего.

16. Декабрь. Кузоменский сельский сход Кузоменской волости в собрании 78 человек из числа 116 всех домохозяйств общества, имеющих право голоса на сходе, были созваны на сход старостой Абросимовым по разным общественным делам постановили:

16. 1. Построить новые избы на семужьих тонях: Тюттеринские новинки и Кошевской.

16. 2. Прибавить участки на Зарецкой стороне на тонях: Загубье – 1 уч., Корабельной – 2 уч., Великой – 1 уч., Глубокой – 1 уч., Глубоцких новинках – 1 уч.

На бабьей стороне: Кошевской – 2 уч., Шибалкиной – 1 уч., Большой огородне – 1 уч., Мелкой – 1 уч. На тоне Покровской сбавить 2 участка.

16. 3. Лов семги в реке Кица производить по-прошлогоднему, т.е. на 18 участках.

16. 4. Продажу тонь производить согласно имеющихся лиц в семействах и на каждых 2-3 малолетних детей покупать по 1 участку на семейство.

16. 5. Постановили: продажу тонь производить за наличные деньги при торгах. Уплату денег за купленные тони (участки) производить тот час же после торга тони и записи таковой в ярлыки.

16. 6. Торги производить в трех избах.

16. 7. Продажу тонь производить от реки Кица по Зарецкой стороне и до Трухинской.

16. 8. Для производства торгов тонями нанять избы Тарабуева Ивана Николаевича, Тарабуева Павла Ивановича и Кривошеиной Агафьи Яковлевны с вознаграждением по 2 рубля.

16. 9. Доверенными по продаже тонь назначили: Абросимова Арсения Васильевича, Дряхлова Ивана Семеновича, Плотникова Якова Федоровича, Воронина Александра Филипповича, Богданова Андрея Федоровича, Абросимова Кирилла Лаврентьевича с вознаграждением по 2 рубля каждому.

16.10. Священнику за совершение молебена в церкви – 4 рубля и на освещение церкви во время молебена – 3 рубля 50 копеек.

16. 11. Торги тонь начать после совершения молебена.
16. 17. Слушали предписание г. Чиновника по крестьянским делам от 22 декабря 1913 года на имя волостного старосты об неудовлетворении ходатайства общества, изложенного в приговоре сельского схода от 5 мая 1913 года относительно открытия в селе Кузомени казенной винной лавки.
16. 18. Приговором постановили: к оставшимся сиротам – малолетним детям умершего крестьянина с. Кузомени Заборщикова Тимофея Николаевича – сыну Михаилу 7 лет, дочерям Елизавете – 10 лет, Матрене – 5 лет, избрать опекуншей к личностям названных сирот и к их имуществу до их совершеннолетия – мачеху из крестьян с. Кузомени Заборщикову Марину Павловну.
16. 19. Слушали письменное заявление крестьян с. Кузомени Леонида Федоровича Плотникова о выдаче ему удостоверительного приговора на купленную им усадьбу – дома у крестьянки с. Кузомени Анны Ивановны Пономаревой – передней избы и имеющимися при ней постройками двором, хлевом, баней.

Постановили: усадебный участок с постройками укрепить в его личную собственность и выдать Плотникову копию с настоящего приговора.
16. 20. Слушали предписание г. Александровского уездного исправника от 16 декабря 1913 года на имя волостного старосты относительно отвода места – кладбища для зарывания трупов павших животных и чтобы таковые места были устроены на сухих местах совершенно недоступны для местного и стороннего скота и места эти должны быть огорожены. По обсуждении сего постановить: место – кладбище для зарывания трупов павших животных отвести от нижнего конца с. Кузомени в расстоянии 150 саженей в морскую сторону, на сухом месте и таковое огородить.
16. 21. Январь 1914 года. Слушали акт учетчиков Богданова Андрея Федоровича, Тарабуева Павла Ивановича, Пирогова Павла Н. о произведенном ими учете книг и делопроизводстве сельского старосты за 1913 год, из которого видно, что счетоводство и делопроизводство в 1913 году ведено правильно.
16. 22. Имели суждение о том, что расположенные около с. Кузомени по той и другой стороне р. Варзуги переносные пески, площадью около 20 кв. верст, причиняют много вреда нам, жителям села, засыпая дома и деревню, а так же и реку Варзугу, так как на всем выше указанном пространстве летучих песков, растительности способствующей укреплению почвы и задержанию песков, никакой нет, а посему постановили: выполнение приговора сельского схода от 31 марта 1896 года относительно ходатайства по настоящему делу – вновь просить г. Чиновника по крестьянским делам 2-го участка Александровского уезда ходатайствовать перед надлежащим начальством, чтобы Правительство приняло соответствующие меры к укреплению и задержанию упомянутых переносных песков, с тем чтобы расходы были отнесены на счет казны.
16. 23. Слушается предложение г. Чиновника по крестьянским делам 2-го участка Александровского уезда 8 февраля 1914 года на имя волостного старосты о прошении крестьян с. Кузомени: Пирогова Павла Н., Богданова Александра В., Пирогова Сергея Н., Корехова Алексея П., Корехова Александра Ив., Заборщикова Александра Ал. о желании их поселиться за рекой против с. Кузомени, на Кицкое по течении Ловецкой курьи. О соглашении схода на переселение указанных крестьян и отвода мест под постройку жилых домов и под огороды, от промысловых изб в м. Кицкое вверх в расстоянии 25 сажен по течению Ловецкой курьи, от берега таковой в 20 сажень в следующих размерах:

Александру Ал. Заборщикову – длина 15 саж., ширина 6 саж.
Павлу Н. Пирогову – длина 15 саж., ширина 5 саж.
Сергею Н. Пирогову – длина 15саж., ширина 5 саж.
Александру В. Богданову – длина 15 саж., ширина 5 саж.
Алексею П. Корехову – длина 15 саж., ширина 5 саж.
Александру Ив. Корехову – длина 15 саж., ширина 5 саж.

16. 24. Об увольнении из нашего с. Кузомени временно проживающей Кемской мещанки Марии Андреевны Антоновой ввиду частых обманов ею осенью при приеме семги от промышленников, из-за чего постоянно возникают судебные дела у Мирового судьи; олени ее пасутся вблизи и выбивают ягель – корм наших оленей; кроме того Антонова неоднократно в спорах при расчетах с промышленниками наносила им оскорбления, а также производила неоднократно и выстрелы из оружия. Постановили: ввиду означенных причин просить г. Чиновника по крестьянским делам 2-го участка Александровского уезда походатайствовать о выселении Антоновой из пределов с. Кузомени как приносящей вред местным жителям.

Ф-4И, дело 32. Приговоры Кузоменского сельского схода за 1915-1916 годы.

15 ноября 1915 года. Кузоменский сельский сход Кузоменской волости Александровского уезда в числе 85 человек из числа 114 всех домохозяйств общества имеющих право голоса на сходе, собранный сельским старостой Артемием Абросимовым для обсуждения общественных дел.

На предложение Кузоменского сельского схода Волостного правления и избрания уполномоченных от крестьян на Третий рыбопромышленный съезд в Сумской посад **постановили**: ввиду крайнего положения в этом году и за неимением свободных людей – не избирать.

2. Слушали заявление г. Чиновника по крестьянским делам 2-го участка Александровского уезда относительно лишения Артемия Тарабуева душевого надела в течении 6 лет и по обсуждении постановили: в выдаче душевого надела за 6 лет отказать, так как по местному обычаю кто из крестьян находится на чужой стороне и не имеет дома никакой оседлости, тот лишается душевного надела, а в настоящее время он имеет дом и получает душевой надел.

3. В этом году кончается срок службы нашего сельского старосты Абросимова Арсения, поэтому постановили: избрать на будущее трехлетие 1916-1918 годы сельским старостой Артемия Павловича Абросимова – 45 лет, грамотный и кандидатом к нему Матвея Алексеевича Двинина – 55 лет, грамотного.

4. Кандидатом на должность волостного старшины на будущее трехлетие 1916-1918 гг. избрать Сергея Николаевича Пирогова – 43 года.

5. Десятидворыми на волостной сход и судьями для Волостного суда избрать крестьян с. Кузомени: Василия Двинина, Ивана М. Андронова, Архипа Сидорова, Григория Абросимова, Ефима Тарабуева, Осипа Двинина, Михаила Пономарева, Ивана Абросимова, Петра Панкратова, Василия Пономарева, Филиппа Ив. Тюттерина. Федора Ефимовича Двинина.

6. Десятскими на 1916 год назначить: Андронова Ивана Ивановича, Дряхлова Егора Кирилловича, Заборщикова Ивана Ивановича, Богданова Дмитрия Андреевича, Богданова Тихона, Конева Дмитрия, Кирилловского Алексея, Тарабуева Дмитрия, Абросимова Алексея, Абакумова Гаврила Мефодьевича, Горбунова Филиппа.

7. Январь 1916 года. Слушали предписания г. Чиновника по крестьянским делам от 17 августа 1915 года на имя кузоменского волостного старшины об открытии временных спасательных станций на время торосового промысла для оказания некоторой помощи промышленникам. Выразили свое мнение в следующем: желательно иметь спасательные станции на более населенных во время промысла пунктах: «Бабий нос», «Кукшинь» и «Красный нос». На первое время специальные избы не требуются. Специальные лодки нужны самые легкие, подсальные, помещающие 5-6 человек команды, кроме спасателей.

Если нет специальных, то более удобные лодки будут «Осиновки» коими пользуются по Летнему и Зимнему берегам Белого моря.

8. Имели суждения: в виду большого количества взятого на войну народа и крайне тяжелых условий жизни, постановили просить г. Чиновника по крестьянским делам 2-го участка Александровского уезда ходатайствовать у Министерства Народного Просвещения отменить с нас непосильный в настоящее время расход отопления и освещения Кузоменского сельского училища, а чтобы не остановить дела просвещения до особого распоряжения, мы из последних своих средств отапливаем и освещаем училище, в случае же отказа М.Н.П. не ручаемся впредь найти средства на отопление и освещение.

8. Слушали предписание г. Чиновника по крестьянским делам о предложении сельскому обществу посильно помочь семьям, кормильцы коих призваны на войну: посеять поля, снять траву и произвести рыбный промысел, при чем помощь может быть выражена как в ассигновании крестьянами известной суммы (посредствам самообложения) и трудом.

По всестороннему обсуждению постановили: во-первых ассигновать сумму посредствам самообложения не из чего, так как заработков на местах и промыслов сейчас нет, а во вторых почти нет семьи из коей не взято на службу хотя бы одного члена – работника, а из большинства взято по два и по три работника, остались работники плохие для всех работ, а особенно для морского семужьего промысла, которого приходится лишиться и оставшимся жителям.

9. Постановили сохранить память на театры военных действий, подвигах крестьян с. Кузомени удостоивших пожалования знака отличия военного ордена. Помещение в здание Волостного правления портретов Георгиевских кавалеров с кратким описанием обстоятельств, при которых имело место наград означимыми отличиями. Затраченные на это деньги сельским старостою из мирских средств внести в раскладку в будущем году.

10. В виду недоставки в с. Кузомень продуктов первой необходимости: соли, сахара, чая, крупы и муки ржаной, постановили просить г. Чиновника по крестьянским делам ходатайствовать перед г. Начальником губернии о доставке при первой же возможности или с первым рейсом Мурманского срочного пароходства названных продуктов и особенно соли.

11. Слушали предложение мещанки г. Кеми Марии Антоновой о желании доставить для жителей села сахар ценою 35 коп. за фунт, а количеством по одному фунту в месяц на человека, ни в коем случае не поднимая цены. Постановили: доставку сахара для с. Кузомени поручить М. Антоновой на вышеупомянутых условиях. Всех жителей села, считая по чайному списку 636 человек. Начиная с 1 августа сего года и по 1 июня 1917 г. всего доставить 159 пудов. О праве получения вышеупомянутого количества сахара предоставить Антоновой хлопотать самой.

12. Слушали словестное заявление братьев Богдановых Александра и Ивана о желании их разделиться на 2 самостоятельных семейства. Состав семейств будет таков

1-я семья: мать Ирина Алексеевна – 50 лет, сын Иван – 21 г., сын Василий – 14 л., сын Федор – 10 л. и их сестра Феоктиста – 12 л.

2-я семья: Александр – 26 л., вторая жена Анна – 35 л., дочь Лиза – 1 год.

За братьями Богдановыми долг: комитетского хлебного долга – 50 р. 83 коп., ссудной кассы – 33 р. 89 коп., мирского капитала – 15 руб., а всего 99 руб. 72 коп., такую сумму братья согласны платить пополам.

1915 год.

Выдано Андрею Петровичу Двинину за чистку колодца = 3 рубля.
Выдано душевой налог за 1914 год Матроне Ворониной = 16 руб. 70 коп.
Выдано Матрене Андроновой за найм земской избы за 1915 год = 10 рублей.

Выдано Петру Николаевичу Тарабуеву за земскую избу за 3 месяца = 3 рубля.
Выдано за езду в Варзугу на пожар Татьяны Тарабуевой и Ивану Двинину = 1 руб. 60 коп.

1916 год.

Выдано вахтеру Кузоменского торгового магазина крестьянину с. Варзуги Николаю Коварнину = 9 рублей.
Уплачено прогонов за пароконную подводу экзаменатору в Кузоменское сельское училище Филянову до Варзуги = 2 руб. 16 коп.
Получено с Руфимы Катариной страховских = 15 коп. и за хворост = 17 коп.
Получено с Ивана Тарабуева оленных денег = 1 руб. 44 коп.
Получено от продажи водяных угодий = 193 руб. 47 коп.

1989 год.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от **16 января 1989 года** «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 30-40-х и начале 50-х годов» управлением КГБ СССР по Мурманской области совместно с областной прокуратурой завершена работа по пересмотру дел и реабилитации жителей Мурманской области, необоснованно привлечённых к уголовной ответственности несудебными органами – «тройками» и «особыми совещаниями».

Волны произвола, прокатившиеся по всей стране в годы культа личности Сталина, не обошли стороной и далёкий Терский берег, где пострадали 60 ни в чём не повинных жителей нашего района.

1. Братьям Абросимовым: Фёдору Яковлевичу 1887 г.р. и Семёну Яковлевичу 1881 г.р., оба проживали в селе Кузомень, было предъявлено обвинение в проведении антисоветской агитации, выступлении против колхозного строительства, выражении несогласия с репрессиями в отношении советских военачальников. По постановлению тройки УНКВД 9 декабря 1937 года оба расстреляны в г. Ленинграде.
2. Двинин Андрей Петрович 1897 г.р. рыбак колхоза «Моряк» с. Кузомень по обвинению в проведении среди населения контрреволюционной террористической агитации в отношении руководителей партии и государства, недовольство проводимой ими политикой, в октябре 1937 года заключён в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет».

7 Словарь поморских и специальных слов

Алтын – 3 копейки.
Банка – отдельно лежащая каменистая и песчаная мель.
Бар – гряда в прибрежной полосе морского дна, образованная наносами.
Барк – океанское парусное судно, у которого задняя мачта снабжена косыми парусами, а остальные имеют прямые паруса.
Бахúлы – высокие кожаные сапоги на мягкой подошве, с круглыми носками, сшитые на прямую колодку, удобные для хождения по толстому льду в зимнее и летнее время, употребляются поморами на промыслах.
Баюнок – сказочник.
Белёк – новорождённый детёныш нерпы.
Белуха – морское млекопитающее семейства дельфиновых. Длина до 6м., весит до 2тонн.
Бимс – поперечная балка, связывающая бортовые ветви шпангоута.
Бобушка – детская деревянная и костяная игрушка.
Божнúца – полка в Большом углу комнаты для икон.
Бот – небольшое гребное, парусное или моторное мореходное судно.
Брáма – большая морская лодка для перевоза грузов.
Бродакú – резиновые сапоги с длинным голенищем.
Бык – взрослый олень самец.
Быстрúна – течение, быстрота, быстрое течение воды.
Вáженка – взрослая самка оленя в возрасте трех лет.
Вáрака – покрытая лесом возвышенность.
Вехá – большая ветка, которыми овешивают дорогу, путь через реку, чтобы после метели и снегопада найти дорогу.
Вешалá – столбы с ушком (пропилом) на верху, на которых сушили невода.
Взвóдень – сильное волнение на море; крутая, большая волна, крутой вал.
Вздохнýло море – начался прилив.
Вица – хворостина, прут, розга, хлыст.
Водá кроткá – отлив, состояние воды во время наибольшего отлива.
Во срéту – навстречу.
Волок – кратчайшее расстояние между двумя судоходными реками, по которому суда и грузы перетаскивали (переволакивали) по суше от одной реки до другой.
Волость – административно – территориальная единица России. С 1861 года – единица сословного крестьянского управления.
Вóнделка – самка оленя на втором году жизни.
Вóрвань – топленый тюлений жир, использовался для освещения, а также для смазки изделий из кожи (бахал), чтобы не пропускали воду.
Всток – восток, восточный ветер.
Выступки – своешитые кожаные туфли без шнуровки и застежек
Гальóт – вид морского парусного судна, разновидность шхуны голландского образца, на Севере появился с XVIII века.
Гáндвик (Гáндвиг) – песенное название Белого моря, слово скандинавского происхождения.
Гúрвас (хúрвас) – олень-вожак; нехолощенный бык-олень.
Гичка – быстроходная узкая легкая гребная шлюпка с острым носом и транцевой (незаостренной) кормой.
Горло Белого моря – пролив, соединяющий северную часть Белого моря с Баренцевым морем.
Губá – большой залив, в который впадает более или менее крупная река.
Гривна – 10 копеек.
Денарий – 1.серебряная монета в Древнем Риме, равная 10 ассам. Чеканилась с 269 до нашей эры. 2. Монетная единица в некоторых европейских странах в средние века.
Долгари – рыбачьи сапоги с длинными голенищами.
Дровянúк – сарай для дров.
Душнúк – отдушина для самоварной трубы в доме, обычно делали в русской печи.
Ёла – легкое на ходу одномачтовое парусное судно с высоким носом и кормой; применяется для рыбного промысла у мурманских берегов.
Зáвеска – вид рыболовной снасти.
Зáдняя – обычно вторая половина дома, в которой живут в летнее время.
Залéжка – лежбище морского зверя.
Зарóд – стог сена.
Затóр – стеснение льда в устье весною.
Зуёк – северная птица вроде чайки. Зуйками называли у поморов мальчиков, работавших на промысловых судах.

Зúмник – дорога, которой обычно пользовались в зимнюю пору, так как этот путь более короткий, поскольку проходит через замерзшие болота и озера, которые нужно обходить летом.
Зыбка – люлька, колыбель, подвешиваемая к потолку.
Йжемцы – коми.
Избá – комната.
Избомытье – генеральная уборка.
Кáлги – лыжи, подбитые нерпичьим мехом, для того, чтобы ходить по сырому снегу.
Калúтки – шаньги из пресного теста.
Кáмка – шелковая ткань с разводами восточного или венецианского происхождения.
Канда – протока.
Кáньги – меховые чулки из мягкой оленьей шкуры, которые носят вместе с бахилами;
меховые тапки из оленьих койб с пушистой опушкой из меха другого животного.
Кáтаньцы (кáтанки) – валенки.
Кáрбас – широкая и короткая лодка, которая могла идти и на веслах, и под парусом.
Кáрбасник – владелец карбаса.
Кéгора – место выпаса оленей, у каждого села это место было свое. В кегоре многие поморы работали пастухами, пасли оленей.
Кейвы – каменистая горная гряда.
Кéйкало – бирка на животном (олене). На кейкале указывали, кому принадлежит животное.
Кемь – западный берег Белого моря с центром в городе Кемь.
Керёжа – вид санок с плетеным кузовом.
Кúбас – грузило, подвязываемое к низу снасти. Обычно кибас делали из камня, завернутого в бересту.
Клёск – рыбья чешуя.
Клипер – быстроходное морское парусное судно (3 – 4 мачты) с острыми обводами и развитой парусностью.
Козýля – выпекаемое накануне Рождества из ржаного теста животное, чаще всего – олень.
Кокóра – ствол дерева с корневищем.
Колобкú – небольшого размера домашнее печенье из пресного или кислого теста.
Кóнжуй – тюлень в возрасте примерно шести недель.
Кóрга – мель в море или реке.
Корéла – западный берег Беломорья (Карелия).
Кóрмщик – капитан морского промыслового судна.
Кóроб – корзины из лучины.
Костёр – поленница дров.
Кóча – древнейшее палубное парусное судно, устройством схожее с лодьей, но значительно меньших размеров.
Кóшка – обсыхающая песчаная мель в море, корга. В начале волны начинают шуметь в море на мелководье, затем большая волна подходит и с шумом разбивается у берега; шум приближающегося шторма.
Крóткая вода – отлив.
Кружáться – водить хоровод.
Кряж – выступ горы.
Кýбас – поплавок для якоря, на котором держится рыболовная снасть.
Куделя – определённое хозяйкой количество шерсти, привязываемое для пряжи на прялку.
Кýйпога – полный отлив на море, реке.
Кулебáка (Кулебяка) – рыбный пирог.
Кýрья – залив, далеко вдающийся в берег реки, озера.
Лáдка (лáтка) – металлическая тарелка, на которой жарят пищу.
Лáхта – небольшой морской залив.
Лéдник – это помещение для хранения скоропортящихся продуктов: рыбы, мяса, молока.
Ледянка – легкая лодка для охоты во льдах на морзверя.
Лóдья – самое большое из поморских судов, морское палубное трехмачтовое парусное судно. Древняя лодья подымала груз в 12 тысяч пудов.
Лéмбуй – иносказательное название лешего, т.к. у поморов было не принято упоминать представителей нечистой силы прямо, чтобы не навлечь их чары.
Лóпанка – самка оленя на первом году жизни.
Лопь, Лóпский берег – так в старину называли Кольский полуостров, где жили лопь или лопарú – исконные жители Кольского полуострова (отсюда – Лапландия).
Лопáрь – устаревшее название саамов.
Лох – семга, горбуша в период нереста (июль – август – сентябрь) с бронзово-красной брачной окраской.
Лýда – небольшой скалистый островок, лишенный растительности.
Лук – определенная доля общественных угодий и доходов. В основу лукового обложения клались промыслы, сенокосные угодья и пахотные земли, если таковые имелись.
Лысýн – тюлень в возрасте 2-х лет.

Ма́лица – вид верхней саамской одежды с капюшоном, сшитой из оленьих шкур шерстью внутрь. Одевается малица через голову как чехол.
Ма́ра – мираж, густой туман.
Ма́тица – балка, которая поддерживает доски потолка.
Межёнка – семга небольшого размера (около килограмма).
Межу́ток – небольшой промежуток между домами, огородами, поленницами дров.
Мори́льница – большая банка на ножках с крышкой для «морения» (чтобы остыли) и хранения древесного угля.
Моро́шечник – пирог с морошкой.
Морж – морское млекопитающее отряда ластоногих. Длина до 4метров, весит до 2 тонн.
Морской заяц (лахтак) – млекопитающее семейства настоящих тюленей. Длина до 2,4м.
весит до 360 кг.
Мирски́е схо́ды – практическое выражение самоуправления. Высказавшись и обсудив все подробно, сход выносил так называемый приговор.
Мыс – выступающая в море скала.
Наблюдник – полка для посуды, на которую ставят тарелки на ребро.
Наволо́к – прибрежный мыс; полуостров.
Нагель – деревянный гвоздь.
Нагрудник – короткая кофточка, надеваемая под сарафан.
Нать – надо.
Обе́дник – юго-восточный ветер.
Озёрко – маленькое озеро.
Оме́ныш – ругательное слово, происходит от поверья, будто бы в детстве ребенка, оставленного без присмотра, может подменить нечистая сила, особенно в бане. Оменыш, значит, не человек, а такой-сякой, в общем – хулиган, который всех достал.
Относ, унос; попасть в унос или в относ – быть унесенным на льдине.
Ошку́й – белый медведь.
Пагалёнки – носки, одеваемые поверх хороших носков вместо валенок, т.к. раньше не у всех были валенки.
Пахта – отвесная скала.
Пекло́ – пекарская лопата, используемая также для укладки дров в русскую печь.
Перекро́й – смена фазы луны, как правило, сопровождается сменой погоды.
Пи́мы – сапоги до паха из койб оленя, лося.
Пли́ца – ковш, обычно деревянный, для вычерпывания воды из лодки.
Побере́жник – северо-западный ветер.
Повете́рь – попутный ветер.
Пово́йник – головной убор замужней женщины.
Погост – первоначально центр сельской общины на северо-западе Древней Руси. Позднее центр административно – податного округа, крестьянское селение с церковью и кладбищем.
Подзоры – кружева на занавесочке. Занавесочка с кружевами подвязывается вдоль кровати.
«Под изво́з» – дальние многодневные поездки.
Подсосе́дники – люди, живущие на чужом дворе. По описи они не самостоятельные хозяева.
Поездница – узкая длинная речная лодка.
Поездова́ние – способ лова рыбы в реке двумя лодками, между которыми тянули снасть.
По́жня – место сенокоса.
По́крут – команда промыслового судна.
По́лдень – юг.
Полу́дник – южный ветер.
Полуно́чник – северо-восточный ветер.
Пора́то – очень, весьма, сильно, крепко.
Пру́жить, опру́жить – опрокидывать.
Прутóк – вязальная спица.
Прядень – пряжа.
Прядено – грубая нить, используется для вязания сетей, шитья мешков.
Псаломщик – православный церковнослужитель, помогающий священнику во время богослужения.
Пуд – русская мера массы (веса). 1П = 40 фунтам = 16,38кг.
Пы*ж*ик – народившийся олень, мягкий мех которого использовали для шитья пыжиковых шапок, одежды. Пыжиком называют оленя в возрасте до 2 -5 дней.
Райда – поезд, состоящий из оленьих упряжек.
Ро́ва – покрывало из оленьих шкур, которым укрывают ездоков, пассажиров в санях.
Ропа́ки – нагромождение льда, гряды стоящих по берегу льдин.
Рохле́ц – морошка молочной спелости.
Сак – мешок из сети для переноса сена или ягеля.

Са́лма – пролив между островами или между островом и материком.
Сетница – небольшой амбар на сваях для хранения сетей.
Су́вер (Су́верка), Север – северный ветер.
Сотник, десятник – звания командиров, под начальством которых находилось соответственно 100 и 10 человек.
Спо́лохи – северное сияние.
Сряжа́ться – собираться.
Станово́й при́став – в России с 1837 г. полицейское должностное лицо, заведовавшее станом. Назначался губернатором, подчинялся исправнику, имел в своем распоряжении полицейских урядников (с 1878 г.).
Столе́шница – дощатая поверхность стола, верхняя доска.
Стоянка – остатки неукрепленного поселения охотников и рыбаков каменного века.
Страстна́я неде́ля – последняя перед Пасхой неделя Великого поста.
Стреж – фарватер реки.
Суво́й – беспорядочное волнение при встрече противоположных течений.
Тайбола – перешеек.
То́бурки – обувь из шкур оленя и нерпы.
Тоня – место промысла рыбы, включает жилые дома и хозяйственные постройки, вешала.
Торосы – нагромождения льдин, образующихся в результате сжатия ледяных полей.
Тру́дники, или годовику́ – подростки, которых родители «по обещанию» отдавали на срок в Соловецкий монастырь, одновременно они обучались судостроительному мастерству.
Ту́рья гора́ – гора на западном берегу Белого моря.
Ту́ра – морские водоросли.
Тюле́нь – ценный объект промысла поморов и саамов.
Уго́р – косогор, возвышенность, высокий берег, гора.
Устьяне – жители речного устья.
Утельга – взрослая самка тюленя.
Утлый – ветхий.
Утренник – весенний или осенний мороз по утрам, до восхода солнца.
Ура́к – самец оленя на первом году жизни.
Урмане (норвежцы) – приморские жители, «береговые» люди.
Уро́чище – любая часть местности, отличная от окружающих (например, моренный холм, заболоченная котловина).
Ухоро́нки – игра в прятки.
Уша́т – деревянная кадка с ушами, в отверстия которых вставляется специальное коромысло.
Ушку́йники – первоначально – промышленники на белого медведя; смелые, отчаянные люди. В Древней Руси ушкуйниками назывались ватаги новгородцев, которые в больших лодьях – ушкуях – ходили на дальние северные реки и занимались разбоем.
Фунт – единица массы в системе русской меры. 1Ф = 0,409кг.
Хорей – это длинный шест с костяным или деревянным шаром на конце для подгона оленей.
Чопуро́к – олень в возрасте до полугода.
Чудь – чудское, финское племя, в древности населявшее северную Русь.
Ша́ньга – вид выпечки из кислого или пресного теста с начинкой поверх теста. Обычная начинка из ягод, творога, картошки.
Шело́ник – юго-западный ветер (с р. Шелонь).
Шелюхины – ряженые на святочной неделе.
Шняка – небольшое шестивесельное судно с прямым парусом, без кают и палубы, длиной 10 – 13 метров с тремя отделениями. В одном держали снасти, в другом – наживку, в третьем – улов.
Шуга – скопление рыхлого губчатого льда в водной толще или на поверхности водоема.
Шху́на – вид морского парусного судна; строились на Севере в XVIII – XIX веках.
Яхта – парусное судно.